PG 3467
.N38 P4
1874
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1925

Class PGR 1801

Book

YUDIN COLLECTION

ПЕТЕРБУРГСКІЕ

ВЕРТЕПЫ и ПРИТОНЫ

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ ПОГИБШИХЪ ВЪ ВОЛНАХЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. НЕКРАСОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

Nekrasov, Nikita
Petersburgskie
163/885

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕРТЕПЫ и ПРИТОНЫ

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ ПОГИБШИХЪ ВЪ ВОЛНАХЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Никиты

НЕКРАСОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ К. Н. ПЛОТНИКОВА, КОЛПИНСКАЯ УЛИЦА, Д. № 23

1874.

PG3467
.N38PA
1874

IR Feb. 6 - 1914

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Потонувшіе (Разсказъ) . . . . . 1.

Сопичка (Сцены изъ купеческаго быта) . . . . . 59.

Петюнька . . . . . 89.

Жизнь и похожденія Кирьякова . . . . . 103.

24/a 14

ПОТОНУВШІЕ.

(Разсказъ).

I.

Забѣлинъ происходилъ изъ мѣщанскаго сословія. Онъ остался круглымъ сиротой послѣ отца, какого-то мелкаго торговца, и его пріютилъ дядя-лабазникъ. Когда Николай Иванычъ Забѣлинъ достигъ двѣнадцатилѣтняго возраста, дядя убѣдился, что онъ никуда неспособенъ, и отдалъ его въ гимназію. Вслѣдствіе загнаннаго, одинокого дѣтства, изъ него развился какой-то мечтатель, любящій уединеніе. Рано развитое воображеніе подавляло въ немъ часто всѣ другія способности, и если онъ не умеръ еще въ гимназіи отъ вредныхъ привычекъ, такъ этимъ единственно обязанъ своему дядюшкѣ, который очень часто грубой дѣйствительностью разрушалъ иллюзіи мечтателя и заставлялъ его изъ міра фантазій возвратиться въ дѣйствительность.

Когда Забѣлинъ кончилъ курсъ, дядя, разсматривая его атестатъ, сказалъ: «во всякомъ дѣлѣ, братецъ, нуженъ умъ; въ торговлѣ тѣмъ паче, а у тебя его-то и не было... Вотъ теперь эта штука — твой умъ; теперь ты на дорогѣ, и можешь зашибить копѣйку безъ моей помощи: этотъ листокъ будетъ тебя кормить и одѣвать».

Забѣлинъ вѣроятно невполнѣ былъ согласенъ съ дядей касательно своихъ способностей: онъ захотѣлъ получить другой листокъ, который бы не только кормилъ и одѣвалъ

его, но даже доставлялъ ему извѣстныя удовольствія комфорта. Онъ захотѣлъ въ университетъ. Дядя не согласился дать денегъ на это, а сослался на листокъ: — дескать онъ тебя и въ Петербургъ свезетъ.

Дѣйствительно, Забѣлинъ поступилъ учителемъ уѣзднаго училища, пробылъ годъ и сколотилъ небольшія деньжонки, достаточныя на дорогу и на прожитіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ столицѣ. Тутъ конечно было не безъ расчетовъ на многочисленные уроки, которые такъ легко достать въ людномъ городѣ. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Былъ уже сентябрь; экзамены на стипендіи давно уже кончились и даже военныя училища недоступны до будущаго года. Надо ждать цѣлыхъ одинадцать мѣсяцевъ до будущаго августа. Забѣлинъ поселился въ маленькой комнаткѣ на Васильевскомъ островѣ и проживалъ свои скопленныя денежки.

Въ то прекрасное утро, съ котораго начинается разсказъ, онъ сидѣлъ у окошка своей комнаты, опустивъ на колѣни раскрытую книгу. Квартирная хозяйка Забѣлина сидѣла поодаль, у стола, передъ блестящимъ мѣднымъ кофейникомъ и весело мѣшала въ чашкѣ.

— Трудно здѣсь деньги наживать, а проживать очень легко, говорила она. Впрочемъ, дѣлая обороты даже съ маленькимъ капиталомъ, кое-какъ жить можно. Вамъ бы чѣмъ нибудь заняться, Николай Иванычъ! Покуда есть деньги, вамъ можно работать на себя, а не на другихъ, и если бы я была на вашемъ мѣстѣ, давно бы принялась за дѣло. У меня есть знакомая вдова; у ней отъ мужа осталось рублей двѣсти, она ихъ пустила въ оборотъ, и что же вы думаете? теперь у ней тысячи есть! А какой оборотъ можетъ сдѣлать женщина? Она только тѣмъ и занимается, что деньги въ проценты даетъ. А вы—мужчина, вы не за то, такъ за дру-

гое можете взяться! Впрочемъ, самое спокойное занятіе закладчика. Не хотите ли попробовать?

— Пожалуй.

— По нашей лѣстницѣ, въ третьемъ этажѣ, заговорила хозяйка, недавно еще живетъ одна дѣвушка. Она пріѣхала сюда съ отцомъ; онъ умеръ, и она теперь безъ гроша. Вещи у ней есть хорошія. Она въ самомъ ужасномъ положеніи: ей покуда не хочется того... понимаете?.. работы она найти не можетъ, да и что такое женская работа?.. Вотъ другой мѣсяцъ она живетъ только тѣмъ, что продастъ или заложитъ... Хотите, я ей рекомендую васъ?

— Рекомендуйте!

— А вы знаете, какіе хорошіе проценты можно брать? сказала хозяйка, качая головой: очень умѣренный процентикъ — десять, а то берутъ и пятнадцать, и двадцать въ мѣсяцъ.

— Въ такомъ случаѣ, и я стану брать тоже по двадцати.

— Это отъ васъ зависитъ—можно и по двадцати. Только это, знаете, невыгодно, — съ убѣжденіемъ возразила хозяйка:—такіе проценты мало кто вамъ дастъ.

— Ну, а слибъ я сказалъ вамъ, что хорошо бы сдирать съ людей кожу, я думаю, вы и тогда возразили бы мнѣ только, что эта кожа никуда негодится? Неужели вы въ жизни руководствуетесь только такими правилами?

— Только такими, сухо возразила Анна Ивановна.

— Вотъ вы говорили объ этой дѣвушкѣ. Неужели у васъ нѣтъ ни капли сожалѣнія къ ея горькой участи? заговорилъ Забѣлинъ.

— Да, мнѣ жаль Сашу,—разсѣянно отвѣчала хозяйка.

— А какъ вы думаете, что она будетъ дѣлать, когда она продастъ и заложитъ всѣ свои вещи?

— Да то же, что и другія. Голодъ не свой братъ: онъ много заставитъ сдѣлать такого, чего и не хотѣлъ никогда, и не думалъ. И она будетъ дѣлать тогда то, что и другія дѣлаютъ въ ея обстоятельствахъ, невозмутимо отвѣчала Анна Ивановна.

— Вотъ видите, вамъ жаль ее, какъ вы говорите: отчего бы вамъ не помочь ей?

Анна Ивановна нѣсколько секундъ молча смотрѣла на кончикъ своего башмака.

— Къ несчастію, я ей не могу помочь, отвѣчала она.

— У васъ много знакомыхъ; отчего бы вамъ не достать ей работу?

— Это будетъ совершенно безполезно. Вы думаете, много женщина можетъ заработать? вы думаете, она можетъ жить на свой заработокъ? Самая лучшая швея, если она не на готовомъ кушаньѣ, должна питаться почти однимъ хлѣбомъ. Конечно, большая часть не довольствуется этимъ и, при помощи извѣстныхъ средствъ, живетъ лучше. Я бы давно рекомендовала Сашу, но знаю, что это безполезно. Зачѣмъ заставлять ее мучиться, работать, нуждаться?

— Я увѣренъ, что эта дѣвушка совсѣмъ не раздѣляетъ вашихъ взглядовъ и предпочитаетъ честный трудъ и убогое существованіе богатству, пріобрѣтенному незаконно, сказалъ Забѣлинъ.

— Впрочемъ я ей предложу,—прервала его Анна Ивановна,—хоть напередъ положительно знаю,—что этимъ нисколько не помогу ей. Вотъ вы сами увидите, какъ она не удовольствуется заработкомъ и будетъ попрежнему продавать и закладывать свои вещи. Да и какимъ образомъ удовольствоваться этимъ жалованьемъ? Развѣ можно существовать человѣку на какихъ нибудь девять рублей? Этимъ

можетъ жить собака или кошка!.. Я скорѣе думаю, что Саша, какъ умная дѣвушка, пойметъ это и не приметъ моего предложенія.

— А вы все-таки предложите ей, Анна Ивановна, постарайтесь уговорить ее.

— Зачѣмъ же! я изъ всѣхъ силъ постараюсь лучше отговорить ее.

— Познакомьте меня съ этой дѣвушкой, сказалъ Забѣлинъ, быстро оборачиваясь къ Аннѣ Ивановнѣ. Кромѣ того что я глубоко сочувствую ея положенію, я могу поддержать ее, можетъ быть, нѣкоторымъ образомъ...

Анна Ивановна разсмѣялась.

— Насчетъ этого я не сомнѣваюсь. Поддержать ее вы всегда можете, сказала она, поднимаясь со стула.

— Такъ вы познакомите меня?

— Познакомлю.

Затѣмъ Анна Ивановна взяла со стола кофейникъ и вышла изъ комнаты. Забѣлинъ остался одинъ; онъ отошелъ отъ окна, сѣлъ на диванъ и началъ припоминать хорошенькую головку, которую онъ когда-то видѣлъ у Анны Ивановны. Онъ думалъ о томъ, какъ пріятно быть студентомъ, имѣть много уроковъ и хорошенькую жену. Вотъ онъ, усталый, переходитъ отъ труда къ удовольствію. Къ нему приходятъ товарищи веселые... Всѣ завидуютъ его женѣ: она очень образована, много читаетъ и можетъ даже поддерживать споръ о самопроизвольномъ зарожденіи или распредѣленіи богатствъ. Но веселая компанія расходится; уже поздняя ночь...

Богъ знаетъ, до чего бы не додумался Забѣлинъ, еслибъ его не позвала Анна Ивановна развлечься картами.

На другой день Анна Ивановна поднялась въ третій

этажъ и позвонила. Дверь отперла какая-то усатая чухонка въ черномъ капорѣ.

— Дома Саша? спросила Анна Ивановна.

— Куда она ходитъ! непривѣтливо пробормотала чухонка, пропуская ее въ дверь.

Саша—молоденькая, хорошенькая дѣвушка, лежала на диванѣ въ своей комнатѣ и читала книжку.

— Здравствуйте, Саша, какъ вы поживаете?

— Все также, Анна Ивановна.

— Я пришла поговорить съ вами, сказала Анна Ивановна, садясь на диванъ подлѣ Саши. Хотите вы имѣть работу?

— Конечно хочу.

— Но знаете ли вы, что такое работа? Вѣдь вы цѣлый день должны сидѣть, не разгибая спины, должны шить,—и такимъ образомъ вы не заработаете больше тридцати копѣекъ въ день. Это девять рублей въ мѣсяцъ. Вы понимаете: на эти деньги почти невозможно жить! Вы должны за квартиру семь рублей — остается два. Утромъ, когда вы пойдете на работу, вамъ захочется напиться кофею, вечеромъ тоже, бѣлье, свѣчи—на все это только два рубля въ мѣсяцъ! А башмаки, а платье?..

— Анна Ивановна въ моихъ обстоятельствахъ и это можетъ оказать мнѣ большую помощь...

— Я еще не все вамъ сказала, продолжала Анна Ивановна съ большей запальчивостью. Надъ вами будетъ хозяйка, на которую вы будете работать, а она за это будетъ помыкать вами... Вы не будете имѣть свободы отдохнуть когда вамъ захочется, или поговорить съ подругой! За вашими руками будетъ слѣдить зоркій глазъ, и если вы порвете лишній разъ нитку, вы получите выговоръ. Вотъ какова эта работа!

— Какова бы она ни была, мнѣ выбирать не изъ чего, Анна Ивановна.

— Такъ вотъ, хотите вы получить такую работу?

— Да, хочу, рѣшительно отвѣчала Саша, кивая головой.

— Я вамъ достану.

— Благодарю васъ.

— Слишкомъ рано благодарите. Я положительно знаю, что вы такъ и полгода не проработаете. Не думайте, чтобы это мѣсто было хуже другихъ,—нѣтъ! Вотъ поступите, такъ увидите, что вамъ нужно биться какъ рыбѣ объ ледъ, и всю жизнь такимъ образомъ—всю жизнь получать девять рублей въ мѣсяцъ и ходить въ разорванныхъ башмакахъ. Не доѣдать, не допивать, трудиться для какой-то хозяйки!.. Скучная это исторія, Саша! Немудрено, что многіе изъ насъ предпочитаютъ хотя одинъ годъ хорошей жизни: тамъ смерть гдѣ нибудь въ больницѣ!.. Это гораздо лучше, чѣмъ цѣлую жизнь тянуть такую лямку! Вы сами черезъ полгода разсудите также. Знаете — есть одна мудрая пословица: «что и честь, коли нечего ѣсть!»

— Скверная пословица...

— Гдѣ же взять лучше? Въ ваши годы я знала эту пословицу, и знала, что мнѣ двѣ дороги: или выдти замужъ, или другое... Я была въ то время горничной у одного генерала. Былъ у этого генерала сынъ гусаръ, былъ у него камердинеръ, по просту лакей... Трудно мнѣ было жить въ горничныхъ, хотѣлось чего нибудь лучше. Гусаръ и могъ бы это сейчасъ доставить, но я предпочла временному вѣчное. Я предпочла барину лакея—и вотъ мы теперь живемъ не худо.

— А вы думаете, продолжала она, откидываясь на спинку дивана, я стала бы работать, еслибъ не расчитывала выдти

замужъ? Стала бы я съ утра до ночи вертѣться около генеральскихъ пострѣлятъ?.. Какже!

— Анна Ивановна! вы, кажется, хотите подать мнѣ какой-то совѣтъ? спросила Саша.

— Да, совѣтъ, невозмутимо-спокойно отвѣчала хозяйка. Женщина можетъ жить и дѣйствовать только изъ-за спины мужчины; только подъ его покровительствомъ она можетъ быть спокойна на счетъ своей репутаціи... Всякая умная дѣвушка должна стараться выдти замужъ. И я вамъ хочу подать совѣтъ подцѣпить, какъ можно скорѣй, жениха какого нибудь: лѣниваго, глупаго, вора—только былъ бы мужъ! Все равно какой бы онъ ни былъ: умная женщина сдѣлаетъ изъ него умнаго, прилежнаго, хорошаго человѣка или хорошую ширму. Надо вамъ скорѣй выходить замужъ, если не хотите идти другой дорогой...

— Оставимте этотъ разговоръ.

— Впрочемъ и другая дорога немногимъ разнится отъ первой, продолжала Анна Ивановна, не обративъ вниманія на слова Саши. То и другое—въ сущности все равно. Вы думаете, какъ я своего мужа изъ лакея сдѣлала бариномъ? а? Изъ грязи трудно выкарабкаться чистыми средствами: добрыми дѣлами, честнымъ трудомъ ничего не подѣлаете.

— Анна Ивановна, оставимте этотъ разговоръ, повторила Саша.

— Позвольте, мнѣ нѣтъ надобности желать вамъ зла; я хочу даже помочь вамъ и къ тому говорю все это. Я вамъ сказала много такихъ вещей, которыхъ, по вашему понятію, должно бы стыдиться... Это такъ, по вашему; а по моему мнѣ стыдиться нечего! Еслибъ васъ посадили за столъ и сказали бы: сиди тутъ, не ѣшь ничего до тѣхъ поръ, покуда не умрешь съ голоду, были бы вы виноваты, еслибъ съѣли

ломтикъ хлѣба? Я думаю, нѣтъ. Мнѣ, вотъ видите, тоже — не хотѣлось быть вѣчно горничной... Еслибъ я была генеральшей, мнѣ бы ненужно было дѣлать разныхъ скверностей. Я потому говорю все это, что хочу помочь вамъ, только не работой. Я нашла вамъ жениха. Вы сегодня его увидите; это мой жилецъ. Онъ хоть бѣдный человѣкъ, но—поучится, такъ можетъ занять порядочное мѣсто. Тутъ уже будетъ чисто отъ васъ зависѣть ваша судьба: понравитесь вы ему— хорошо, нѣтъ—такъ никакая работа не можетъ спасти васъ! Приходите ко мнѣ сегодня же и куйте желѣзо пока горячо, какъ говоритъ пословица.

Саша хотя была несогласна съ ея мнѣніями, но не рѣшилась ничего возразить. Она только разсѣянно поднялась съ дивана и начала ходить по комнатѣ.

Анна Ивановна также встала съ мѣста.

— Все, что я говорила вамъ, говорила единственно для васъ; это не касается нисколько моихъ интересовъ, сказала Анна Ивановна, пожимая Сашину руку. А во всякомъ случаѣ вы сегодня придите...

Аннѣ Ивановнѣ было около тридцати лѣтъ. Она далеко еще не постарѣла и не увяла, между тѣмъ житейская дѣятельность ея была почти кончена: ей оставалось только пожинать лавры и плоды прежнихъ хлопотъ и усилій. Обстоятельства сложились такъ благопріятно, что Анна Ивановна была на прямой дорогѣ къ осуществленію своего идеала: сколотить порядочный капиталецъ, уѣхать въ провинцію и играть тамъ роль...

Какъ натура энергическая и дѣятельная, Анна Ивановна не могла уснуть на этихъ лаврахъ, она искала, если не настоящей борьбы и дѣятельности, то по крайней мѣрѣ чего нибудь похожаго на нихъ. Для этого она прибѣгала

къ картамъ, сражалась въ стуколку, это доставляло нѣчто похожее на сильныя ощущенія. Точно также отъ нечего дѣлать занималась она сплетнями, на которыя обыкновенно расточается у насъ женская дѣятельность.

Конечно этой же жаждѣ дѣятельности нужно приписать и сватовство Саши, которую Анна Ивановна такъ безкорыстно рѣшилась направить на путь истинный.

Саша не могла понять этого, и, несмотря на слова Анны Ивановны, начала подозрѣвать, что ея доброжелательница не даромъ потратила столько краснорѣчія. Саша ломала голову, и никакъ не могла догадаться, какимъ образомъ это могло касаться интересовъ Анны Ивановны. Саша не могла однако не сознаться, что Анна Ивановна была единственнымъ человѣкомъ, сочувствовавшимъ ей. Она вспомнила печальные дни послѣ смерти отца, которые значительно были облегчены обществомъ Анны Ивановны; она своимъ безкорыстнымъ многоглаголаніемъ, если не утѣшала Сашу, то по крайней мѣрѣ развлекала. Впрочемъ она мало и заботилась объ утѣшеніи Саши, и никогда не говорила о суетѣ мірской и тому подобныхъ утѣшительныхъ предметахъ, прилетаемыхъ въ этихъ случаяхъ. Анна Ивановна просто разсказывала разныя исторіи, примѣшивая къ нимъ практическія умозрѣнія. Она вообще не совѣстилась высказывать сокровенные принципы многихъ тысячъ людей, и даже высказывала ихъ съ нарочно усиленнымъ цинизмомъ. «Я такъ долго боролась противъ зла, что сама наконецъ сдѣлалась злою,» какъ-то грустно объявила она Сашѣ, и потомъ начала доказывать, что добрыми орудіями нельзя бороться со зломъ.

Все это думала Саша, расхаживая по своей комнатѣ, и Анна Ивановна представлялась ей лицемъ тоже страдательнымъ и угнетеннымъ...

Почти до пяти часовъ продумала Саша о судьбѣ Анны Ивановны и многихъ подобныхъ ей; наконецъ она глубоко вздохнула и начала одѣваться.

Когда Саша сошла къ Аннѣ Ивановнѣ, кофе уже давно былъ готовъ, и Забѣлинъ расхаживалъ въ комнатѣ своей хозяйки. Ему почему-то стало неловко при мысли, что они сошлись съ Сашей не случайно, а по заранѣе задуманному плану; онъ сѣлъ подальше отъ нея, и принялся молчать самымъ упрямымъ образомъ, между тѣмъ какъ Анна Ивановна болтала безъ умолку.

Какъ для Забѣлина, такъ и для Саши, часа полтора прошли довольно скучно. Наконецъ Забѣлинъ всталъ и сказавъ, что ему нужно заниматься, ушелъ въ свою комнату.

Саша и Анна Ивановна остались однѣ.

— Ну, какъ онъ нравится вамъ, Саша? Онъ очень добрый, чувствительный! Я думаю, еслибъ вы за него вышли, это было бы очень недурно. Онъ теперь отставной учитель. Здѣсь онъ можетъ добыть уроки... какъ бы вы зажили!

— Все это несбыточныя вещи.

— Можетъ быть, если вы не перемѣнитесь, не возьметесь за это дѣло какъ слѣдуетъ.

— Тутъ главное не отъ меня зависитъ... Да и наконецъ къ чему все это можетъ привести? Положимъ, даже онъ женится на мнѣ. Чтобы жить вмѣстѣ нужны деньги такія же, какъ и теперь, если не больше...

— Вы будете тогда замужняя женщина, а какое сравненіе между дѣвицей и замужней? Дѣвица должна бояться за свою честь, а замужней женщинѣ бояться нечего. Но это еще не все. Есть и другія удобства: возьмите теперь мое положеніе; еслибы я была дѣвица, могла ли бы я управ-

лять домомъ? Но у меня есть мужъ — онъ хоть глупъ, а все-таки мужчина. Замужняя женщина что хочетъ, то и дѣлаетъ.

Анна Ивановна принялась за дѣло сватанья такъ энергично и откровенно, что чуть окончательно не испортила всего. Несмотря на слабость своего характера, которая часто заставляла Сашу подтверждать то, съ чѣмъ она была положительно несогласна, Саша въ этотъ разъ возразила Аннѣ Ивановнѣ. Та слушала ее, постукивая ложкой по блюдечку.

— А вы что же думали? сказала она, когда Саша кончила. Женщина въ нашемъ быту родится для этой обыкновенной исторіи, или какъ вы ее называете — погибели. Въ сущности, тутъ нѣтъ никакой погибели. Это просто единственный путь сообщенія между слабыми и сильными... Если хотите перебраться на ихъ сторону, этого пути не минуете; не хотите—довольствуйтесь малымъ! Кстати, вотъ оно, это малое, заключила Анна Ивановна, доставая запечатанное письмо.

— Что это? спросила Саша.

— Если вы хотите попробовать горькую чашу дѣвической жизни, ступайте по этому адресу, насмѣшливо проговорила Анна Ивановна, подавая Сашѣ письмо. Это рекомендательное письмо къ одной магазинщицѣ, мадамъ Мишель. Завтра утромъ, часовъ въ девять, отправляйтесь къ ней. Только я бы совѣтовала вамъ подумать о томъ, что я вамъ говорила.

— Все это требуетъ силы, энергіи... Я не изъ такихъ. Я совсѣмъ неспособна къ борьбѣ, на которую вы меня призываете.

— Я призываю васъ не бороться, а плыть по теченію;

ноймите это. Вы сами себѣ выбираете борьбу съ нуждой, съ голодомъ, съ обольщеніями. Повѣрьте, эта борьба труднѣе той, которую я вамъ предлагаю... вы, можетъ быть, не устоите въ этой борьбѣ.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ мужа Анны Ивановны. Анна Ивановна, вечеромъ, позвала Забѣлина гулять, и они отправились всѣ, вчетверомъ, съ Сашей. Забѣлинъ шелъ съ ней рядомъ; онъ уже былъ развязнѣе и толковалъ о чемъ-то съ большимъ увлеченіемъ.

Саша шла задумчиво и слушала его несовсѣмъ внимательно.

II.

Не будемъ разсказывать всѣхъ мелкихъ сценъ и происшествій, способствовавшихъ сближенію Саши и Забѣлина. Оба они были люди безхарактерные, чувствительные. Оба въ томъ же положеніи, одинаково безпомощны, а жалобы составляютъ, какъ извѣстно, большое облегченіе въ страданіяхъ. Плакаться началъ Забѣлинъ, и Саша, въ ожиданіи своей очереди жаловаться на судьбу, какъ могла утѣшала его, хотя Забѣлину ненужно было утѣшеній:—ему требовался слушатель, который бы терпѣливо и со вниманіемъ внималъ его краснорѣчивымъ жалобамъ. Самъ онъ, впрочемъ, не любилъ слушать Сашины вздохи и всегда старался заглушить ихъ своими.

Въ такихъ безъобидныхъ воркованьяхъ прошло недѣли двѣ. Они уже ходили другъ къ другу и вообще познакомились довольно коротко.

Однажды Саша воротилась отъ мадамъ Мишель и прошла прямо къ Забѣлину. Она застала его, противъ обыкновенія, нѣсколько озабоченнымъ.

— Что съ вами? спросила она.

— Скверная штука. Окончательно приходится туго.., Знаете ли, сколько у меня осталось денегъ?

— Сколько?

— Двадцать три рубля. Вы знаете, этого едва на мѣсяцъ хватитъ, а дальше что? Нужно работу найти.

— Конечно.

— Я сегодня путешествовалъ цѣлый день: заходилъ въ конторы, въ присутственныя мѣста,—однимъ словомъ всюду, измучился какъ собака. Положимъ, мнѣ не привыкать-стать: бывало и на родинѣ частенько прохаживалъ цѣлый день неѣвши...

— Ну, что же, ходили въ конторы?..

— И все безъ толку: нигдѣ нѣтъ вакансіи... Признаюсь, если и весь мѣсяцъ мои поиски будутъ приносить такіе же результаты—мало утѣшительнаго въ будущемъ!

— Ничего, потерпите: терпѣніе, говорятъ, геній,—улыбаясь, проговорила Саша.

— У лошадей развѣ.

— Правда. Сегодня у насъ былъ интересный случай: одна дѣвушка бросила работу и переругалась съ хозяйкой.—«Кто, говоритъ, глупъ, тотъ только можетъ терпѣть и оставаться здѣсь. Хорошо бы того, кто любитъ говоритъ о нравственности, посадить сюда».—Потомъ начала ругать хозяйку, а когда одѣвалась и ужъ совсѣмъ пошла, «пусть, говоритъ, меня лучше называютъ гадкой тварью, а не глупой»... Въ самомъ дѣлѣ наша мадамъ ужасно подло поступаетъ: кормитъ насъ какими-то тухлыми щами, а сама съ

любовникомъ изъ трактира берутъ хорошій обѣдъ. Притомъ ужасно грубо обходится... просто выводить изъ терпѣнія.

— И какъ вы думаете, скоро выведетъ?

— Не знаю. Думаю, что скоро... Вотъ у меня башмаковъ нѣтъ, а все мое жалованье надо отдать хозяйкѣ и еще ей должна останусь; какъ тутъ жить? Надо будетъ поискать другую работу.

— Александра Степановна! знаете что?

— Что?

— Я не правду сказалъ, что терпѣніе лошадиная добродѣтель. Терпѣніе очень нужно въ жизни, имъ только и можно сдѣлать что нибудь...

— Если можно терпѣть, отчего и не терпѣть! а если можно и не терпѣть? съ ироніей замѣтила Саша.

— О, вамъ, конечно, можно и не терпѣть!.. съ желчью отвѣчалъ Забѣлинъ.

— Въ это время изъ коридора послышались шаги: спрашивали Забѣлина и онъ не безъ волненія отворилъ дверь.

— А, вотъ и вы почтеннѣйшій! Очень радъ васъ видѣть! вскричалъ пожилой человѣкъ, вваливаясь въ комнату.

Онъ былъ одѣтъ въ черный засаленный сюртукъ съ орденской ленточкой въ петлицѣ. На плѣшивой головѣ его ухарски сидѣла фуражка съ цвѣтнымъ околышемъ, украшенная кокардой. По красному, одутловатому и небритому лицу съ самодовольной улыбкой, можно было замѣтить, что онъ не очень трезвъ. При видѣ этого господина, Забѣлинъ припомнилъ, что утромъ онъ гдѣ-то видѣлъ его, разговаривалъ съ нимъ о своихъ невзгодахъ и въ заключеніе сообщилъ ему свой адресъ.

— Я едва отыскалъ васъ, говорилъ посѣтитель. У васъ

отличная, уютная комната! Мое почтеніе, мадмуазель!.. Позвольте поцѣловать вашу ручку! Вы очень комфортабельно устроились здѣсь, молодой человѣкъ.

Онъ подошелъ къ Сашѣ. Она стояла смутившись и не двигаясь; Забѣлинъ былъ въ недоумѣніи, гость взялъ руку Саши и, безъ дальнѣйшихъ церемоній, приложилъ къ ней свои толстыя губы съ колючими усами.

— Надо отдать справедливость вашему вкусу! сказалъ онъ, безцеремонно растягиваясь въ креслѣ. Давно вы здѣсь?

— Мѣсяца три, отвѣчалъ Забѣлинъ глухо.

— Недавно... Вы молодецки успѣли устроиться въ такое короткое время!—Саша въ это время поспѣшно надѣвала шляпку.—Вы куда-то собираетесь, мадмуазель? Неужели я помѣшалъ вамъ? О, я въ такомъ случаѣ уйду! Я не хочу разстраивать...

— До свиданья! сказала Саша, проходя мимо Забѣлина, который еще стоялъ около двери въ недоумѣніи.

— Куда же вы? посидите, пробормоталъ онъ вслѣдъ быстро удалявшейся Сашѣ.

— Ушла .. Ну, батюшка, молодецъ вы! я отъ васъ не ожидалъ!.. Въ такое короткое время!.. Что же вы стоите? И не угоститъ ничѣмъ! Человѣкъ бился, искалъ его сколько времени, привезъ ему такое извѣстіе, что другой ста рублей не пожалѣлъ бы за такое извѣстіе, а онъ стоитъ... Господи!

— Не хотите ли папиросъ? предложилъ Забѣлинъ.

Гость разразился хохотомъ.

— Папиросъ! Не видалъ я вашихъ папиросъ что ли!.. Человѣкъ хлопоталъ, досталъ ему мѣсто!.. Пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяцъ и ничего не дѣлать!..

— Какое же мѣсто?

— Нѣ-ѣтъ-съ! Какъ въ сказкѣ: прежде хлѣбомъ накорми, а потомъ вѣсти разспроси! Та-аксъ! Дудки! Вотъ пойдемте въ трактирчикъ... приличнымъ образомъ выпьемъ и закусимъ, какъ слѣдуетъ благороднымъ людямъ, а потомъ я вамъ разскажу... тамъ все и узнаете.

Гость приподнялся и надѣлъ фуражку.

— Одѣвайтесь поскорѣе, нечего терять драгоцѣнное время!

— Куда же? нерѣшительно спросилъ Забѣлинъ.

— Куда? обыкновенно куда — въ трактиръ!.. Тамъ я вамъ кое-что сообщу... Да вы поскорѣе!

Забѣлинъ нехотя натянулъ пальто, но безъ всякихъ возраженій послѣдовалъ за своимъ гостемъ.

— Хоть это немножко гнусно, думалъ Забѣлинъ, но для нужнаго человѣка стерпѣть можно: можетъ быть дѣйствительно онъ хорошее мѣсто предложитъ. Мало ли какіе случаи бываютъ!

Въ трактирѣ покровитель его между тѣмъ командовалъ безъ церемоніи. Онъ требовалъ себѣ и графинъ водки, и рюмку коньяку, и поросенка со смѣтаной, и ветчину съ горошкомъ, заставлялъ завести машину и приглашалъ Забѣлина пить. Напившись и наѣвшись, онъ сказалъ:

— Вы дадите мнѣ три рубля на извощика?.. а?

— Вы хотѣли что-то насчетъ мѣста-то!..

— Да, но оно будетъ не теперь, а завтра... Дайте три рубля на извощика.

Забѣлинъ засмѣялся.

— А не хотите—такъ не надо! Адью мусью!

И гость надернулъ свою измятую фуражку, но въ дверяхъ остановился и повторилъ:

— Дайте же три рубли, а завтра я чуть свѣтъ... мы вмѣстѣ туда поѣдемъ.

Чтобы отвязаться, Забѣлинъ далъ рубль назойливому покровителю и сказалъ, что больше нѣтъ. Тотъ сверхъ чаянія совершенно удовольствовался этимъ и пошатываясь разстался съ Забѣлинымъ. Послѣдній воротился домой въ страшномъ настроеніи духа. Онъ заставлялъ себя надѣяться, хотя разсудокъ и увѣрялъ его, что онъ надутъ самымъ позорнымъ образомъ. Забѣлинъ взялъ перо и началъ высчитывать свои расходы.

На другой день покровитель Забѣлина конечно не явился, хотя онъ ждалъ его до самаго вечера. Наконецъ потерявъ всякую надежду, Забѣлинъ пошелъ къ Сашѣ и разсказалъ ей это происшествіе, пересыпая восклицаніями и тирадами о нравственномъ долгѣ.

Саша была немножко сердита на него и молчала почти весь вечеръ, несмотря на то, что Забѣлинъ закидывалъ ее вопросами и требованіями совѣтовъ, называя себя «несчастнымъ, потерявшимъ голову, всѣми покинутымъ»...

На слѣдующій день онъ возобновилъ свои исканія мѣстъ почти съ такимъ же успѣхомъ. Дни шли за днями, вмѣстѣ съ тѣмъ выходили и деньги Забѣлина; жалобы нисколько не помогали дѣлу. Представлялась необходимость начать жить еще скромнѣе. Эту перемѣну Забѣлинъ полагалъ начать съ квартиры, и потому съ перваго числа съ разстроеннымъ лицомъ появился передъ Анной Ивановной.

— Анна Ивановна, сказалъ онъ: я долженъ буду завтра или послѣ завтра уѣхать отъ васъ.

— Какъ такъ?

— Не могу платить столько... Надо будетъ отъискать квартиру подешевле.

— Жаль... Вы насъ, впрочемъ, будете навѣщать? да?

— Если позволите.

— Сашѣ, я думаю, тоже скучно будетъ... Вы оба люди молодые, положенія ваши такъ сходны, отчего бы вамъ...

— Не жениться?

— Да.

— Мнѣ и одному-то скоро будетъ нечего ѣсть.

— Это пустая отговорка... Вы вѣроятно проживете же какъ нибудь порознь, отчего же не жить вмѣстѣ? А если ужъ необходимо умереть, такъ женитьба не ускоритъ этого, какъ вы думаете?

— Странный вопросъ. Мнѣ только кажется, что если мы не можемъ жить вмѣстѣ, то для чего же и расходы на вѣнчанье? Вы посмотрите, какъ она работаетъ, и все-таки попрежнему принуждена продавать свои вещи. Меня, можетъ быть, то же ожидаетъ, если не худшее... И если ей необходимо пасть, то лучше въ теперешнемъ положеніи, чѣмъ въ другомъ,—какъ-то легче и на душѣ спокойнѣе. Такихъ гибнетъ много, на людяхъ и смерть красна, а замужняя женщина составляетъ исключеніе: ей придется выдержать больше борьбы, стыда и униженія, говорилъ Забѣлинъ, самъ упиваясь своимъ краснорѣчіемъ и удивляясь своимъ необыкновенно мѣткимъ доводамъ.

— Но тогда она можетъ согрѣшить, а не пасть; теперь другое дѣло...

— За кого же вы меня принимаете, Анна Ивановна? Какую роль вы даете мнѣ въ этой будущей комедіи?

— Самую благородную, роль спасителя. Если она родилась при такихъ условіяхъ, что ей нельзя прожить безгрѣшной, почему же вы не хотите облегчить ея положеніе? Старые предразсудки; но при вашихъ обстоятельствахъ можно плевать на нихъ! съ жаромъ проговорила Анна Ивановна, сопровождая слова свои выразительными жестами.

— Знаете пословицу—не плюй въ колодезь? возразилъ съ иронической улыбкой Забѣлинъ.

— Пословица эта тутъ не къ мѣсту... Мнѣ понятно, почему вы этого не хотите! Вы думаете, что этотъ бракъ не принесетъ вамъ никакихъ выгодъ. Если вы такъ думаете, сильно ошибаетесь: жена красавица—капиталъ! Не морщитесь такъ, я не хочу сказать ничего дурнаго!.. Не подозрѣвайте тутъ ничего безнравственнаго, а сообразите только—какой старичокъ способенъ отказать въ чемъ нибудь хорошенькой женщинѣ? Мой мужъ имѣлъ меньше васъ шансовъ и вотъ теперь, благодаря тому, что у меня на плечахъ сидитъ голова, онъ слава Богу имѣетъ чинъ и мѣсто! Я ручаюсь, что Саша не меньше меня съумѣетъ пристроить своего мужа.

— Вы смотрите на дѣло черезъ-чуръ практично, Анна Ивановна. Есть еще другой взглядъ...

— Знаю. Я бы не стала съ вами говорить такимъ образомъ, еслибъ вы имѣли средства пользоваться благами и преимуществами этого другаго взгляда, еслибъ вы были мильонеръ...

— Для этого совсѣмъ ненужно имѣть мильоновъ, а достаточно имѣть немножко... нравственныхъ правилъ, хотѣлъ сказать Забѣлинъ, но запнулся и промолчалъ.

— Совѣсти, хотите вы сказать! подхватила Анна Ивановна. Совѣсть дѣло условное... У богачей хватаетъ совѣсти на десятки тысячъ, бѣдняки подличаютъ изъ-за рублей, а собаки и изъ-за кости поднимаютъ драку. Совѣсть, какъ и все, дѣло наживное... Намъ покуда не къ чему приплетать это пугало. Можетъ быть, впрочемъ, вы тоже имѣете желаніе остаться навсегда бѣднымъ, но честнымъ?

— Желалъ бы, признаться.

— Ну, а съ желаніемъ можно все оправдать.

Нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи. Забѣлинъ ходилъ по комнатѣ, Анна Ивановна пристально смотрѣла на него.

— Есть, Анна Ивановна, убѣжденія, заговорилъ наконецъ Забѣлинъ, которыя бываютъ привиты воспитаніемъ съ малолѣтства: ихъ нельзя поколебать никакими доводами — ихъ иногда сламываютъ только обстоятельства... Всѣ ваши софизмы на меня подѣйствовать не могутъ... Я не перемѣнюсь до тѣхъ поръ, покуда сама жизнь не выбьетъ изъ меня тѣхъ добрыхъ началъ, которымъ я привыкъ слѣпо вѣрить.

— Глупо это все. Жаль мнѣ васъ! проговорила Анна Ивановна.

— Очень можетъ быть... Но до свиданья покуда! Я пойду посмотрѣть квартиру.

Долго Забѣлинъ ходилъ по петербургскимъ улицамъ, полный самодовольнаго сознанія своей правоты. Онъ думалъ, что выдержалъ большое искушеніе, устоялъ противъ сильнаго соблазна и обольщался непоколебимостью и твердостью своихъ нравственныхъ правилъ. Послѣ многихъ безполезныхъ путешествій по высокимъ лѣстницамъ, онъ наконецъ нашелъ подходящую каморку въ четвертомъ этажѣ. Сторговались за четыре рубля и Забѣлинъ хотѣлъ дать задатокъ.

— Нѣтъ, вы послѣ, часовъ въ пять, зайдите; тогда и задатокъ оставите, если... сказала старуха, показывавшая комнату.

— Что же такъ?

— Видите, хозяина нѣтъ.

Но въ это время раздался звонокъ и вскорѣ передъ Забѣлинымъ остановился красный толстякъ, съ сѣдыми какъ лунь волосами на головѣ и бородѣ.

— Вы хотите эту комнату нанять? понравилась вамъ она? проговорилъ онъ, отдуваясь.

— Да, понравилась.

— Отличная, теплая комната — и жить вамъ здѣсь будетъ покойно. Только пьянства, шуму у васъ не будетъ?

— Не будетъ.

— То-то... А насчетъ чего другого, можно...

Забѣлинъ далъ задатокъ и на другой день переѣхалъ со своимъ убогимъ скарбомъ, половину котораго составляли книги и тетради—гордость хозяина.

III.

Послѣ переѣзда на новую квартиру, Забѣлинъ еще неутомимѣе принялся за пріисканіе мѣста: денегъ оставалось очень немного, приходилось круто!.. Надо дѣйствовать энергически, твердилъ онъ, и ходилъ безъ устали.

Въ одной конторѣ, наконецъ, его рекомендовали какому то господину въ долгополомъ кафтанѣ.

— Мнѣ бы нужно хорошаго писца, сказалъ онъ: вы хорошо пишете?

— Такъ себѣ.

— Такъ вотъ, пойдемте. До свиданья, Иванъ Матвѣичъ!

Пожилой господинъ въ долгополомъ кафтанѣ вышелъ и пригласилъ Забѣлина слѣдовать за собой.

— Я вамъ могу дать очень немного, заговорилъ онъ: рублей десять, двѣнадцать въ мѣсяцъ. На первый разъ и это, знаете, хорошо. Жалованья немного, за то работы достаточно... ха-ха-ха! Вы были гдѣ нибудь на мѣстѣ?

— Нѣтъ, я только недавно сюда пріѣхалъ.

— Тѣмъ лучше; знаете, если здѣсь человѣкъ поживетъ подольше въ здѣшнемъ воздухѣ, онъ портится—да, дѣлается такой прожженой бестіей, что его ни къ чему приспособить нельзя. Давно ли вы здѣсь?

— Мѣсяца четыре.

— Вѣрно учиться сюда пріѣхали? Трудно, знаете, бѣдному человѣку учиться! А если ни протекціи, ни знакомыхъ, и думать нечего. Въ прежніе, въ старые годы, точно бывали эдакіе разные Ломоносовы—люди изъ простаго званія... А нынче съ голоду сто двадцать пять разъ умрешь, покуда чему нибудь выучишься... Вотъ одинъ мой знакомый тоже хотѣлъ учиться... Средствъ никакихъ: побился, побился—такъ и бросилъ!.. Теперь, слава Богу, хорошее мѣсто пріискалъ—лакеемъ у графа Б., слыхали можетъ? Очень хорошее мѣсто, можно деньгу зашибить!

Забѣлинъ весело шелъ рядомъ съ своимъ нанимателемъ время отъ времени конвульсивно потирая руки. Наниматель пожилой, тонкій, высокій и плѣшивый, облаченный въ синій долгополый кафтанъ, то и дѣло раскланивался на разныя стороны своимъ знакомымъ. Будущій хозяинъ Забѣлина былъ ходатай по разнымъ исковымъ и тяжебнымъ дѣламъ, мѣщанинъ Семенъ Семенычъ Сабининъ.

Онъ зналъ пол-Петербурга и его знало не меньше народа. Кромѣ кляузъ, онъ занимался еще мелкими подрядами, и всѣ считали его за человѣка съ капитальцемъ, за скрягу, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности.

— Когда человѣкъ ходитъ и ищетъ мѣста, разсуждалъ Сабининъ вслухъ,—значитъ, онъ нуждается, а когда человѣкъ нуждается, когда онъ голоденъ, онъ будетъ доволенъ и крошкой хлѣба; его ненужно кормить хорошимъ обѣдомъ,

такіе обѣды вредно дѣйствуютъ на голодный желудокъ! Сколько бы вы ни искали, молодой человѣкъ, мѣста, вы бы не нашли лучше того, которое я вамъ предлагаю. Всякій воспользовался бы вашимъ крайнимъ положеніемъ, и далъ бы вамъ еще меньше,—и вы согласились бы, но я... Вы увидите у меня человѣка, который занимается другой годъ и получаетъ только пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, а я вамъ сразу даю двѣнадцать! Приэтомъ, если вы будете прилежны и старательны, то можете разсчитывать на старшій окладъ, на пятнадцать рублей! торжественно произнесъ Сабининъ.

— Благодарю васъ!

— Благодарить не за что. Я васъ нанимаю потому, что мнѣ это выгодно, а вы нанимаетесь потому, что вамъ это нужно. Тутъ обоюдное соглашеніе—такъ сказать торговая сдѣлка. Вы—продавецъ, я—покупатель—и больше ничего!

Когда продавецъ и покупатель пришли на мѣсто, Забѣлинъ замѣтилъ какое-то маленькое, черненькое существо, копошившееся около громадной кипы бумагъ.

— Иванъ Андреичъ здѣсь были-съ; спрашивали насчетъ дѣла, пропищало существо, принимая почтительную позу при видѣ хозяина.

— Вы отдали ему копію?

— Нѣтъ-съ, я показывалъ ему, да онъ не взялъ. Дожидался васъ.

— Ступайте, сходите къ нему. Пусть онъ прочитаетъ и скажетъ согласенъ ли. Если нѣтъ, такъ передайте ему эту записочку.

Сабининъ сѣлъ къ столу и написалъ нѣсколько словъ.

— Вы садитесь вотъ сюда, молодой человѣкъ, и качайте! Вотъ все это подъ-рядъ переписывайте! сказалъ Сабининъ, когда маленькое существо, получивъ записку, поспѣшно

скрылось. Пишите скорѣе, особенно не старайтесь, лишь бы можно разобрать.

Забѣлинъ, стоявшій до сихъ поръ въ смущеніи, сѣлъ и началъ писать. Сабининъ, съ трубкой въ зубахъ, ходилъ по комнатѣ и по временамъ, заглядывая черезъ плечо Забѣлина, смотрѣлъ на его работу.

— Такъ, такъ,—хорошо! Качайте живѣе! бормоталъ онъ и снова принимался ходить.

Забѣлинъ проработалъ до часу. Въ часъ Семенъ Семенычъ подошелъ къ нему.

— Теперь довольно, сказалъ онъ. Оставьте вашу работу и идите домой—можете пообѣдать, если хотите, а то такъ погуляйте до трехъ часовъ... Въ три часа вы опять сюда придите и будете заниматься часовъ до восьми, до девяти. Вечеромъ, молодой человѣкъ, я васъ угощу чаемъ. Это будетъ такъ каждый день. Можете идти.

Забѣлинъ воротился домой въ большой радости. Онъ рѣшился задать себѣ пиршество: продалъ татарину свой лѣтній плащъ, сытно пообѣдалъ и выпилъ даже немного вина.

Въ воскресенье у Сабинина нужно было заниматься только до часу. Въ одно воскресенье, вечеромъ, Забѣлинъ сидѣлъ въ комнатѣ стараго толстяка, своего домохозяина. Огромная комната вся была заставлена самыми разнообразными вещами; тутъ было множество ящиковъ и ящичковъ, нѣсколько шкафовъ и комодовъ; рядомъ съ старинными столовыми часами красовалась пара новомодныхъ подсвѣчниковъ, съ привѣшеннымъ на нихъ билетомъ: «одинъ руб. 17-го октября.»

Забѣлинъ ходилъ по комнатѣ и съ жаромъ толковалъ что-то объ искуствѣ; старикъ спокойно сидѣлъ у окна.

— Конечно, въ допотопныя времена, говорилъ Забѣлинъ, когда люди употребляли цѣлые мѣсяцы на выдѣлку какого нибудь каменнаго топора и вообще трудились страшно, чтобы добыть себѣ пищу... тогда, никто, конечно, не думалъ упражняться въ вырѣзываніи какихъ нибудь ненужныхъ каракулекъ, хотя на корѣ деревьевъ. Но когда потомъ человѣкъ поогляделся на землѣ, переставъ быть дикимъ, т. е. достигъ извѣстнаго комфорта въ своихъ понятіяхъ, онъ наѣлся и лежитъ... Желудокъ его находится въ пріятномъ спокойствіи, а по свойственной человѣку жаждѣ дѣятельности, онъ все-таки почему-то неспокоенъ. Чѣмъ бы заняться? думаетъ онъ. И онъ отъ скуки придумываетъ: нужно въ носъ палку продѣть — это будетъ удивительно красиво! Это еще все ничего. Но когда люди ужь окончательно перестали быть дикими—они собираются обществомъ. Изъ общества выдается одинъ человѣкъ, который отличается передъ другими силой, умомъ или просто здоровой утробой—съѣдаетъ больше всѣхъ: онъ снискиваетъ своимъ превосходствомъ всеобщее уваженіе и повиновеніе, прибираетъ власть къ рукамъ и дѣлается деспотомъ надъ дикимъ племенемъ.

— Такъ-съ! иронически прервалъ хозяинъ.

— И вотъ въ мирное время деспотъ пресыщается — дѣлать ему нечего, онъ ищетъ развлеченія. Вдругъ ему доносятъ, что такой то до-тонкости выучился большимъ пальцемъ лѣвой ноги чесать голову. Деспотъ очень радъ, велитъ призвать художника. Художникъ дѣлаетъ свое дѣло. Деспотъ восклицаетъ: «вотъ такъ искуство!» и награждаетъ его. Вслѣдъ за этимъ, въ чаяніи награды, является другой художникъ и объявляетъ, что можетъ рявкать, какъ медвѣдь. «Взрявкай, за наградой не постоимъ, говоритъ деспотъ: только отъ

скуки развлеки, а искуству я коренной отецъ и покровитель!..» Третій приноситъ ему нацарапанное на корѣ изображеніе дерева: просто, какъ живое. Деспотъ покровительствуетъ и поощряетъ искуство.

— Искуство у насъ одно: наживать деньги, проговорилъ старикъ.

— Кстати и мнѣ нужно денегъ... Не знаете ли, гдѣ здѣсь посходнѣе касса ссудъ? спросилъ Забѣлинъ. Мнѣ бы нужно заложить часы.

— Гдѣ ссудная касса? Да у меня вы здѣсь живете другой мѣсяцъ: неужели вы не замѣтили, чѣмъ я занимаюсь? Я закладчикъ.

— Я не зналъ...

— Вотъ вы насчетъ того, что до потопа было, умѣете разсудить, а это ужъ не вашего ума дѣло! Такъ-то батюшка— умникомъ себя считаетъ, а не можетъ себя обезпечить.

— Умъ еще не въ томъ проявляется, что человѣкъ можетъ себя обезпечить...

— И кто умнѣй: тотъ кто ѣдетъ, или тотъ кто ходитъ? вотъ разрѣшите-ко этотъ вопросикъ! Вотъ это искуство!

Забѣлинъ молчалъ.

— Вотъ разсудите-ко еще: что будетъ дѣлать человѣкъ когда продастъ всѣ свои вещи? а? Я такъ думаю, что онъ будетъ довольствоваться своимъ жалованьемъ; а если тогда будетъ довольствоваться, отчего же этотъ человѣкъ теперь не довольствуется?

— Вѣрно такъ хочетъ, сказалъ Забѣлинъ.

— Нѣтъ, не такъ хочетъ... Онъ не знаетъ, что съ нимъ будетъ дальше, а я знаю. Человѣкъ, который не привыкъ къ умѣренности, не хочетъ смириться, когда ему туго приходитъ, плохой человѣкъ,—скверно ему придется.

— Это я и самъ зналъ.

— То-то, вѣрно не знали...Такой человѣкъ никуда негоденъ.

— Скажите! насмѣшливо удивился Забѣлинъ.

— Вотъ вы, напримѣръ: изъ васъ окорока коптить даже нельзя. Надо за годъ откармливать! Да вы и корму не стоите!.. Вы, когда промотаете все, пойдете шляться по разнымъ богоугоднымъ заведеніямъ: васъ не хватитъ даже на то, чтобы украсть или попросить милостыню. Вы не способны ни на добро, ни на зло, вы середка; такіе люди на готовыхъ харчахъ—хваты, а сами хлѣбъ добывать не могутъ.

— Вы, кажется, даже ругаетесь.

— Я истинную правду говорю! Досадно смотрѣть на вашу фанаберію.

— Что же, вы денегъ-то дадите мнѣ? помолчавъ спросилъ Забѣлинъ.

— Дамъ. Подъ часы дамъ вамъ восемь рублей, а въ кассѣ вамъ дадутъ шесть. Видите, какъ я честенъ!

Забѣлину надоѣла хуже горькой рѣдьки работа у Сабинина: надоѣло ему слушать хозяйскія приказанія и покушенія острить; надоѣло ему смотрѣть на подхалюзничанье черненькаго существа, своего сослуживца; надоѣло гнуть спину съ утра до ночи, а дѣлать было нечего: оставить мѣсто,—значило рисковать жизнью. Лишнія вещи всѣ были давно проданы или заложены. Даже очень нелишнія вещи уже давно были вынесены старьевщикомъ изъ маленькой комнаты. Необходимо было совершать дальнѣйшія похожденія въ разорванныхъ сапогахъ и единственной рубашкѣ, которую Забѣлинъ самъ мылъ по суботамъ въ банѣ и сушилъ потомъ на себѣ. Есть сотни людей, которые дѣлаютъ также, а на людяхъ и смерть красна, но все-таки это очень непріятная исторія.

Саша была терпѣливѣе Забѣлина. Она попрежнему работала у мадамъ Мишель, и хотя конечно тоже не могла жить на одинъ заработокъ, но кое-какъ перебивалась: рѣже продавала оставшіяся у нея вещи. Такимъ образомъ, она еще покуда не дошла до горькаго положенія Забѣлина.

Однажды, Забѣлинъ, кончивъ работу у Сабинина, часовъ въ восемь вечера ходилъ около магазина Мишель и дожидался, когда выйдетъ Саша. Онъ зазѣвался передъ окнами какого-то магазина, и обернувшись, къ крайнему удивленію, на другой сторонѣ улицы увидѣлъ Сашу, которая повидимому старалась уйдти отъ преслѣдовавшаго ее пожилаго господина въ сѣромъ пальто. Онъ догонялъ ее и заговаривалъ съ ней.

Забѣлинъ вмѣсто того, чтобы подойдти и расправиться съ преслѣдователемъ, поспѣшно перешелъ на другую сторону и почему-то вздумалъ слѣдить за Сашей. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока какой-то полицейскій офицеръ не отогналъ преслѣдователя. Саша обернулась, чтобы поблагодарить офицера, замѣтила Забѣлина и подошла къ нему.

— Вы видѣли меня, Николай Иванычъ? спросила она, запыхавшись подходя къ нему.

— Да, видѣлъ, отвѣчалъ Забѣлинъ, краснѣя и притворяясь равнодушнымъ.

— И не подошли.

— Что же мнѣ было дѣлать? не драться же съ нимъ.

— Конечно!

Затѣмъ они долго шли молча. Забѣлинъ хотѣлъ замять это маленькое происшествіе, но не зналъ съ чего начать разговоръ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Какъ вы поживаете, Саша? Я ужасно скверно; хо-

тѣлъ посовѣтоваться съ вами: что дѣлать? Не придумаете ли вы чего нибудь?.. Какъ выбиться изъ этого положенія?

— Какъ выбиться? Вы спрашиваете у меня, а вамъ, по моему, лучше знать это. Да вы и знаете это отлично.

— Вы говорите о совѣтахъ Анны Ивановны?

— Объ нихъ. Съ волками жить—по волчьи выть, Николай Иванычъ!

— Вы ли это говорите, Саша? Гдѣ же ваша благородная рѣшимость на честную борьбу?

— Честную борьбу!.. Это не борьба. Для нея ненужно никакой рѣшимости:—стоитъ только покориться обстоятельствамъ.

— Я борюсь и съ обстоятельствами, и съ искушеніями. Искушенія представляются сильныя; есть очень легкій способъ выйдти изъ нашего сквернаго положенія,—легкій, только не совсѣмъ честный. По совѣту Анны Ивановны, мы можемъ обвѣнчаться, и на завтра же вы отправитесь къ какой-нибудь особѣ и выхлопочете мнѣ мѣсто...

— Хоть бы и такъ!.. Это не хуже того, что насъ ожидаетъ. Знаете ли, при теперешнихъ обстоятельствахъ, въ концѣ концовъ и вы останетесь безъ мѣста, и я найду себѣ мѣсто гораздо хуже.

— Всякое нехорошее дѣло легко оправдать обстоятельствами, но въ сущности оно все-таки останетея нехорошимъ. Наша теперешняя жизнь, несмотря на всевозможныя лишенія, лучше жизни богатыхъ съ нечистой совѣстью. Насъ не мучатъ ни раскаянія, ни угрызенія совѣсти, покуда мы честны. Этого спокойствія не могутъ замѣнить никакія богатства.

— И оставайтесь вы съ этимъ спокойствіемъ, озлобленно проговорила она.

— Не горячитесь, выслушайте меня! Положимъ мы съ

ами обвѣнчаемся, положимъ обстоятельства наши улучшатся. Но сообразите, не измѣнятся ли наши отношенія? Будемъ ли мы также уважать другъ друга? Будете ли вы смотрѣть на меня тѣми же глазами, какими смотрите теперь? Я буду тогда въ вашихъ глазахъ тряпка, которая существуетъ только благодаря вашей красотѣ.

— А по вашему, и мнѣ, и вамъ лучше совсѣмъ не существовать?

— Лучше, если существованіе должно быть куплено такою дорогой цѣной, съ жаромъ отвѣчалъ Забѣлинъ.

Саша нахмурилась.

— Есть еще одно средство выбиться изъ нашего положенія:—это учиться, тихо сказалъ онъ.

Саша захохотала.

— У насъ не хватаетъ заработка на хлѣбъ насущный, недостаетъ времени на отдыхъ—когда же учиться? Умный вы совѣтъ подали, нечего сказать! сказала она.

— Хорошо, еслибъ найти такое мѣсто...

— То-то и есть! А такія мѣста даромъ не даются.

Эти слова Саша произнесла уже при входѣ на лѣстницу.

— Зайдемте къ Аннѣ Ивановнѣ, нерѣшительно проговорилъ Забѣлинъ.

— Зайдемте, пожалуй!

Анну Ивановну, по обыкновенію, они застали за кофеемъ. Забѣлинъ сѣлъ и началъ жаловаться на свою горькую долю; онъ очень живо изобразилъ картину своихъ тяжкихъ и неблагодарныхъ трудовъ у Сабинина, свои тщетныя старанія экономить, и, не смотря на это, свою горькую нужду.

Анна Ивановна слушала эту длинную рацею несовсѣмъ внимательно; Саша дѣлала видъ, что совсѣмъ не слушаетъ.

— Жаль мнѣ васъ, Николай Иванычъ, сказала Анна Ива-

новна, когда Забѣлинъ кончилъ. Вотъ и вы сами убѣдились какъ трудно жить на свѣтѣ съ вашимъ взглядомъ на вещи. Даже совсѣмъ нельзя жить, если у васъ нѣтъ чего нибудь наслѣдственнаго. Такія мысли, какъ у васъ, точно хорошая мебель, могутъ быть годны только для богатаго хозяина; при хорошей обстановкѣ они хороши... Ну, а намъ...

— Вы меня не понимаете, Анна Ивановна, тихо началъ Забѣлинъ. Я хочу только лучшаго, меньшаго изъ золъ. Мнѣ представляется рѣшить трудный вопросъ, что лучше: жить бѣдно, но честно, или отвернуться отъ всего порядочнаго и жить богаче? Мнѣ все сдается, что жить богаче не значитъ еще жить лучше. Есть пословица: «не въ деньгахъ счастье»!

— Эту пословицу нужно понимать такъ, что и при деньгахъ можно быть несчастнымъ. Но при деньгахъ возможно счастье, а безъ денегъ никогда. Это пунктъ первый. Второе: вы предполагаете жить бѣдно, но честно. Разсудите, можете ли вы просто жить? Положимъ, даже вамъ хозяинъ прибавитъ: вы будете имѣть кусокъ хлѣба; но развѣ это жизнь будетъ? Это какая то жалкая борьба съ смертью и больше ничего! съ жаромъ проговорила Анна Ивановна.

— Неужели же нѣтъ на свѣтѣ мѣста порядочному человѣку? съ горечью воскликнулъ Забѣлинъ.

— Есть мѣсто... Порядочные нетребовательны, какъ вы! Вы можете, какъ другіе порядочные, кули таскать на биржѣ? Можете довольствоваться сорока копѣйками въ день, питаться хлѣбомъ и квасомъ, спать на голомъ полу?

— Мой организмъ требуетъ болѣе питательной пищи!

Саша и Анна Ивановна разсмѣялись.

— Но вѣдь могу же я желать жить сколько нибудь почеловѣчески, не пресмыкаться, заговорилъ опять Забѣлинъ. Могу же я хотѣть ѣсть что нибудь кромѣ чернаго хлѣба,

жить не въ хлѣву? Вѣдь всѣ эти желанія вполнѣ законны.

— Согласна, Николай Иванычъ. Какимъ же законнымъ образомъ хотите вы удовлетворить этимъ желаніямъ?

— Право, не знаю, печально отвѣтилъ Забѣлинъ.

Анна Ивановна пожала плечами.

— Вы хотите и хорошо, и дешево, сказала она: это только въ газетныхъ объявленіяхъ такъ бываетъ, а на дѣлѣ никогда.

— Грустная исторія! воскликнулъ Забѣлинъ, съ отчаяніемъ махнувъ рукой.

Послѣ этого разговора онъ вернулся домой очень разстроеннымъ и долго не могъ уснуть.

IV.

Вечеромъ, придя со службы и проведя цѣлый день полуголоднымъ, Забѣлинъ былъ очень не въ духѣ. Къ нему пришла Саша.

— Знаете что, сказала она: я хочу бросить мадамъ Мишель, и завтра же.

— Какъ такъ?

— Больше нѣтъ силы работать! Мы сговорились вчетверомъ, и завтра не пойдемъ больше. Моя хозяйка обѣщала мнѣ найти хорошее мѣсто, а до тѣхъ поръ будетъ держать въ долгъ. А вы какъ со своимъ хозяиномъ?

— Вамъ хорошо; а я долженъ буду умереть съ голоду, если лишусь этого мѣста, мрачно отвѣчалъ Забѣлинъ.

— Полноте пожалуста!

— Да, долженъ буду умереть или сдѣлаться безчестнымъ.

Саша расхохоталась.

— Вамъ можно смѣяться, говорилъ Забѣлинъ еще съ большимъ озлобленіемъ. Еслибъ я былъ женщиной, я бы тоже не отчаявался: я бы могъ сдѣлаться только погибшимъ созданіемъ, и не страдать отъ голода, не...

— Вы ли это говорите?.. Вы не хотите быть мужемъ чѣмъ нибудь обязаннымъ женѣ, а воображаете, что погибшему созданію легче! Какъ вы думаете: пріятно сознавать что ты вещь, кусокъ мяса, что никто на тебя иначе не смотритъ, никто не подозрѣваетъ въ тебѣ даже души человѣческой? Вы думаете мало мукъ такихъ, какія вамъ и не снились, испытываетъ каждое изъ этихъ падшихъ созданій? Еслибъ хорошо было быть имъ, повѣрьте, многія бы не стали биться, какъ рыба объ ледъ. Вѣрно не хорошо, коли люди предпочитаютъ работать хоть у мадамъ Мишель!

— Это только одно и останавливаетъ васъ? проворчалъ Забѣлинъ.

— Да, это одно. И какъ ни тяжело все это, я чувствую, что когда нибудь должна буду рѣшиться... Обстоятельства пересилятъ...

— Саша, милая Саша! воскликнулъ Забѣлинъ, цѣлуя ея руку,—потерпите еще! Потерпите всего одинъ только мѣсяцъ: я почему-то увѣренъ, что все скоро должно перемѣниться! Если черезъ мѣсяцъ наши обстоятельства не улучшатся, тогда я готовъ на эту жертву!

— Николай Иванычъ! вы, значитъ, совсѣмъ не понимаете меня. Я отъ васъ не требую никакой жертвы, я хочу, чтобы вы приняли ее отъ меня: отъ этого зависитъ наше общее благо. Вы откладываете на мѣсяцъ: мѣсяцъ

горя и нужды! Да и чего ждать—сверхъестественной помощи что ли? По моему, черезъ мѣсяцъ обстоятельства будутъ еще хуже; я задолжаю еще больше хозяйкѣ, а это можетъ на первое время повредить намъ. Я вчера ей дала росписку въ сорока рубляхъ; черезъ мѣсяцъ ее придется переписать и поставить шестьдесятъ. Вы думаете, она мнѣ вѣритъ потому, что я могу работать что ли? Нѣтъ, она хорошо знаетъ, что такое наша работа! Не безпокойтесь: еслибъ она не разсчитывала на мое паденіе, она бы мнѣ и рубля не повѣрила. Къ чему же ждать?

— Эхъ, Саша, что вы говорите! Эта проклятая женщина окончательно сбила васъ съ толку, сказалъ Забѣлинъ.

— Проклятая женщина тутъ ни въ чемъ не виновата: мнѣ хочется жить, а вы предлагаете терпѣть. Для чего же, спрашивается?

— Для чего?.. Я вамъ объясню для чего!.. Мы живемъ въ обществѣ, слѣдовательно должны подчиняться всѣмъ условіямъ общественной жизни, хотя бы они были глупы. Общество составило извѣстныя понятія о чести и добродѣтели, и мы должны поневолѣ принимать во вниманіе эти понятія, иначе намъ самимъ будетъ хуже...

— Знаю я, куда вы гнете: я давно поняла васъ! Вы не можете ни на что рѣшиться и извиняете себя глупыми фразами, въ которыхъ сами не видите никакого смысла. Эти фразы успокоиваютъ вашу лѣнь и щекочутъ ваше самолюбіе: «дескать, я все-таки герой добродѣтели, борюсь съ искушеніями». А въ самомъ-то дѣлѣ вы просто-на-просто тряпка.

— Что до меня касается, я давно рѣшился. Я за васъ хлопочу, о васъ думаю, Саша. Вы теперь подъ вліяніемъ Анны Ивановны; можетъ быть вы для меня сдѣлаете этотъ

преступный шагъ, но что будетъ затѣмъ? Позднее раскаяніе—можетъ быть, вѣчныя мученія совѣсти...

— Не заботьтесь пожалуйста обо мнѣ, если вы и дѣйствительно заботитесь, въ чемъ я очень сомнѣваюсь. Не боюсь я ни поздняго раскаянія, ни мученій совѣсти: если человѣка заставляетъ необходимость рѣшиться на извѣстное дѣло, онъ не будетъ никогда раскаяваться.

Забѣлинъ молча продолжалъ ходить по комнатѣ. Онъ до того зафантазировался, что начиналъ вѣрить въ свои мечты. Мечталъ онъ о томъ, какъ устроится съ Сашей, если будетъ у него нѣсколько тысячъ; онъ составилъ великолѣпный планъ праздной, спокойной, безмятежной жизни съ молодой женой, среди безконечно долгихъ прогулокъ по душистому саду, катанья на лодкѣ по пустынной рѣчкѣ и проч. Онъ сбирался переселиться въ Крымъ и тамъ вполнѣ предаться любви подъ тѣнью яблонь, среди великолѣпныхъ садовъ, на берегу моря. Но получить тысячи не было никакой надежды. Жизнь Забѣлину и была сносна потому только, что онъ умѣлъ подкрашивать ее самыми розовыми мечтами. Разстаться съ какой-нибудь фантазіей было для него большимъ пожертвованіемъ, и онъ сталъ надѣяться, что получитъ откуда нибудь эти тысячи, несмотря на все безразсудство такой надежды. По этому-то онъ просилъ Сашу подождать одинъ мѣсяцъ.

Мадамъ Трейманъ, обрусѣвшая нѣмка, хозяйка пышной квартиры на бойкомъ мѣстѣ, встала спозаранку и совѣщалась съ своимъ расторопнымъ агентомъ — старой Марьей Гавриловной. Мадамъ Трейманъ сидѣла на маленькомъ диванчикѣ, поставивъ свои жирныя ноги на скамейку, и слушала докладъ старухи, почтительно помѣстившейся на кончикѣ стула.

— Дѣвица первый сортъ, говорила докладчица. Коса русая—большущая, брови дугой—божусь Богомъ!—точно перомъ выведены. За одну косу влюбиться можно!

— Не фальшивая-ли, вы смотрите! величественно откидываясь на спинку дивана, отвѣчала хозяйка.

— Боже избави—чтобы я не замѣтила! Можетъ ли это быть? Я видѣла, какъ она причесывалась: волосищи просто до поясу,—гораздо длиннѣе, чѣмъ у Жозефины.

— А изъ себя она какъ: лучше Жозефины?

— Не лучше, а свѣжѣе! Румянецъ настоящій, и подъ глазами ничего незамѣтно. Извѣстно, еще почитай ребенокъ невинный.

— Ну, ужъ!

— Божусь Богомъ! У ней и женихъ есть, только такой мямля—ни на что надуматься не можетъ. Хозяйка мнѣ сказывала: ничего, говоритъ, худого за нимъ не замѣчала...

— То-то; если она съ прибавленіемъ, такъ мнѣ и даромъ ненадо, замѣтила мадамъ Трейманъ.

— Божусь Богомъ—нѣтъ! поспѣшно воскликнула Марья Гавриловна: такую я и рекомендовать бы не стала. Дѣвушка смирная, не гулящая.

— И много она должна хозяйкѣ?

— Рублей шестьдесятъ. А красивая дѣвушка—кровь съ молокомъ! Надобно просто удивляться, какъ такія хорошенькія не могутъ выйти замужъ, или какъ нибудь пристроиться,—вѣрно судьба ужъ такая!

— Вы сходите съ ней въ баню... Знаете, не съ кривинкой ли?

— Нѣтъ, я все узнала: будьте увѣрены, дѣвушка первый сортъ. Она пожалуй заткнетъ за поясъ и Жозефину.

— Что-то вы ужъ слишкомъ ее расхваливаете.

— Будьте увѣрены, картинка! Жозефина ужъ пріѣлась, къ ней привыкли; а эта хоть не красивѣе ее, да помоложе: будьте увѣрены!

— Хорошо, посмотримъ.

Хозяйка немного приподнялась на диванѣ; Марья Гавриловна встала совсѣмъ.

— Вы зайдите въ суботу. Если вамъ нужно, я могу дать немного денегъ. Теперь ступайте туда.

— Ужъ сдѣлайте милость, позвольте выдти по вашей лѣстницѣ, а то ваши смѣяться будутъ, съ ужимкой проговорила Марья Гавриловна.

— Идите по этой лѣстницѣ, снисходительно согласилась почтенная дама.

Марья Гавриловна почтительно раскланялась и побѣжала на Васильевскій. Сашина хозяйка сварила кофе и ужъ давно ждала ее. Пріятельницы сѣли за кофе и начали пріятную бесѣду.

— Вы къ воскресенью стребуйте съ нея росписочку, шепчетъ Марья Гавриловна. Въ воскресенье покажемъ ее хозяйкѣ, а въ понедѣльникъ и за дѣло, прибавляетъ она, жадно глотая кофе. Да вотъ еще что: надобно башмакъ представить.

— На что это башмакъ?

— Хотятъ знать нога не велика ли. Это мѣсто первокласное: надо чтобы всѣ на отличку, на подборъ были! Вотъ еще что говорила узнать: нѣтъ ли золотухи? Заведеніе первостатейное, лучше ихняго нигдѣ житья нѣтъ! Ѣдятъ какъ онѣ!.. А что дѣлаютъ? Книжки читаютъ да пѣсни поютъ—только и работы; развѣ-развѣ какая пяльцами займется, и то не по принужденію, а сама отъ своей лѣности сядетъ.

Хозяйка убѣдилась, что «лучшаго житья» для Саши не можетъ быть. Она даже считала себя благодѣтельницей своей жилички. Въ воскресенье, безъ особенныхъ приготовленій и церемоній, произошла слѣдующая сцена.

Саша видѣла, что къ хозяйкѣ ея пришла какая-то пышная дама. Черезъ минуту старая чухонка вошла въ комнату Саши.

— Ѳедосья Емельяновна спрашиваетъ, нельзя ли комнату посмотрѣть?—гостья ейная проситъ, сказала она.

— Хорошо, я сейчасъ уйду, отвѣчала Саша.

— Ничего, не безпокойтесь, прозвучалъ чей-то ласковый голосъ въ дверяхъ. Извините, что васъ обезпокоила, сказала мадамъ Трейманъ, кивая головой Сашѣ.

Саша посмотрѣла на нее, и ничего не сказала.

— Что тепло у васъ здѣсь? спросила гостья, обращаясь прямо къ Сашѣ: ей хотѣлось услышать ея голосъ.

— Ничего—тепло.

— Воздухъ, кажется, не хорошъ—да?

— Нельзя сказать и этого.

Гостья удовольствовалась этимъ и вышла.

Положеніе Забѣлина было въ полномъ смыслѣ безвыходное; выходить онъ могъ не иначе, какъ босый. Сапоги, служившіе ему уже съ недѣлю послѣ того какъ потеряли подошвы, пришли въ окончательную негодность: Забѣлинъ какъ-то запнулся и разорвалъ лѣвый передокъ. Дѣлать было нечего, и онъ не пошелъ на службу. Дня два онъ провелъ дома босикомъ и въ добавокъ голодомъ. Наконецъ добылъ у хозяина какіе-то опорки и отправился на толкучку.

Тамъ онъ продалъ книги, закусилъ и пріобрѣлъ копѣекъ за пятьдесятъ немудрые сапожонки. Все-таки онъ надѣлъ

ихъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что съ непривычки ему было стыдно идти въ опоркахъ по улицѣ.

Часовъ въ семь къ нему вошелъ хозяинъ, осмотрѣлъ сапоги, спросилъ цѣну и объявилъ, что дорого.

— Вы созданы не покупать, а продавать, право! Вы когда нибудь доживете до того, что и себя наконецъ продадите, почтеннѣйшій! сказалъ старикъ.

— Я бы продалъ съ большимъ удовольствіемъ, если-бъ нашелся покупатель.

— Найдется. Какъ вы ни плохи, а и за васъ деньги дадутъ, право, хоть и немного. Въ этомъ отношеніи вамъ бы лучше быть хорошей лошадью, чѣмъ такимъ человѣкомъ; тогда за васъ дороже бы дали.

— Пожалуста оставьте ваши насмѣшки, мнѣ и безъ нихъ нелегко.

— Я не смѣюсь. Надо говорить серьезно: вы въ такихъ обстоятельствахъ, что вамъ нечего больше дѣлать, какъ продаться... Нужно только прицѣниться. Я дамъ за васъ пятьдесять рублей! Серьезно!

— Полноте говоритъ пошлости.

— Нѣтъ, это еще не пошлость покуда, что человѣкъ пріѣхалъ учиться, а продался въ солдаты. Такіе умники все больше на мостахъ кончали. Возьметъ, шутникъ, да и перелѣзетъ черезъ перила въ воду,—вотъ это ужъ пошло, а въ солдаты продаваться не пошло.

— Вотъ вы про что говорите!.. Нѣтъ, я еще подожду продавать себя.

— Подождите, подождите! Никто васъ не неволитъ. А отличная это жизнь, я вамъ скажу!

— Какая жизнь?

— Да солдатская-то. Ѣшъ, пей, веселись, пѣсни пой отъ

нечего дѣлать. «Чисти амуничку чернымъ воскочкомъ!» Щи какія у нихъ отличныя! Каша крутая! И не дерутъ, знаете, ли нынче... просто, рай! Я не знаю, какъ это вся ваша голодная братія не наймется въ солдаты? Эдакую бы особую дивизію образовать...

Забѣлинъ повернулся къ нему спиною. Старикъ вышелъ посмѣиваясь.

На другой день Забѣлинъ въ новыхъ сапогахъ отправился на службу.

— Хорошо, что вы пришли сегодня, встрѣтилъ его Сабининъ: намъ съ вами нужно сдѣлать разсчетецъ.

— Мнѣ нездоровилось это время, Семенъ Семенычъ, сказалъ Забѣлинъ, удивленный такимъ пріемомъ.

— Очень вамъ вѣрю, но мнѣ отъ того нелегче. Наше дѣло не терпитъ отлагательства, все на акуратности стоитъ.

— Я въ другой разъ надѣюсь быть акуратнѣе, тихо проговорилъ Забѣлинъ, сопровождая слова свои поклономъ и дѣлая движеніе къ своему мѣсту.

— Нѣтъ, не трудитесь. Мы сдѣлаемъ разсчетецъ. За три дня этого мѣсяца вамъ приходится получить рубль двадцать копѣекъ. Я вамъ сейчасъ ихъ отдамъ.

— Семенъ Семенычъ! я вамъ впередъ обѣщаюсь быть непремѣнно акуратнымъ, а за эти два дня вы можете вычесть по восьми гривенъ.

— Съ моей стороны было бы безсовѣстно вычитать съ васъ за то, что вы были больны.

— Я могу, наконецъ, заработать это время въ праздники; я даже согласенъ не уходить съ часу до трехъ, а буду отлучаться всего на полчаса.

— И еще больше захвораете, а больной ужъ какой работникъ!

— Значитъ я больше ненуженъ?

— Очень жаль мнѣ съ вами разстаться, но знаете пословицу про свою рубашку.. Мнѣ нельзя больныхъ держать. Я вамъ сейчасъ дамъ ваши деньги.

Забѣлинъ стоялъ какъ облитый варомъ: онъ ничего подобнаго не ожидалъ и это тѣмъ болѣе поразило его.

Лишившись мѣста, Забѣлинъ не пошелъ домой; онъ до поздняго вечера, безъ всякой цѣли, проходилъ по улицамъ. Мысли у него не вязались, онъ ничего не думалъ; даже не вспоминалъ свои любимыя мечты. Лишеніе мѣста для него было ударомъ, потому что онъ не видѣлъ больше никакой, даже самой малѣйшей, надежды на продленіе своего жалкаго существованія; это доводило его до отчаянія.

V.

Саша въ началѣ нашего разсказа явилась не съ тѣми воззрѣніями, какія высказываетъ въ концѣ его. По всѣмъ правиламъ, я бы долженъ былъ употребить покрайности одну главу на описаніе психической борьбы, плодомъ которой былъ этотъ переворотъ въ убѣжденіяхъ героини. Но я почелъ это совершенно излишнимъ, потому что для всякаго понятны причины, породившія этотъ переворотъ. Необходимость безъ всякой борьбы одержала полную побѣду.

— Я вамъ пришла собщить кое-что, сказала Саша, входя къ Забѣлину.

— Что такое?

— Хозяйка требуетъ съ меня долгъ и уговариваетъ согласиться на предложеніе одной доброй, богатой дамы, ко-

торая изъявила желаніе заплатить мой долгъ. Намекаетъ еще, что за долги меня будутъ таскать по кварталамъ и посадятъ наконецъ въ тюрьму, если я не соглашусь на это предложеніе.

— Ну, это вѣрно все вранье, невнимательно сказалъ Забѣлинъ. Глупая баба разсердилась и просто хотѣла попугать васъ.

— Вы немножко не угадали. Благодѣтельница ужъ была и дѣлала мнѣ смотръ, а конечно не изъ филантропіи захотѣла платить мои долги... Я не имѣю желанія сидѣть въ тюрьмѣ, да и для чего? Когда выпустятъ не одинъ ли конецъ: рано ли, поздно ли придется рѣшиться! Поэтому, Николай Иванычъ, я думаю согласиться; но прежде хотѣла поговорить съ вами. Вы теперь лишились мѣста; что вы думаете дѣлать? Жить даже бѣдно и честно вамъ теперь нельзя.

— Да, кажется ничего не остается! Я и самъ не знаю, что мнѣ дѣлать...

— Вы не находите возможности ничего не дѣлать! Горестное положеніе! Несчастный человѣкъ!

— Саша, и вы надо мной издѣваетесь! Неужели нѣтъ человѣка, которому бы мои страданія казались хоть сколько нибудь серьезны! воскликнулъ Забѣлинъ плаксивымъ голосомъ. Неужели я въ самомъ дѣлѣ жалокъ до смѣшного?

— Да, вы достаточно смѣшны съ вашими куриными страданіями и томленіями. Иногда вы просто дѣлаетесь невыносимы, когда начинаете жаловаться... Ваша безхарактерность, малодушіе...

— Вы, значитъ, совсѣмъ не знаете меня! горячо прервалъ ее Забѣлинъ. Вы вовсе не поняли меня. Я далеко не безхарактерный человѣкъ, когда не требуется уступокъ въ

моихъ убѣжденіяхъ. Но на безчестныя дѣла я никогда не соглашусь и этимъ докажу, что у меня тоже есть характеръ, то есть сила воли.

— За что же вы думаете взяться теперь? съ ироніей спросила Саша.

— Я знаю за что.

— За что же примѣрно? Честный трудъ помогъ вамъ?

— И у васъ достаетъ духу смѣяться надъ такими вещами! Это не доведетъ васъ ни до чего хорошаго, какъ и вообще всякаго завистливаго человѣка, желающаго стать выше своего положенія. Такіе люди, лишенные всякихъ нравственныхъ правилъ, часто доходятъ до преступленія. Что вы такъ смотрите на меня?

— Ничего, продолжайте.

— Да, я продолжаю... Совѣтовалъ бы я вамъ оставить или не оставить, а прежде разобрать внимательнѣе тѣ убѣжденія, которыя вы приняли на вѣру, безъ всякаго анализа. Во-первыхъ, отчего это презрѣніе къ общественному мнѣнію? Презрѣніе, похожее на неблагодарность! Да, на неблагодарность!..

— Скажите!

— Общество васъ вскормило, воспитало,—и чѣмъ же вы ему за все это платите? Кромѣ того, что сами рѣшаетесь нарушить его правила, вы подаете другимъ членамъ дурной примѣръ—улучшить свое благосостояніе безчестными средствами...

Забѣлинъ остановился перевести духъ.

— Продолжайте, сказала Саша.

— Вы можете смѣяться! Но я не вижу тутъ ничего смѣшного; слава Богу — я еще не пересталъ вѣрить во все это! Совѣтовалъ бы и вамъ обратиться на путь истинный, и пре-

доставить Аннѣ Ивановнѣ злоупотреблять людской терпимостью... Впрочемъ и эта терпимость не вѣчна: придетъ время и Аннѣ Ивановнѣ не поздоровится, и въ нее будутъ бросать грязью!

— Вы кончили?

— Да, кончилъ! Можно быть скептикомъ, но въ отвлеченныхъ вѣрованіяхъ, въ научныхъ гипотезахъ, а не въ нравственныхъ правилахъ, которыя утверждаются цѣлыми обществами.

— Ну вѣдь всего не переслушаешь! До свиданья!

— До свиданья! холодно проговорилъ Забѣлинъ.

Саша ушла.

— Нѣтъ, я все-таки не поддамся искушенію, думалъ онъ, и началъ убѣждать себя, что онъ чуть было не сдѣлался игралищемъ въ рукахъ женщины, которая хотѣла развратничать, прикрываясь его именемъ и положеніемъ. Но онъ самъ скоро опровергъ эту мысль и задалъ себѣ роковой вопросъ: что же дѣлать?

А дѣлать что нибудь было необходимо... Въ слѣдствіе этого онъ легъ на диванъ.

VI.

Утромъ, когда Саша напилась кофе, она позвала въ свою комнату хозяйку.

— Какая это дама можетъ вамъ заплатить мой долгъ? спросила она.

— Видите, Александра Степановна, я думала, что вамъ теперь уже все равно... Потому, знаете, въ такихъ обстоя-

тельствахъ, въ нуждѣ такой, наша сестра недолго думаетъ...

— Я васъ не о томъ спрашиваю.

— Вы спрашиваете, какая дама? Очень добрая, хорошая, обходительная—вы сами видѣли... А какое у нея великолѣпное помѣщеніе, кушанье какое—просто вамъ будетъ не жизнь, а рай! Къ ней только благородные люди, богатые въ гости ѣздятъ. Когда нибудь да вѣдь нужно же мнѣ разсчитаться съ вами... Я не богата, сами видите, такъ я теперь въ деньгахъ нуждаюсь, просто до-зарѣзу! Братъ вчера вечеромъ былъ: «Ты бы, говоритъ, прошенье подала, чтобы въ тюрьму ее засадить.» А я думаю, что вы со мной по благородному обходились, такъ и теперь не доведете доэтого...

— Гдѣ же эта дама живетъ? спросила Саша, накидывая бурнусъ.

— Вы хотите къ ней?.. Я васъ провожу; мы наймемъ извощика. Позвольте, я сейчасъ одѣнусь.

— Зачѣмъ же вамъ безпокоиться?

— Нельзя же! Неловко... Я васъ представлю, рекомендую и сдамъ съ рукъ на руки. Вещи ваши покуда здѣсь, я думаю, могутъ остаться. Я вамъ ихъ доставлю на дняхъ.

— Значитъ я больше не ворочусь къ вамъ?

— Зачѣмъ же? вы тамъ останетесь. У нее невпримѣръ лучше жиличкой быть, чѣмъ у меня. Вы только взглянете, какъ тамъ отлично, такъ никогда и видѣть этой бѣдной комнаты не захотите. Какъ тамъ всѣ одѣты, еслибы вы знали! Въ шелку да въ золотѣ будете ходить!

— Отчего же вы сами, Ѳедосья Емельяновна, не сдѣлались такой же хорошей хозяйкой?

Ѳедосья Емельяновна хотѣла было вломиться въ амбицію, но на радостяхъ рѣшилась великодушно простить это оскорбленіе.

— Насмѣшница! воскликнула она и вышла изъ комнаты.

Саша въ волненіи начала ходить взадъ и впередъ. Ей было страшно проститься навсегда съ тѣмъ образомъ жизни, къ которому она уже давно привыкла, несмотря на всю непривлекательность. «Что-то будетъ? какъ-то будетъ тамъ!» думала она, и эта неизвѣстность больше всего мучила ее.

— Готовы вы, Александра Степановна? Карета ужь пріѣхала, проговорила хозяйка, отворяя дверь.

— Я давно готова, твердо отвѣчала Саша.

Всю дорогу Ѳедосья Емельяновна трещала о прелестяхъ, ожидающихъ Сашу въ новой жизни. Музыка, танцы, веселье! Какіе ловкіе кавалеры, какія заморскія вина, какія сладкія кушанья, роскошныя платья будутъ въ ея распоряженіи! Саша ѣхала, не слушая ее—не до того ей было. Карета наконецъ остановилась.

По широкой лѣстницѣ они поднялись во второй этажъ и позвонили. Имъ отворила дверь хорошенькая горничная.

— Что, мадамъ дома? спросила Ѳедосья Емельяновна.

— Очень рада васъ видѣть, говорила хозяйка, встрѣчая Сашу, которая двигалась какъ-то машинально, хотя была повидимому, спокойна. Вы совсѣмъ? прибавила мадамъ Трейманъ, обращаясь больше къ Ѳедосьѣ Емельяновнѣ.

— Да-съ; вещи, какія остались, я послѣ имъ доставлю, подобострастно отвѣчала та.

— Что вы такая скучная? развеселитесь: здѣсь у насъ не дадутъ скучать, шутливо утѣшала мадамъ Трейманъ Сашу.

Саша ничего не отвѣчала; она только пристально посмотрѣла въ глаза пышной дамы и начала снимать шляпку.

— Вы присядьте; здѣсь, у насъ, вамъ хорошо будетъ, говорила хозяйка:—ни скандаловъ, ни ссоръ вы здѣсь не увидите.

— Прощайте, Александра Степановна! Вотъ вы ужь имъ теперь будете должны семьдесятъ рублей. Я отъ нихъ вашъ долгъ получила, сказала Ѳедосья Емельяновна, раскланиваясь со своей бывшей жиличкой.

— Пойдемте! повторила хозяйка, направляясь въ дверь.

Саша какъ автоматъ, послѣдовала за ней. Проходя полуосвѣщеннымъ коридоромъ, хозяйка остановилась около двери.

— Вотъ ваша комната, сказала она, отворяя дверь и показывая отдѣльную, хорошо убранную комнату. Здѣсь вы будете спать.

— Саша крѣпко сжала зубы отъ злости, которая давила ее въ эту минуту.

— Вотъ здѣсь пріемная зала, невозмутимо говорила хозяйка, продолжая все объяснять и показывать новой жиличкѣ... Та упорно молчала.

Рубль, полученный Забѣлинымъ при разсчетѣ, истраченъ. Продать больше нечего: онъ голодалъ уже другой день и быстро ходилъ по комнатѣ, размышляя о томъ, почему онъ не сидитъ за хорошимъ обѣдомъ, а терпитъ голодъ. Вопросъ этотъ, повидимому, представлялъ для него живой контрастъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего я терплю и она бѣдная тоже? Нѣтъ, я долженъ принести эту жертву! рѣшилъ онъ и взялъ фуражку. Сегодня же вмѣстѣ пойдемъ къ Аннѣ Ивановнѣ, возьмемъ денегъ и обвѣнчаемся. Гдѣ мы жить будемъ? Я переѣду къ ней; этотъ проклятый старикъ ужасный мерзавецъ, думалъ Забѣлинъ, выходя въ двери.

— Что, червякъ-то точитъ?.. хотите закусить? а? вскричалъ хозяинъ, останавливая Забѣлина въ коридорѣ.

— Убирайтесь! сердито проговорилъ тотъ, быстро выходя на лѣстницу. Дорогой онъ началъ соображать, какую хоро-

шенькую квартирку можно будетъ нанять при хорошемъ жалованьи, какія кушанья можно ѣсть.

— Саша вѣрно хорошо умѣетъ стряпать, думалъ онъ. Хорошенькая дѣвушка! Славно можно жить!.. Ну, а угрызенія совѣсти? Пустяки! Тысячи людей живутъ также, и хорошо живутъ,—да иначе и жить нельзя!

— Мы сейчасъ пойдемъ къ Аннѣ Ивановнѣ, возьмемъ у ней денегъ и на первый разъ отлично закусимъ, подумалъ онъ, подходя къ квартирѣ Саши.

Наружность Забѣлина, изъ обыкновенной, задумчивой и разсѣянной, превратилась въ веселую и торжественную, когда онъ стоялъ у дверей Сашиной квартиры и звонилъ.

Ему отворила сама Ѳедосья Емельяновна.

— Вы къ Александрѣ Степановнѣ? весело спросила она. А ее ужъ здѣсь нѣтъ:—она переѣхала; у другой хозяйки теперь. Вы взойдите.

— Куда же она уѣхала?

— Я ее черезъ одну знакомую пристроила. Отличное мѣсто, на хорошей улицѣ! Первое здѣсь заведеніе! Богатая хозяйка какая!.. мнѣ сейчасъ же, безъ разговоровъ, все, что она должна была, заплатила.

— Продали, значитъ? задыхаясь спросилъ Забѣлинъ.

— А вамъ что за надобность? Если бы и такъ. Она не жена ваша, не любовница была! Васъ не спросили какъ поступить.

— Спрашивали! вскричалъ онъ въ отчаяніи, почувствовавъ омерзеніе къ самому себѣ и затѣмъ что-то похожее на энергію.

— Отличное благородное вы дѣло сдѣлали! сказалъ онъ надѣвая фуражку.

— Коли жаль, ступай да и женись на ней! рѣзко отвѣтила хозяйка.

— Мерзавка! вскричалъ Забѣлинъ въ дверяхъ.

— Городовой! Свидѣтелей! заревѣла она.

Забѣлинъ быстро сошелъ съ лѣстницы. Онъ шелъ въ какомъ-то опьяненіи до самой своей квартиры; голова не работала, мысли не вязались. Когда онъ поднимался по лѣстницѣ въ свою квартиру, его встрѣтилъ старикъ-хозяинъ.

— Ну, что, сосѣдъ, заморили вы червяка? спросилъ онъ.

— Слишкомъ любопытны, проворчалъ Забѣлинъ, стараясь обойти его.

— Я все жду, скоро ли вы себя продать надумаетесь?

— Купите сейчасъ! я согласенъ, идетъ! вскричалъ Забѣлинъ.

— И вы точно рѣшились?

— Рѣшился. Покупайте!

— Ну, такъ и поѣдемте. Извощика найму! Бумаги съ вами?

— Со мной.

— Вотъ подумаешь исторія: учили васъ, учили, и все-таки вы дешевле неученой кавалерійской лошади!.. Къ вамъ, знаете, будетъ идти сѣрая шинель... скверно только то, что у васъ усы не ростутъ! Вы ефрейторомъ будете!.. Налѣво кругомъ! скомандовалъ старикъ, когда они вышли за ворота.

Забѣлинъ почти съ удовольствіемъ сѣлъ въ пролетку. Онъ былъ очень доволенъ своей рѣшимостью: «Покрайности пусть она увидитъ, что я несовсѣмъ нерѣшительный человѣкъ, думалъ онъ. И голодать больше не буду!...»

Семенъ Фроловичъ, комисіонеръ по рекрутскимъ дѣламъ, сидѣлъ въ своей комнатѣ и весело раздумывалъ: «Савельевъ

подождетъ; отъ квитанціи получу полтораста, да отъ Еремина пятьдесятъ въ задатокъ. Дѣла идутъ отлично!»

Въ то время раздался звонокъ, и вошелъ хозяинъ Забѣлина, Алексѣй Дмитричъ.

— Рекрута привелъ! хочешь? Пять рублей за комисію. Отличный малый! Здоровенный, молодой!

— Гдѣ же онъ?

— Тамъ дожидается, покуда ты мнѣ пять рублей за комисію заплатишь.

— Чудакъ! не могу же я, человѣка не видавши...

— Надо, значитъ, къ Ганкину ѣхать. Прощай!

— Постой! бумаги у тебя?

— У меня.

— Кажи.

Бумаги перешли въ руки Семена Фроловича. Алексѣй Дмитричъ получилъ пять рублей и пошелъ за Забѣлинымъ.

— Изъ ученыхъ, учителемъ былъ, проговорилъ Семенъ Фроловичъ, разсматривая бумаги. Охъ, эти ученые! разсуждалъ онъ припоминая одного рекрута, котораго долженъ былъ сдать съ убыткомъ. И то радъ, что взяли. Бывало въ трактирѣ, подъ пьяную руку, оретъ себѣ безъ церемоніи: «Санька, мошенникъ, поцалуй меня! Цалуй, животное, а то сегодня же удавлюсь—пропали твои сто рублей! Самъ удавлюсь и тебя пришибу, четвероногій!» Очень былъ безпокойный рекрутъ изъ ученыхъ.

Семенъ Фроловичъ встрѣтилъ Забѣлина ласково. Онъ сразу замѣтилъ, что это хоть и ученый, а все-таки съ нимъ можно поладить.

— Здравствуйте! съ заискивающей улыбкой, сказалъ онъ. Прошу садиться. Я слышалъ, вы хотите въ военную службу поступить?

— Да, тихо отвѣчалъ Забѣлинъ, нѣсколько смущенный новостью своей роли.

— Это можно... Семенъ Фроловичъ помялся. Извините! сказалъ онъ наконецъ. Былъ со мною такой, надулъ меня одинъ: напилъ, наѣлъ рублей на десять, а потомъ хряща въ носу и не оказалось... На тѣлѣ у васъ ничего нѣтъ?

— Ничего, отвѣчалъ Забѣлинъ.

Семенъ Фроловичъ попросилъ Забѣлина подписать какую-то бумагу и повелъ его въ трактиръ.

— Вы водочки или коньяку хотите? спросилъ онъ его, подходя къ буфету.

— Я ничего не пью.

— Не пьете?! воскликнулъ, какъ громомъ пораженный, Семенъ Фроловичъ. Удивленіе его не имѣло границъ. — Не пьете?! повторялъ онъ, вытараща глаза на Забѣлина.

— Да, не пью.

— Это очень хорошо. Если вы поведенія трезваго, вы далеко пойдете на службѣ. Такъ не прикажете ли чего закусить?

— Да, не мѣшало бы, весело отвѣчалъ Забѣлинъ. Бѣдняга былъ радъ, что пристроился, что не будетъ больше голодать.

— Вотъ карточка. Вы не стѣсняйтесь, спрашивайте, что угодно. На службѣ очень важная вещь трезвое поведеніе. Да и гдѣ это не важная вещь? Во всякомъ дѣлѣ трезвому человѣку больше ходу. Пьяницы нигдѣ нетерпимы, ораторствовалъ Семенъ Фроловичъ, выпивая рюмку за рюмкой.

Послѣ обѣда онъ пригласилъ Забѣлина въ баню. Тамъ онъ нанялъ баньщика вымыть новаго рекрута. Послѣ бани, когда они вышли въ передбанникъ, Семенъ Фроловичъ развязалъ большой узелъ въ синемъ платкѣ и предложилъ За-

бѣлину одѣваться. Въ узлѣ оказались—плисовые шаровары, красная кумачная рубаха и поддевка.

— Не желаете ли чайку выпить послѣ бани? услужливо предложилъ Семенъ Фроловичъ, указывая глазами на входъ въ трактиръ.

— Пожалуй! отвѣчалъ Забѣлинъ.

Напившись чайку, они воротились домой. Семенъ Фроловичъ проводилъ Забѣлина въ свою спальню, гдѣ стояли три кровати, и предложилъ ему отдохнуть. Предложеніе было принято.

— У васъ, въ вашей губерніи, родители остались? спрашивалъ Семенъ Фроловичъ, растягиваясь на одной изъ коекъ.

— Нѣтъ, никого нѣтъ.

— А здѣсь есть у васъ знакомые или родные?

— Тоже нѣтъ. Впрочемъ, есть одна дѣвушка... Я васъ хотѣлъ попросить, нельзя ли будетъ сходить къ ней?

— Разокъ одинъ пожалуй можно сходить, согласился Семенъ Фроловичъ. Этотъ овца сущая — нетребователенъ: ему можно и не очень потакать.

Но, однакожъ насколько Забѣлинъ ни казался ему овцой, онъ счелъ нужнымъ изъ предосторожности запереть дверь своей спальни на замокъ и ключъ положить подъ подушку.

VI.

Семенъ Фроловичъ исполнилъ свое обѣщаніе, привезъ Забѣлина къ мадамъ Трейманъ. Тотъ уже давно раскаявался, что напросился увидѣться съ Сашей.—Зачѣмъ, думалъ онъ, растравлять старыя раны? Онъ уже готовъ былъ на попятный, когда въ одинъ вечеръ Семенъ Фроловичъ объявилъ

ему, что сегодня онъ готовъ исполнить свое обѣщаніе. Отказаться отъ такой готовности было неловко, и Забѣлинъ, скрѣпя сердце, поѣхалъ. Не безъ трепета поднялся онъ по широкой лѣстницѣ, и очутился въ пріемной залѣ.

Изъ розовой, здоровой дѣвушки Саша превратилась въ чахлую, блѣдную хотя и не лишенную интереса. Она какъ будто выросла, или постарѣла; на губахъ бѣгала странная улыбка.

— Здравствуйте! болѣзненно произнесла она, увидѣвъ Забѣлина.

— Что вы, какъ вы? спросилъ Забѣлинъ, пожимая ея руки.

— Пойдемте ко мнѣ, проговорила она, не выпуская его руки. Забѣлинъ пошелъ за ней.

— Пріѣхали полюбоваться? сказала Саша, когда они пришли въ ея комнату. Что это вы такъ одѣты?

Забѣлинъ объяснилъ ей въ чемъ дѣло.

— Ничего кончили, какъ желали: хоть скверно, но честно! съ горькой ироніей, проговорила Саша.

— Полноте Саша! Теперь никакія насмѣшки не помогутъ. Ваши горькія слова могутъ оставить во мнѣ горькое чувство, и больше ничего. А я бы не желалъ этого, не желалъ, чтобы наше послѣднее свиданіе было отравлено.

— Вы вправду продались? съ горькой улыбкой спросила Саша.

— Вы ненавидите меня?

— Нисколько! не за что! Больно, правда, какъ подумаешь, что еслибы вы захотѣли—я могла бы жить иначе...

— Безполезно вспоминать объ этомъ, Саша. Но какъ ни гадокъ я самому себѣ, все-таки я никогда не подозрѣвалъ, чтобы это могло такъ дурно кончиться... Еслибъ я зналъ, я бы не сталъ долго думать.

— Напрасно вы оправдываетесь, васъ никто не винитъ.

— Но вы еще меньше меня виноваты, Саша! воскликнулъ Забѣлинъ.

— Никто тутъ невиноватъ... Нужда заставила калачи ѣсть! А то можетъ и судьба такая выпала!..

Саша замолчала; Забѣлинъ не зналъ, что ему сказать, и молча смотрѣлъ на нее.

— Я теперь немного нездорова, заговорила она, и пожалуй недолго протяну. Что-же дѣлать, коли не выпало лучшей доли?

— Да, дѣлать нечего! Такъ устроенъ свѣтъ, утѣшалъ Забѣлинъ. Этого перемѣнить нельзя!..

— Успокоительная философія! Впрочемъ, роптать намъ во всякомъ случаѣ нечего: мы родились при такихъ условіяхъ, что ничего лучшаго и ожидать было нельзя. Намъ нужно благодарить судьбу, что нашлись еще добрые люди, которые избавили насъ отъ голодной смерти! иронически произнесла Саша.

— Роптать безполезно! Я сознаю это и не ропщу, хотя моя доля тоже не лучше вашей...

— Мнѣ не легче отъ того, что и вамъ тяжело, холодно прервала Саша безконечныя жалобы Забѣлина.

— Я тоже плохо кончу! Какой я солдатъ? Мнѣ, какъ и вамъ, тоже нѣтъ исхода, но я все-таки не ропщу.

— Потому что у васъ недостаетъ энергіи даже роптать, съ неудовольствіемъ сказала Саша. Вы можете только плакать да жаловаться...

Забѣлинъ молча кусалъ ногти.

— Да, вамъ впрочемъ нѣтъ и причины роптать, заговорила опять Саша: вамъ ненужно унижаться, вы еще пожалуй можете отличиться въ сраженіи,—съ ироніей приба-

вила она, — а намъ нѣтъ исхода! Впрочемъ и намъ есть исходъ, онъ часто приходитъ мнѣ въ голову...

— Какой? живо спросилъ Забѣлинъ.

— Да удавиться, или выброситься изъ окошка, коли очень надоѣстъ эта жизнь! прошептала Саша, отворяя дверь.

—

Черезъ нѣсколько времени Забѣлинъ, выходя изъ какого-то трактирчика, встрѣтилъ Анну Ивановну. Она сначала не узнала его, потомъ ахнула и начала распрашивать.

— Вотъ что, значитъ имѣть невѣрный взглядъ на вещи! сказала она, выслушавъ его, по обыкновенію горькія, жалобы, Утопили вы ее, а себѣ не сдѣлали лучше... Ну, желаю вамъ дослужиться до генеральскаго чина!..

СОНИЧКА.

(Сцены изъ купеческаго быта).

I.

Мужъ истины и добра, Терентій Егорычъ Егоровъ съ Анфисою Сергѣевною, достойною супругою, держали совѣтъ: какъ лучше упрочить супружество единоутробной ихъ дщери.

— Вотъ, говоралъ Терентій, сѣдовласый и съ небольшою лысиною — признакъ ума и долголѣтней опытности: — вотъ Анфиса, Парамонъ Парамонычъ явно намекалъ мнѣ вечоръ на нашу Соню.

— Что же?

— Да, вотъ, говоритъ, думаю осупружиться.

— Ну, а ты что?

— Что я? Я ничего. Время, говорю, время Парамонъ Парамонычъ. «Да, вотъ, говоритъ, не знаю, какъ имѣть обращеніе въ отношеніи къ свахамъ: народъ онѣ продажный, такъ чтобъ впросакъ не попасть. Деньги-то они взять—возмутъ, а обмануть—всетаки обманутъ. Вотъ кабы, примѣрно сказать, съ человѣкомъ знакомымъ имѣть дѣло, такъ это нешто. Хошь бы примѣрно, какъ ты, Терентій Егорычъ; оно бы и безъ свахъ ладно было. Да и сумленія насчотъ, то-есть, обмана не предвидѣлось бы».

— Вотъ какъ! И впрямъ, Терентій Егорычъ: со словъ его замѣтно, какъ будто онъ заискиваетъ.

— Заискиваетъ Анфиса, это вѣрно! вытянулъ старый Терентій поглаживая бороду.

— Чтожъ, Терентій Егорычъ, онъ, кажись, человѣкъ ничево; худого не слыхать про него, ну и года не балованные: ему чай за тридцать?

— Подъ сорокъ, Анфиса, подъ сорокъ.

— Такъ какъ же ты думаешь, Терентій Егорычъ?

— А чего тутъ думать! Сдѣлаетъ предложеніе, такъ и по рукамъ ударить можно. А наша Соня супружницею доброю будетъ. Воспитывали мы ее въ страхѣ Божіемъ, хозяйство и рукодѣлье она знаетъ, грамотѣ обучена — чего еще надоть? Только одно развѣ: можетъ онъ ей не полюбится, что нѣмецкаго платья не носитъ? А и то сказать, ей съ мужемъ-то не танцкласы же заводить.

— Вѣстимо, не танцкласы. Вотъ, мы съ тобою, почитай, третій десятокъ осупружившись живемъ и нѣмецкихъ платьевъ не нашивали, и благодаря Создателя небеснаго, живемъ не хуже людей.

— Конечно, не хуже. Ну, и Сонюху не охота отпустить къ какому-нибудь, а Парамонычъ—человѣкъ богатый и неглупый. Такъ, по моему, я завтра же, за утреннимъ чаемъ, пораскалякаюсь съ нимъ и порѣшу.

— Порѣши, Терентій Егорычъ.

И порѣшили они, что надо выдать единокровную дщерь свою въ супружество за Парамона Парамоныча. А что порѣшилъ сѣдовласый Терентій съ супружницею, Анфисою Сергѣевною, такъ тому и быть.

II.

Сонечка во снѣ не видала и на яву не гадала, что надъ головою ея собирается родительская туча. Спокойно сидѣла она въ своей комнатѣ и, наклонясь надъ пяльцами, вышивала узорами юбку для своей маменьки. Между тѣмъ какъ узоръ за узоромъ являлся на кембрикѣ, въ головѣ мечта за мечтою воздвигала фантастическое зданіе. Она мечтала о томъ, что когда-нибудь рѣшится же наконецъ Петръ Иванычъ объясниться съ ея родителями; что онъ будетъ просить ихъ о согласіи на бракъ его съ ихъ дѣтищемъ; что старики можетъ быть поначалу и не согласятся на его просьбу, такъ какъ онъ бѣденъ, а они богаты, но она сама будетъ просить ихъ, будетъ плакать, въ ножки поклонится и тогда,—о, это вѣрно!—они согласятся и дадутъ имъ свое благословеніе, помолвятъ ихъ, соберутся подруги, праздникъ за праздникомъ потекутъ въ домѣ длинною вереницею... И послышался ей веселый смѣхъ подругъ, говоръ гостей, грустныя, но отрадныя сердцу напѣвы свадебной пѣсни. Потомъ звуки музыки, танцы... А онъ, а Петръ Иванычъ? Онъ сидитъ съ нею рядомъ и нашептываетъ ей на ухо сладостныя, упоительныя слова—слова любви... И грудь колышется у нея отъ сладостныхъ чувствъ, и рука, покорная этимъ чувствамъ, оставляетъ шитье, и головка опускается на спинку стула, глаза не въ состояніи глядѣть на иглу и пяльцы, смыкаются рѣсницы, и изъ полуоткрытаго рта вылетаетъ легкій вздохъ и засыпаетъ она, охваченная чувствомъ любви. И хорошъ,

сладокъ ея сонъ, свободно и легко дышетъ она и не тревожитъ ее сбирающаяся надъ нею родительская гроза.

— Спишь, моя голубушка? раздалось надъ ухомъ Сонички, и чья-то рука коснулась ея плеча.

Соничка вздрогнула и открыла глаза.

— Уснула?

— Уснула, маменька.

— А я тебѣ новость принесла: тятенька жениха хочетъ сватать тебѣ.

Яркій румянецъ охватилъ полныя щочки дѣвушки.

— Кого, маменька?

— Парамона Парамоныча сватаютъ.

— Маменька, Парамонъ Парамонычъ мнѣ не нравится!..

И слезы готовы были выступить у Сонички.

— Да чѣмъ же онъ тебѣ не нравится?

— Онъ такой грубый, маменька.

— И, Соничка! это онъ только такъ тебѣ кажется, какъ чужой человѣкъ, а какъ повѣнчаетесь, такъ лучше его и не будетъ.

— Нѣтъ, маменька, я за него не пойду. Я не люблю его!

— Полюбишь, Соничка. Вѣдь онъ будетъ тебѣ мужъ, а кого же и любить, какъ не мужа! Вотъ и я тоже въ твои года говорила, да и замужъ-то вышла почти невольно, а благодаря Бога, жила и по сію пору живу съ твоимъ отцомъ въ любви и согласіи.

— Да то вы... хотѣла сказать Соничка, но одумалась.— Какъ хотите, маменька, сказала она:—а я за него не пойду!

— Полно, глупенькая, не пойду!.. Ты знаешь отца!... Ужъ онъ коли что̀ захочетъ сдѣлать, такъ поставитъ на своемъ. Супротивъ родительской воли грѣшно идти, и пятая заповѣдь учитъ: «чти отца твоего и матерь твою».

Сонячка заплакала.

— Да чего жь ты плачешь? Полно, экая глупая! ну, не нравится, такъ скажи отцу, авось онъ и послушается тебя.

— Да я, маменька, не смѣю сказать тятенькѣ!.. говорила Сонячка, всхлипывая.

Анфиса Сергѣевна была женщина добрая и любила свою дочь безъ границъ. При видѣ слезъ Сонячки, сердце ея заныло—ей стало жаль дочери. Соглашаясь съ мужемъ на сватовство, она не думала, что это будетъ непріятно ея милому дѣтищу, и теперь мысленно укоряла себя въ поспѣшномъ рѣшеніи. Она знала, что трудно отговорить мужа отъ однажды принятаго имъ рѣшенія, но, уговаривая дочь, дала ей слово во что бы то ни стало отклонить предполагаемое сватовство, и Сонячка успокоилась. Съ часъ мать и дочь совѣтовались какъ бы разстроить это дѣло и не могли ничего лучше выдумать, какъ слезно просить своего патріархальнаго владыку. Когда они вышли къ ужину и сѣли за столъ, на нихъ и тѣни не было тѣхъ горестей, которымъ за часъ они предавались, и старый Терентій не могъ, по ихъ лицамъ, догадаться, что противъ его крѣпкаго рѣшенія составленъ у жены съ дочерью заговоръ.

III.

Утро было на исходѣ, а Петръ Иванычъ, тотъ самый Петръ Иванычъ, о которомъ мечтала Сонячка, еще не вставалъ. Впрочемъ, онъ не спалъ, а такъ-себѣ нѣжился на постелѣ, разметавъ руки и ноги въ разныя стороны. Голова его въ настоящую минуту занята была крѣпкою думою.

«Сегодня же—думалъ онъ—пойду къ Терентью и объясню ему прямо, что такъ-молъ и такъ: желаю вступить въ супружество съ вашею дочерью. Не хотѣлъ, скажу, засылать свахъ, а пришолъ объясниться лично. Неужели онъ откажетъ? спросилъ у самого себя Петръ Иванычъ, перевернувшись на правый бокъ.—Нѣтъ, не можетъ быть, не откажетъ! и перевернулся на лѣвый. — А, что если откажетъ? Да нѣтъ, не можетъ того быть, чтобъ отказалъ, развѣ что скажетъ: «я, молъ, подумаю». Но, вѣдь, не вѣкъ же станетъ и думать; ну недѣля, двѣ, а тамъ и конецъ: честнымъ пиркомъ и за свадебку. Однако, который-то часъ? Лукерья! крикнулъ онъ:—Лукерья!

— Ась, батюшка?

— Который часъ?

— Девятый.

— Молодцы ушли въ лавку?

— Ушли, батюшка.

— Подай-ка сапоги!

Лукерья подала. «Хорошо, какъ старикъ согласится», думалъ онъ, обувая сапоги и натягивая на плечи халатъ, «а нравится мнѣ Соничка, больно нравится; кажись, душу бы отдалъ за нее. Хорошо бы устроить это дѣло, очень бы хорошо. Надо устроить, непремѣнно надо».

— Лукерья! сказалъ онъ, выходя на кухню и подходя къ рукомойнику.

— Ась, батюшка?

— Надо устроить?

— Надо, батюшка, отвѣчала кухарка, несмотря на то, что вовсе не знала, что такое надо устроить. Она постоянно соглашалась съ словами хозяина: что ему надо, то и ей надо; ей и въ голову не приходило спросить, что такое надо и

чего непадо. О чемъ бы ни шла рѣчь—ей все равно, она на все была согласна и въ разспросы не входила.

Въ то время, какъ Петръ Иванычъ, занявшись у рукомойника, тщательно намыливалъ лицо и руки казанскимъ мыломъ, которое онъ купилъ у нижегородскаго татарина-разнощика Исайки и которое, по завѣренію татарина, имѣло свойство на четверть въ тѣло входить и грязь оттуда вытаскивать, Лукерья ставила самоваръ.

Петръ Иванычъ любилъ покопфетничать у рукомойника, помыться хорошенько, любилъ предъ зеркаломъ довольно продолжительно разчесывать волосы какъ можно глаже, любилъ посидѣть за самоваромъ время немалое, побесѣдовать во время чаепитія съ Лукерьею, любилъ подтрунить надъ нею и посмѣяться.

— А что, Лукерья, проговорилъ онъ, садясь пить чай,— какъ ты скажешь: жениться мнѣ или не жениться?

— А отчего же нѣтъ! Женись, батюшка, женись! отвѣчала она, подперши голову ладонью.

— Ой-ли?

— Ей-ей, право!

— А какъ ты думаешь: на комъ мнѣ жениться?

— Вѣстимо, на дѣвицѣ. Вдову, батюшка, не бери—вдова не годится.

— Что такъ?

— Да, такъ. Про вдовицъ вдовцы есть, а твое дѣло холостое да молодое. За тебя, чай, всякая пойдетъ!

— И генеральша?

— И генеральша пойдетъ! Да что тебѣ генеральша? Чай, и въ купечествѣ есть хорошія дѣвицы!

— Такъ я, по твоему, хорошъ, Лукерья?

— Вѣстимо, хорошъ. Коли бъ не хорошъ бы, такъ почто мнѣ хвалить тебя?

— А не лжешь?

— А почто мнѣ лгать: я отродясь не лгала!

— Такъ ты думаешь, что мнѣ надо жениться?

— Надо, батюшка, надо: человѣкъ ты молодой, тебѣ скучно одному-то; то ли дѣло, какъ жена... Да и въ хозяйствѣ женскій глазъ нуженъ.

— То-то, я думаю, что мнѣ надо жениться.

— Надоть, батюшка, надоть.

Черезъ часъ онъ пошолъ въ лавку, съ твердымъ намѣреніемъ увидаться съ лысымъ Терентьемъ, позвать его въ трактиръ распить чайку и тамъ сдѣлать предложеніе.

IV.

«Стараго воробья на мякинѣ не проведешь» говоритъ русская пословица, такъ и Терентья съ лысиною невозможно было уломать простодушному Петру Иванычу. Терентій долбилъ одно: «я, братецъ ты мой, свою дочушку въ супружество выдавать еще не думаю, потому она еще человѣкъ малый, несмышленый, робенокъ-робенкомъ. А, вотъ, коли ты думаешь ожениться, такъ я бы тебѣ совѣтовалъ толкнуться къ Мѣшечкину; у него старшая, Аксюша, въ самой порѣ, да и тебѣ въ пару».

— Вы меня извините, Терентій Егорычъ, отозвался на совѣтъ Петръ Иванычъ:—мнѣ Софья Терентьевна, по своей, можно-сказать, красотѣ и добротѣ пришла по̀ сердцу, а что касается Мѣшечкина, Аксиньи Захаровны, такъ я объ нихъ

совсѣмъ иное расположеніе имѣю. Да и васъ я привыкъ, по вашей добротѣ почитать, какъ за отца родного. Такъ тутъ, какъ вы сами изволите видѣть, совсѣмъ отношенія въ иномъ разрядѣ-съ.

— Что дѣлать, братъ. Я бы и душою радъ видѣть въ тебѣ зятя, да, самъ знаешь, молода! И попы, братъ, сказалъ лысый Терентій чуть не шопотомъ, но съ особенною энергіею:—по ея малолѣтству, вѣнчать не станутъ. Что еще!.. робенокъ!

— Это можно устроить, только бы ваше расположеніе было.

— Что ты, братъ, неужто противъ закона идти? Вѣдь мнѣ за дѣтище передъ Богомъ отвѣтъ надо держать! Да какой я буду отецъ, коли, примѣрно, противу закону потащу свое дѣтище въ супружество? У ней еще куклы на умѣ, а не хозяйство. Нѣтъ, братъ, что ни говори, а это не дѣло!

— Да, вы можетъ быть, это такъ говорите, отъ нерасположенія. Вы бы подумали, а я бы подождалъ.

«Вотъ голь навязалась», думалъ Терентій; «никакъ не отгонишь, прости Господи! Такъ и лезетъ съ навознымъ рыломъ въ калашный рядъ!»

— Такъ какъ же вы скажете, Терентій Егорычъ? напиралъ Петръ Иванычъ.

— Не знаю, братъ. Развѣ что подождешь лѣтъ съ пятокъ, такъ тамъ видно будетъ, а теперь и говорить объ этомъ нечего. Глупа еще она. Въ головѣ у ней совсѣмъ не то.

«Экая старая кляча!» думалъ Петръ Иванычъ, «никакъ не уломаешь. Нѣтъ, видно расположенія нѣтъ, со словъ видно.»

— Помилуйте! Терентій Егорычъ, сказалъ онъ вслухъ:— пять лѣтъ ждать! Вѣдь имъ не десятый годокъ!

— Шестнадцать, братъ, шестнадцать! Впрочемъ и то сказать, какъ знаешь. Свой разумъ—царь въ головѣ.

— Ну, хорошо-съ; положимъ, я буду ждать, а какъ вы тогда мнѣ коляску подадите?

— Это, братъ, дѣло закрытое. Развѣ что старуха моя заартачится, а я ни-ни. Да и что мнѣ коляску подавать? Тотъ ли зять, другой ли—все едино! За кого нибудь надо же будетъ выдать. Можетъ статься, сама не поневолится, а мнѣ, братъ, это все едино.

— Такъ въ настоящее время мнѣ и разсчитывать на это нечего?

— Нѣтъ, братъ не совѣтую, не стоитъ. Спасибо на угощеніи. Заходи въ лавку, коли подумаешь когда чайку распить. Чай-отъ этотъ за мной считай, сказалъ Терентій, опрокидывая чашку на блюдечко вверхъ дномъ и готовясь выдти изъ-за стола.

— Я думаю завтра билетикъ на ложу взять, такъ неугодно ли будетъ и вамъ съ семействомъ? сказалъ Петръ Иванычъ, останавливая Терентья.

— А нешто игра хороша? спросилъ тотъ.

— «Ермака Тимофеича» представлять будутъ.

— А!.. Ну, ладно, это дѣло хорошее; отчего не провести вечерокъ? Благодарю, другъ любезный.

— Такъ, я поутру къ вамъ на домъ и билетикъ доставлю-съ.

— Хорошо, дочушка обрадуется. Она не бывала еще у меня въ театрахъ-то. Благодарю, другъ, уважилъ. Ну прощай.

— Прощайте, Терентій Егорычъ. Желаю вамъ быть здоровымъ.

— Ладно, другъ, за пожеланіе тебѣ спасибо.

Чаепійцы растались.

«Экой старый чортъ»! думалъ Петръ Иванычъ, выходя изъ трактира. «Вѣдь могъ бы сдѣлать человѣка счастливымъ—такъ нѣтъ, все норовятъ за такихъ же богачей выдавать, какъ и сами. Да все равно, коли на то пошло, я не мытьемъ возьму, такъ катаньемъ. Дай только свидѣться съ Сопичкою, а ужь тамъ будетъ дѣло, лишь бы старуху какъ нибудь переманить на нашу сторону.»

Ванюшкѣ, служившему у Петра Иваныча, суждено было въ этотъ день изумляться перемѣнамъ, происходящимъ въ поступкахъ его хозяина. «Чортъ знаетъ, что такое!» думалъ онъ: «давича былъ человѣкъ-человѣкомъ и веселый такой, а теперь, напившись чаю, чортъ-чортомъ! Важное дѣло, что шолкъ забылъ къ мѣсту прибрать, да допрежъ и не такіе промахи дѣлывалъ, и то ничего не было, а тутъ...»

Ванюшка, вспомнивъ полученную затрещину, съ досады плюнулъ.

Старый Терентій шолъ изъ трактира къ лавкѣ, лукаво улыбаясь и съ удовольствіемъ поглаживая бороду.

— Ишь, что выдумалъ, разсуждалъ онъ дорогою:—отдай за него Сонюху! Небось, губа-то не дура: къ Мѣшечкину посылалъ, такъ нейдетъ,—знаетъ, что семья съ три короба: по алтыну на брата придется. Ужь нѣтъ ли у него съ моимъ бабьемъ шашней какихъ? Смотри Терентій, не думаютъ ли онѣ объѣхать тебя? Попронюхай-ка хорошенько, да на допросъ ихъ поставь... Когда же!.. Ужо за обѣдомъ, нешто?.. Нѣтъ, лучше опосля; посмотрѣть въ театрѣ не будетъ ли чего, сказалъ онъ рѣшительно и вошолъ въ лавку.

V.

— Что̀ значитъ видѣнный мною сонъ? спрашивала на другой день Соничка у книжки, называемой оракуломъ.— «Неожиданную радость!» отвѣчалъ довольно толстый астрологъ, напечатанный для потѣхи стараго и молодаго люда услужливымъ книгопродавцемъ.

Не удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, Соничка заглянула и въ сонникъ. «Балъ видѣть во снѣ—къ баловству», сказалъ велемудрый истолкователь сновъ,уподобясь въ этомъ случаѣ Іосифу, растолковавшему въ древности сонъ Фараону.

На этотъ разъ, повидимому, Соничка осталась довольна отвѣтомъ, потому что, бросивъ въ сторону книжку, занялась, въ ожиданіи обѣда, вышивкою той же юбки для своей маменьки.

Наступилъ обѣдъ. Онъ начался солониною съ хрѣномъ. Покушавъ съ апетитомъ солонины, Терентій Егорычъ объявилъ семьѣ о приглашеніи въ театръ на представленіе Ермака. Старуху, жену его, не удивила и нисколько не обрадовала эта новость, но даже какъ будто бы огорчила.

— Ну ихъ, и съ кіатрами этими, обмолвилась она во время обѣда.

— Что вы это говорите, маменька? сказала огорчительно Соничка:—неужели вамъ лучше все дома сидѣть?

— Ахъ, Соничка! возразила Анфиса Сергѣевна:—развѣ насъ сотворилъ Создатель ради того, чтобъ мы по кіатрамъ шныряли? Грѣхъ какой, Соничка, не приведи Господи!

Вѣдь тамъ чорта въ образѣ человѣческомъ представляютъ!

— А ты, Анфиса, не ври! вмѣшался старый Терентій:— какого тамъ чорта нашла?.. Все съ житейскаго берутъ, да на комедію перекладываютъ.

— Ужь какое тамъ житейское, Терентій Егорычъ, сказала жена:—коли бы житейское было и грѣха большого не было бы. А то послушалъ бы, какъ старики въ книгахъ хорошихъ объ этомъ пишутъ: такъ и сказано—зрѣлище бѣсовское.

— Эхъ, Анфиса! глупа ты, какъ я погляжу. То на комедію пишутъ, что на масляной у горъ въ балаганахъ ломаютъ; а это статья совсѣмъ особая, все едино, какъ и мы: люди ходятъ и такимъ же разговоромъ разговариваютъ.

— Тебя, Терентій Егорычъ, хоть съ семи церквей крестъ снимай, и тогда не переспоришь!

— Такъ неужто я, въ правотѣ моей, супротивъ себя выговорить дамъ? Да съ чего ты это самое взяла?.. Слышать этого не хочу!

— Слышу, Терентій Егорычъ, отвѣчала укрощенная суровымъ голосомъ мужа жена.

— То-то!

Семья, во время щей и жаркого, хранила молчаніе и только чавкала, уничтожая пищу.

— Смотрите-жь, крахмальте юбки-то, сказалъ Терентій, успокоившійся послѣ жаркого:—нешто, проведемъ вечерокъ, пускай дочушка позабавится.

— Покорно благодарю, тятенька! отозвалась дочушка.

— Нечего меня благодарить, не я зачинщикъ. Отблагодаришь того, кто билетъ пришлетъ... Есть еще что тамъ, али кресты класть?

— А вотъ сейчасъ драчону подадутъ, отвѣчала Анфиса

Сергѣевна:—сама справила. Славная такая вышла, ужарилась.

Обѣдъ кончился драчоной.

Петръ Иванычъ не ударилъ, какъ говорится, лицомъ въ грязь—прислалъ билетъ на ложу второго яруса. Съ трехъ часовъ Соничка принялась за уборку своего пухленькаго тѣльца. Болѣе всего было хлопотъ съ прическою. Трудно было рѣшить, которая изъ двухъ шла болѣе къ лицу: «а ля помпадуръ» или «а ля шенуа»? но къ пяти часамъ «шенуа« была побѣждена, а «помпадуръ» восторжествовала.

Въ розовомъ ваперовомъ платьицѣ, въ бѣлой горностаевой накидкѣ, бѣлокурая Соничка была хорошенькимъ созданьицемъ; но за то Анфиса Сергѣевна, въ гранатномъ полумериносовомъ платьѣ, въ зеленой, допотопной формы, шали, въ черной, сатентюрковой косынкѣ, и Терентій Егорычъ въ шароварахъ, упрятанныхъ въ козловые сапоги, въ пестромъ, яркомъ жилетѣ, въ длинной, чуть не до пятъ, сибиркѣ—производили странный контрастъ.

Въ половинѣ седьмого семья усаживалась въ экипажъ, въ родѣ большихъ пошевней, которыя лѣтъ шесть назадъ случилось пріобрѣсти Терентью по дешевой цѣнѣ. Кучеръ Антипъ прохватилъ кнутищемъ пѣгую лошаденку, полозья завизжали на снѣгу и семья поплыла по суху, яко по морю.

VI.

За круглымъ столомъ, на диванѣ, сидѣлъ Парамонъ Парамонычъ Самоглобовъ, а передъ нимъ, на рѣшотчатомъ стулѣ, другъ и наперсникъ его, мѣщанинъ Сусленковъ.

Раздѣлявшій ихъ круглый столъ вмѣщалъ на себѣ чуть не цѣлую съѣстную лавочку: на блюдечкахъ, на тарелоч-

кахъ разныя разности. «Бакалея, братецъ ты мой!» какъ говорилъ хозяинъ. Тутъ было все, что только можетъ возбудить аппетитъ человѣческаго желудка: ветчина, колбаса разная—вареная, копченая, съ чеснокомъ, безъ чесноку, съ перцомъ. Тутъ былъ сыръ швейцарскій, желтый, поздреватый, слезистый. Зеленаго сыра только не было, потому что Парамонъ его не уважалъ: для нѣмца онъ хорошъ и вкусенъ, но русскимъ не по-нутру. Тутъ были сельди голандскія, шотландскія, норвежскія; русскихъ сельдей не было, потому что русскія сельди, при своей солидности, весьма невкусны и притомъ по большей части покрыты ржавчиною. Тутъ были ревельскія кильки и рядомъ съ ними жестяная коробочка и въ ней точь-въ-точь такія же рыбки, какъ и ревельскія кильки, а между тѣмъ назывались сардинками. Тутъ была семга, на которой рыбьяго жиру было на палецъ, балыкъ покоился тутъ же на тарелкѣ. Икра паюсная, салфеточная; икра осетровая свѣжая; икра сиговая малосольная; кислое, соленое, прѣсное, свѣжее, и много еще съѣстнаго — всего не перечислишь.

Среди собранія всевозможныхъ закусокъ, хрустальный графинъ огромнаго размѣра и величественной наружности, наполненный шведскою водкою вплотную до хрустальной пробки, гордо возносилъ голову свою изъ окружающихъ его пяти небольшихъ графинчиковъ, наполненныхъ водками: померанцовою, лимонною, тминною, анисовою, донель-кюмелемъ. Далѣе, вытянувъ длинныя шейки, стояли поодаль графинчиковъ бутылки; ярлыки, наклеенные на нихъ, гласили: портвейнъ, дрей-мадера, хересъ, шато-лафитъ, сен-жульенъ и многое другое. Угодница купечества дамскаго пола—малага съ журавлинымъ горлышкомъ помѣщалась тутъ же. Коньякъ и ромъ, тотъ ромъ, отъ котораго пахнетъ раздавленнымъ

клопомъ, гордо смотрѣли на своихъ товарищей иностранцевъ и даже на величественную наружность хрустальнаго графина, какъ бы хотѣли сказать: «Ты не гордись, мы посильнѣе тебя дѣйствуемъ на голову нашихъ потребителей!»

Словомъ, на кругломъ столѣ было вдоль всего, чего хочешь. Запахъ заграничныхъ и отечественныхъ винъ, благовоніе разнородныхъ закусокъ—все это вмѣстѣ взятое пріятно щекотало ноздри человѣка слабой комплекціи и возбуждало апетитъ.

Титъ Малахѣичъ Сусленковъ, другъ и наперсникъ Самоглобова, обонялъ въ настоящее время всѣ эти душистыя вещества и сгоралъ нетерпѣніемъ насладиться ими. Гласъ Парамона Парамоныча вызвалъ его къ жизни.

— Что жь ты, Титъ, не выпьешь? Выпей и закуси.

— Чего прикажете, Парамонъ Парамонычъ? вопросилъ Титъ.

— Пей, что пьешь!

Титъ коснулся, дрожащею, отъ внутренняго волненія, рукою дрей-мадеры и вопросительно взглянулъ на Самоглобова.

— А водки развѣ не пьешь? спросилъ Самоглобовъ.

— Пью-съ.

— Такъ что жь ты за дрей-мадеру хватаешься? Коли пьешь водку, такъ водку и пей, а для дрей-мадеры будутъ люди почище тебя!

— Хорошо-съ, я и водки выпью, отозвался Титъ, и съ сердечнымъ трепетомъ поднесъ рюмку водки, къ сухимъ, какъ треска, губамъ. Освѣживъ внутренность, онъ взялъ вилку и приэтомъ опять вопросительно взглянулъ на Самоглобова; но послѣдній, повидимому, не дорожилъ закускою и запретительнаго или разрѣшительнаго знака не послѣдо-

вало, а потому Титъ, какъ тать, подхватилъ на вилку ломтикъ колбаски, присоединивъ къ нему кусочекъ паюсной икорки и порядочнаго объема кусокъ семги, прихватилъ по дорогѣ ломтикъ сыру, и все это положивши въ ротъ, съ прибавкою небольшого количества кислосладкаго хлѣба, проглотилъ съ наслажденіемъ.

— Что, выпилъ?

— Выпилъ-съ.

— И закусилъ?

— Закусилъ-съ.

— Ну, теперь разсказывай.

— А вотъ-съ, началъ подобострастно Титъ, глядя на Самоглобова:—былъ я этто у Тихона Михѣича. Оченно сожалѣли, что васъ тамъ не было.

— Что жь такъ?

— Да, такъ-съ. Оченно сожалѣли.

— Гости были?

— Были-съ. Много гостей: Анисимъ Григоричъ съ Алимпіадою Панкратьевною.

— Ну?

— Терентій Егорычъ съ супругою и дочкою были. Прекрасная особа!

— Кто? Терентій Егорычъ?

— Нѣтъ-съ, Софья Терентьевна, дочка ихъ.

— Хороша, говоришь?

— Оченно хороша-съ! Вотъ бы, примѣрно сказать, вамъ въ супружницы.

— А?..

— Да-съ, прекрасная дѣвица и образованная. Все изволили танцовать-съ. Много гостей было—человѣкъ до шестидесяти.

— Ну, а ты что дѣлалъ?

— Я такъ-съ, ничего-съ; смотрѣлъ, какъ въ карты играютъ. Жалости подобно, какія, примѣрно сказать-съ, огромныя суммы проигрываютъ.

— Чай, лучше бы тебѣ отдали!

— Зачѣмъ же, помилуйте—я это только такъ говорю.

— Ага!.. вытянулъ Самоглобовъ.

Въ эту минуту дверь въ комнату, въ которой сидѣли хозяинъ съ гостемъ, растворилась и на порогѣ ея явился лысый Терентій Егорычъ.

VII.

Парамонъ Порамонычъ человѣкъ практическій и, какъ говорится, тертый калачъ: прошолъ огни, прошолъ воды и мѣдныя трубы. Всего видалъ, всего ѣдалъ и пивалъ, всего испыталъ. «Ты, братецъ ты мой, бери съ меня примѣръ, какъ жить на свѣтѣ!» говорилъ онъ иногда Титу, въ порывѣ благодѣтельнаго совѣтодатчика: «я, послѣ отца, человѣкомъ молодымъ остался, неиспытаннымъ, а видишь: ничего отцовскаго не промоталъ, даже кое что прибавилъ!» добавлялъ онъ съ горделивою улыбкою, потому что, вопреки своимъ словамъ, онъ не кое что прибавилъ, а увеличилъ отцовское состояніе вдвое.

Парамонъ Парамонычъ остался послѣ отца двадцати девяти лѣтъ. Образованіе онъ получилъ обыкновенное: съ десяти до четырнадцати лѣтъ ходилъ въ школу, прошолъ азбуку, «Другъ дѣтей» и ариѳметику, но граматика ему не далась, какъ и вообще не дается она купечеству. Отецъ

его, видя, что Парамошка уже изрядно читаетъ и выводитъ на бумагѣ чернильныя каракули, за благо разсудилъ отъ школы его отнять и приставить къ настоящему дѣлу. Но Парамоша любилъ болѣе обжираться въ трактирахъ и кандитерскихъ, чѣмъ работать, а потому въ ранней молодости узналъ вкусъ всѣхъ заграничныхъ и отечественныхъ винъ и не оставлялъ своимъ посѣщеніемъ секретныя вечеринки извѣстныхъ домовъ; частенько также выпрашивался онъ у отца къ Сергію на богомолье, но дальше краснаго кабачка не проникалъ, потому что зналъ, что за краснымъ кабачкомъ врядъ ли можно найти такое удовольствіе. Отецъ, пронюхавъ его келейныя гуляпки и попойки, повернулъ сына по-своему, женивъ его на какой-то Агашѣ-милашѣ; но пословица: «женится—перемѣнится», оказалась на этотъ разъ ложною, и Парамонъ продолжалъ свои денныя и ночныя оргіи уже нисколько не стѣсняясь, какъ человѣкъ семейный. Отецъ, видя, что горбатаго исправитъ могила, махнулъ рукою, а Агаша-милаша, наскучивъ своимъ одиночествомъ, отправилась, въ одинъ прекрасный вечеръ, въ мѣсто злачно и покойно, чѣмъ несказанно огорчила и мужа и свекра. Но подобныя огорченія въ торговомъ быту бываютъ только по ту пору, покуда не вынесли покойницу изъ хоромины и не свалили въ могилу. Парамонъ, послѣ смерти жены, не пилъ и не гулялъ двое сутокъ, но на третьи не могъ вытерпѣть, чтобъ не помянуть усопшую: выпилъ на поминкахъ, закружился и пошолъ опять въ его жизни, какъ говорится, дымъ коромысломъ.

Предложилъ было ему отецъ полечиться отъ пьянства, но онъ и отца турнулъ такъ, что тотъ на старости лѣтъ принужденъ былъ запираться отъ сына въ особую комнату, когда тотъ, возвращаясь съ дружеской попойки, показывалъ

у себя въ домѣ удаль молодецкую, ломая отъ бездѣлья мебель и посуду въ утѣху своей размашистой натурѣ. Скорбѣла и ныла душа бѣднаго старца· «Блудный мой сынъ— говорилъ онъ старикамъ-пріятелямъ: — положитъ онъ меня въ гробъ, положитъ!» И точно, старикъ не ошибся: заболѣла у него грудка и спинка, зазвонило въ ушахъ, заколотило въ голову, пріѣхалъ докторъ нѣмецъ, понюхалъ табаку, покачалъ головою и уѣхалъ, а на другой день, послѣ визита доктора, лежалъ старикъ на столѣ посередь гореньки, лежалъ и не дрыгалъ.

Вотъ, говорили гости, провожавшіе старика на вѣчный покой: — старался, хлопоталъ, трудился, жадничалъ, а для кого? Оставилъ все пострѣлу, который ухлопаетъ потомъ добытое добро и спасиба не скажетъ!

— Ну, теперь намъ будетъ полегче, повальяжнѣе, думали прикащики, поминая киселемъ стараго хозяина:—молодой-то, чай, на наши порядки и не взглянетъ раза въ мѣсяцъ, а тотъ, кого киселемъ заѣдаемъ, почитай и дневалъ и ночевалъ за работою.

— Надо будетъ сойтись съ Парамономъ покрѣпче! думали прихлебатели:—отъ него теперь поживиться можно будетъ.

И всѣ думали и надѣялись, что Самоглобовъ тряхнетъ отцовскою кисою и посыплются въ разныя стороны многими годами собранныя денежки; но не тутъ-то было,—что-то особенное произошло послѣ смерти старика съ его сыномъ: онъ какъ будто переродился. Черезъ мѣсяцъ послѣ похоронъ старика, прикащики говорили тихомолкомъ другъ другу, что ихъ молодой хозяинъ словно чортъ во плоти: хуже старика сталъ и эхиднѣе! Прежніе друзья и пріятели отступились отъ него, потому что онъ имъ тылъ показалъ; старики

диву дались отъ перемѣны, происшедшей съ молодымъ Самоглобовымъ, и не могли имъ нахвалиться. Дѣла такія пошолъ дѣлать, что товарищи по подрядамъ разѣвали рты отъ удивленія и отъ зависти кричали: «Откуда только берется?»... И изучилъ онъ ихъ и поразилъ, и нарекли ему имя: «загребистая лапа».

Теперь Парамонъ Парамонычу за сорокъ, бороды онъ не брѣетъ, волосъ на головѣ коротко не стрижетъ. Длинная сибирка замѣнила прежній короткій сертукъ, въ которомъ онъ щеголялъ при жизни отца, козловые сапоги замѣнили опойковые. Онъ былъ довольно высокъ и полонъ, съ округлившимся, выдавшимся впередъ животомъ, безъ котораго не обходится наше купечество. При случаѣ любитъ показать себя, что онъ человѣкъ не какой-нибудь, а съ вѣсомъ; держитъ себя весьма деликатно въ отношеніи къ равнымъ, немножко низко въ отношеніи къ высшимъ и чрезвычайно высоко въ отношеніи къ низшимъ, что видно и изъ обращенія его съ мѣщаниномъ Сусленковымъ—личностью темною, Богъ вѣсть, чѣмъ и для чего живущею. Онъ служитъ Самоглобову чѣмъ то въ родѣ погоняйки; его обязанность доставлять Парамону Парамонычу и другимъ подрядчикамъ свѣденія о назначенныхъ дняхъ публичныхъ торговъ, о предлагаемыхъ подрядахъ и т. п. Онъ не былъ женатъ, да врядъ ли и будетъ. Худенькій, маленькій, съ рѣдкою рыжеватою бородкою, въ поношенной и засалившейся синей сибирченкѣ, въ плохихъ личныхъ сапогахъ, онъ представляетъ изъ себя фигуру невзрачную, невидную. Подобной мелочи много въ торговомъ мірѣ.

VIII.

Самоглобовъ, завидя входящаго Терентья Егорыча, всталъ и принялъ гостя съ распростертыми объятіями.

— Добро пожаловать, сказалъ онъ:—покорнѣйше прошу садиться.

Въ то же время онъ далъ знакъ Сусленкову, въ силу котораго тотъ, отвѣсивъ вновь явившемуся низкій поклонъ, удалился въ сосѣднюю комнату.

— Никакъ я на пиръ попалъ,—говорилъ между тѣмъ усаживающійся гость, обозрѣвая столъ:—видно ждешь кого нибудь Парамонъ Парамонычъ?

— Ни-ни, собственно для тебя! отвѣчалъ, помѣщаясь на прежнее мѣсто, Самоглобовъ.

— Будто бы?

— Ей-ей, право! Я, Терентій Егорычъ, не люблю принимать какъ-нибудь, а вотъ!

Хозяинъ указалъ гостю на питейное и съѣстное.

— Вижу, отвѣчалъ тотъ: — да ужъ понаставилъ больно много.

— Что требуется выбрать можно, сказалъ хозяинъ.

— Это вѣрно, замѣтилъ гость, наливая рюмку померанцовой:—я по водкѣ.

— Во здравіе! пожелалъ хозяинъ.

— Во истину!

По обмѣнѣ обоюдныхъ привѣтствій, хозяинъ и гость приступили къ самой сути дѣла.

— Я, то-есть, насчотъ намека,—началъ лысый Терентій, обтирая бороду.

— Въ какой статьѣ, сосѣдъ? вопросилъ Самоглобовъ.

— Статья едина, сказалъ напрямикъ Терентій:—ты купцомъ считаешься, а товаръ у меня на лицо.

— Это на счотъ, значитъ, супружества?

— Истинно!

— Такъ-съ. Ну, а какъ, примѣрно, въ отношеніи капитала?

— А ты о товарѣ-то рѣчь держи: можетъ ли онъ въ любовь къ тебѣ взойти, а что тебѣ капиталъ!

— Все же, Терентій Егорычъ, соображеніе надо имѣть.

— Что тебѣ тутъ соображенія? Я, да жена, старуха, да она, будущая или не будущая твоя, вотъ и соображенія твои. Все твое послѣ насъ стариковъ.

— Ну, а если позаранѣе?

— Стыдись говорить, любезный другъ. Аль своего добра не хватаетъ?

— Оно конечно... началъ Самоглобовъ, но Терентій перебилъ его.

— Ты мнѣ одно скажи, сказалъ онъ: — хозяйку ли ты ищешь въ домъ, али денегъ надоть еще?

— Оно точно, хозяйка нужна; да, вѣдь, любезнѣйшій, этимъ товаромъ безъ денегъ хоть прудъ пруди!

— Это вѣрно, и я съ тобою согласенъ, но я сказалъ бери—и послѣ меня все твое!

— Это я понимаю и въ разсчотъ кладу, а все же по части, то-есть, издержекъ...

— Объ этой статьѣ намъ съ тобою толковать нечего, свадьбишное дѣло—харчи не велики; а вотъ лучше проси Создателя небеснаго, чтобъ любовь и согласіе далъ!.. Бракъ,

братъ, дѣло великое: немного такихъ дѣловъ дѣлается на вѣку; главное, чтобъ въ пріятство было.

— Эхъ, была не была, зыкнулъ внезапно Парамонъ, протягивая руку будущему тестю:—идетъ!

— Давно бы такъ! отозвался Терентій и ударилъ ладонью будущаго зятя въ ладонь.

Дѣло, значитъ, порѣшилось въ два слова; по рукамъ ударили, а коли ударитъ рукою лысый Терентій—тому быть неминуемо.

— Титъ! возопилъ Самоглобовъ гласомъ веліимъ: — Титъ!

— Чего-съ? вопросилъ мгновенно явившійся мѣщанинишко, сгибаясь, яко вьюнъ змѣевичъ.

— Вели Миколашкѣ съ погреба смольняшку-шипиловку принести, да поздравляй насъ, дуракъ!

— Ради чего прикажете? подобострастно сказалъ мѣщанинишко.

— Меня съ будущимъ закономъ, а ихъ милость съ любовнымъ зятемъ.

— Слушаю-съ!

И поклонившись низенько, мѣщанинъ возгласилъ: «Неизрѣченною милостью господнею, се азъ Титъ Титычъ, сынъ Сусленковъ, возношу, радостью дыша, проздравленіе мое: васъ, Терентій Егоровичъ, съ нарѣченнымъ зятемъ, а васъ, Парамонъ Парамоновичъ, съ нарѣченною супружницею и тестемъ! Да усыплетъ мати Пресвятая Владычица ваши союзы неизрѣченными благами и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!»

— Аминь! сказалъ Самоглобовъ и разрѣшилъ благожелателю воспринять въ радостію исполненную гортань чару горчайшаго.

IX.

Мечты Сонички оправдались: праздникъ за праздникомъ потекли въ домѣ ихъ длинною вереницею. Собрались подруги и раздались грустные, но отрадные сердцу напѣвы свадебной пѣсни.

Но не исполнилось тайное желаніе ея сердца: не раздавался надъ ея ухомъ шопотъ любимаго человѣка, не слыхала она тѣхъ сладостныхъ, исполненныхъ любви рѣчей, которыя могли бы наполнить ея дѣвственную грудь трепетомъ счастья. Какъ вышлифованный гранитъ, на которомъ ничто не оставляетъ слѣдовъ, сидѣлъ Самолобовъ съ нею рядомъ, стараясь не отвѣчать на ея дѣтскій лепетъ, который считалъ не болѣе, какъ пустословьемъ.

Сонička, при всей ограниченности своихъ понятій, сознавала, что будущій ея мужъ не по ней: «Чѣмъ я буду,—думала она,—когда сдѣлаюсь женою этого деревяннаго человѣка?» И мысли заволновались въ головѣ молодой дѣвушки, забило сердце тревогу и наполнилось неотразимою тоскою...

Во время посѣщеній жениха, сидѣла она съ нимъ рядомъ, смутно сознавая, что она вся, всѣмъ существомъ своимъ, чрезъ нѣсколько дней должна будетъ принадлежать ему. «И Боже мой! думала она:—ни одного ласковаго слова, ни одной рѣчи, которая нашла бы отголосокъ въ сердцѣ!» Будущее пугало ее. Чувствовала она, какъ что-то отталкивало ее отъ будущаго мужа, но что именно, въ этомъ она не могла отдать себѣ отчета. Она страдала, мучилась

во время свадебныхъ вечеровъ, но не смѣла высказать эти задушевныя муки окружающимъ. А окружающіе, между тѣмъ, пѣли пѣсни, пили вино, плясали... «Не для меня ли всѣ эти праздники—думала дѣвушка—не я ли виновница всѣхъ этихъ пировъ! Зачѣмъ же я не веселюсь, какъ они?...» И головка ея опускалась отъ тоскливыхъ мыслей, глаза потуплялись въ землю и сидѣла она неподвижно. Присутствіе жениха стѣсняло дѣвушку, она рада была давившую ея сердце тоску вылить слезами, но Самоглобовъ мѣшалъ ей. За то, когда идетъ женихъ и раздается широкая, полная печальныхъ звуковъ свадебная пѣсня, невѣста давала полную волю слезамъ, бросалась съ воплями на грудь отцу и и матери и, сквозь неудержимыя рыданія, слышенъ былъ ея тревожный лепетъ: «Не оставьте меня! не оставьте»!...

Рыданія и кроткія мольбы дѣвушки, боящейся будущаго, находили въ эту минуту сочувствіе въ окружающихъ ее, и комнаты оглашались воплями и рыданіями родственниковъ и знакомыхъ тоскующей невѣсты...

Глядя на это, думалось, что тутъ не свадьба. Какой можетъ быть пиръ со слезами, какое веселье съ рыданіями?... Такъ плачутъ надъ мертвымъ, надъ прахомъ когда-то жившаго человѣка, а здѣсь, въ свадебный пиръ, о чомъ плачутъ они?... Чего же ты хочешь, дитя мое? говори, чего хочешь?—«Любви»!... могла бы сказать красавица. Любви?.. А зачѣмъ она тебѣ, дитя мое?... Привыкнешь къ мужу, сживешься съ нимъ и даже скажешь дѣтямъ своимъ, что любовь вздоръ, что любовь пишутъ только въ сказкахъ и романахъ, которые не слѣдуетъ читать, отъ которыхъ кружится голова и дѣлается человѣкъ полусумасшедшимъ. Вздоръ все это, дитя мое, вздоръ! Лучше покушай чего-нибудь. Вареньица не хочешь-ли, или мочоныхъ яблочковъ?..

И этого не хочешь?.. Чего же тебѣ еще?.. Опять любви?... Э, да ты вздоръ городишь! ребячишься!.. Надо тебя исправить!... Развѣ можно не слушаться воли родительской? У тебя уши выше лба выросли: яйца стали курицу учить!... Исполняй, что тебѣ родители говорятъ, а съ своею волею и прихотью не суйся!... А зартачишься, такъ тебя и поучить можно—на то родителямъ власть дана... Что̀?.. Присмирѣла?.. Ну, теперь ступай съ Богомъ замужъ!..

ПЕТЮНЬКА.

Земляки купца Скоробогатаго привезли изъ деревни въ Питеръ сынишку Петюшку.

— Батюшка, Андрей Андреичъ! будь отецъ родной, возьми ты нашего Петюньку къ себѣ на выучку!

— Ладно! благодѣтельно сказалъ Скоробогатый: пущай мальчишка останется.

Попрощались отецъ и мать съ дѣтищемъ, благословило его складнымъ мѣднымъ образкомъ и хлѣбомъ-солью, наказали ему строго-на-строго, чтобы слушался во всемъ хозяина, поцѣловались слезно — и разстались...

Остался Петюнька на чужой сторонѣ, безъ отца, безъ матери, безъ рода, безъ племени.

Скучно Петюнькѣ!...

Усадила Петюньку Лукерья, кухарка хозяйская, въ уголокъ кухни, на деревянный, окованный желѣзомъ сундукъ. И сидѣлъ онъ на этомъ сундукѣ, ни много ни мало, весь Божій день, ничего не говоря, ничего и не дѣлая. Дико смотрѣлъ онъ на кухарку Лукерью, на хозяйку Матрену Ивановну, на кота, бѣлобрысаго Ваську, на хозяина, дядюшку-благодѣтеля Андрея Андреича и на вся благая его.

На другой день приставили къ нему наставника, мальчишку Тришку. Повелъ Тришка Петюньку по мудрости, которую самъ прошелъ. Показалъ ему: искуство сапоги вакситъ, искуство дрова колоть, искуство грязь съ платья счи-

щать и пыль выколачивать; усовершенствованный способъ кислотою, съ мелко-растертымъ кирпичемъ мѣдную посуду чистить и искуство ей лучезарный глянецъ придавать; указалъ мѣсто, откуда воду брать, въ чемъ ее носить и куда наливать; какъ самоваръ разогрѣвать и на столъ его подавать; какъ съ ковровъ и циновокъ грязь сметать, а также и пыль выколачивать.

А тутъ, кухарка Лукерья перехватила его у Тришки и повела по своей кухонной мудрости. Показала ему какъ посуду грязную мыть; какимъ способомъ тележку со стираннымъ бѣльемъ на рѣку для полосканья возить; какъ бѣлье на скалкѣ катать, муку сквозь рѣшето просѣвать; огонь въ печи разводить; кофей варить, картофель, или иное что жарить; полы подметать, столъ къ обѣду и ужину сбирать и къ столу кушанья и питіи подавать.

И все это мальчишкѣ знать надлежитъ на тотъ конецъ: иной разъ кухарка вздумаетъ отлучиться со двора, или, всего чаще, завалиться вздремнуть на часокъ—мальчишка въ такихъ случаяхъ дѣлается безсмѣннымъ кандидатомъ на должность кухарки. Его обязанность кухаркино дѣло сиравлять, изъ ученика торговаго превращаться въ повара и судомойку.

На третій день повелъ Тришка Петюньку по лавочной мудрости. Показалъ ему, какъ лавку выметать, двери отворять, товаръ на полкахъ прибирать, пыль съ него сметать и съ одной полки на другую его перекладывать. Указалъ, куда за чаемъ ходить и какъ его заваривать, какъ тюки товарные разбивать и куда остающіяся отъ тюковъ рогожи и веревки складывать. Научилъ, какими словами сосѣдскихъ мальчишекъ сердить и дразнить, какъ сосѣдямъ кланяться, какъ покупателя въ лавку зазывать и какими словами его закрикивать.

Мудрена съ непривычки эта торговая наука Петюнькѣ. Медленно изучаетъ онъ ее; но день за день, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ бѣжитъ время, а съ временемъ ростутъ и ростутъ познанія въ мальчикѣ, и вотъ, чрезъ какихъ нибудь полгода, стоитъ онъ передъ лавкою и, дребезжа тоненькимъ голоскомъ, окликиваетъ и зазываетъ покупателей:

— Что вамъ угодно-съ? Пожалуйте-съ!.. У насъ лучше есть, вы тамъ дрянной сортъ торгуете-съ!..

— Да зайдите въ лавку-то,—пристаетъ онъ къ покупателю, который, несмотря на его дребезжанье, не идетъ въ лавку его хозяина, но торгуется съ сосѣдомъ:—мы за показъ ничего не возьмемъ-съ!.. Пожалуйте-съ! здѣсь покупали! здѣсь!

— Что кричишь-то? обращается онъ къ мальчику-сосѣду, который, подобно ему, старается зазвать въ лавку покупателя:—у васъ и товару-то того нѣтъ, что имъ нужно! говоритъ онъ наставительно, указывая на покупателя: «Ишь разодралъ горло-то!.. Пожалуйте-съ! Пожалуйте-съ! Здѣсь!»

— Покричи еще тамъ!—прикрикиваетъ онъ опять на того же мальчика, который, къ его досадѣ, успѣлъ ввести въ лавку покупателя:—«Я-те зубы-то повыбью!... Такую осколодку задамъ, что въ другорядъ не сунешься отбивать покупателей!.. Здѣсь, сударыня, здѣсь! Пожалуйте-съ! Здѣсь покупали, господинъ, здѣсь! Пожалуйте-съ!

— Чѣмъ тебя пожаловать? спросилъ его остроумный прохожій.

Петюнька, пойманный на словѣ, потупился и замолчалъ.

— Ну, будь генераломъ! докончилъ прохожій, и пошелъ дальше.

— Слышалъ, что баринъ-отъ сказалъ? спросилъ онъ у стоявшаго по другую сторону лавки Тришки.

— Нѣтъ, не слыхалъ. А что̀?

— Я зазываю его и говорю: «Пожалуйте-съ, а онъ говоритъ, чѣмъ тебя пожаловать?—«Будь, говоритъ, генераломъ. Чудной какой!»

— А ты и этого, дурачина, не съумѣлъ отвѣтить!—замѣтилъ ему съ укоризною Тришка: «сказалъ бы: пожалуйте рублемъ серебра,—небось, не оскалилъ бы зубы!»..

Петюнька сознаетъ надъ собою превосходство Тришки, и послѣдній дѣлается оракуломъ Петюньки. Ударитъ его Тришка—онъ молчитъ, потому что Тришка всякое дѣло знаетъ, а онъ ничего не знаетъ. Видимая мудрость Тришкина заставляетъ Петюньку идти по слѣдамъ своего учителя и подражать ему во всякомъ дѣлѣ. Но несмотря на всевозможныя подражанія, у него не выходитъ все такъ хорошо и отчетливо, какъ у Тришки, и хозяева уже недовольны безпонятливостью и мѣшковатостью мальчика.

Заставила его однажды кухарка Лукерья перемыть грязную фарфоровую посуду — заторопился онъ, вслѣдствіе бранчливыхъ понуканій кухарки, и въ торопяхъ и испугѣ разбилъ какую-то чашку. Немедленно донесла о случившемся кухарка хозяйкѣ, хозяйка — съ неудовольствіемъ мужу.

— Позвать ко мнѣ Петьку! свирѣпо отдалъ приказъ Скоробогатый, и мальчишка явился передъ его грозные очи.

— Ты разбилъ чашку? началъ допросъ гнѣвный хозяинъ.

Мальчишка молчитъ.

— Разбилъ?!.. грозно повторилъ Скоробогатый.

Мальчишка молчитъ.

— Ну, говори, разбилъ?

— Разбилъ-съ... едва слышно отвѣчалъ Петюнька и задрожалъ отъ грознаго ока хозяина, какъ дрожитъ отъ вѣтру осиновый листъ.

— А зачѣмъ ты разбилъ ее?

Петюнька молчитъ.

— Ну, говори, зачѣмъ разбилъ ее?

— Виноватъ-съ... залепеталъ мальчишка, заливаясь слезами и бросаясь дядюшкѣ-благодѣтелю въ ноги: виноватъ-съ!.. больше не буду-съ!..

— Слушай ты, дрянь! говорилъ ему въ это время внушительно хозяинъ: я съ тобой въ послѣдній разъ говорю словами, кажинный разъ ты что нибудь да напакостишь! Если только еще разъ ты что нибудь да не такъ сдѣлаешь:— дёрка!.. Слышишь ли — дёрка!

Мальчишка молчитъ.

— Понимаешь ты, или нѣтъ, что я тебѣ говорю?.. Ну, говори, понимаешь?

— Понимаю-съ... плаксиво отвѣчалъ Петюнька.

— А коли понимаешь, такъ, значитъ, должонъ вести себя какъ слѣдуетъ! а я больше говорить съ тобой не буду. Какъ что спроказишь—дерка! За всякое бездѣлье буду драть, да драть!.. Понимаешь?

— Понимаю-съ...

— Ну, такъ понимай же!.. Пошелъ вонъ! больше ничего ненужно.

— Петнька вышелъ.

— Экая дрянь какая!—думалъ, по выходѣ его, свирѣпый хозяинъ.—Экая дрянь!.. Что будешь дѣлать съ ними, разбойниками?.. Нѣтъ, драть надо, драть! иначе ихъ скотовъ не выучишь!..

— И вотъ, вслѣдствіе таковаго хозяйскаго размышленія,

задается Петинькѣ, при первой его оплошности, хозяйская баня: отъ прикащиковъ и Тришки—таска, отъ хозяина—секуція, отъ кухарки—толчки и побранка!

Сѣкутъ мальчишку, и тутъ же даютъ наставленіе: «Не дѣлай кое-какъ! Не дѣлай кое-какъ! Смотри за дѣломъ! Будь поживѣй! Слушай, что говорятъ! Исполняй, что велятъ!».. Реветъ Петюнька благимъ матомъ: «Не буду, дядюшка, не буду! Голубчикъ, не буду!.. Буду слушаться! Буду исполнять!.. Ай!.. Больно!.. Больно, дядюшка, больно!.. Ой!.. ой!.. больно»!.. а его все сѣкутъ да сѣкутъ...

Невтерпежъ мальчишкѣ отъ частныхъ побоевъ; забрался онъ куда-то въ уголокъ и напачкалъ въ тихомолку письмишко къ родителямъ:

«Любезному моему родителю Фадею Захарычу отъ сына вашего Петра Фадѣича низкій поклонъ. Любезной моей родительницѣ, Авдотьи Фокишнѣ, отъ сына вашего Петра Фадѣича, низкій поклонъ. И прошу я вашего заочнаго родительскаго благословенія, на вѣки вѣковъ нерушимаго. И пишу я вамъ еще, что жить мнѣ у эвтого хозяина худо, и всѣ меня бьютъ, и всѣ секутъ; и сосѣдскіе ребята говорятъ, чтобы мнѣ у такого хозяина не жить, а искать бы другое мѣсто. И вы, родитель мой Фадѣй Захарычъ, и родительница моя, Авдотья Фокишня, мнѣ опишите, жить ли мнѣ у евтого хозяина, или искать мѣста лучше».

Засунулъ, второпяхъ Петюнько письмишко въ портишки и ждетъ хорошаго праздничка; авось хозяева отпустятъ его до земляковъ, что промышляютъ извозомъ; передастъ онъ имъ свою письменную жалобу, и пойдетъ она на родимую сторону до глазъ батьки и матки...

Но, не дождалось письмишко хорошаго праздничька—выпало оно изъ кармана Петюнькиныхъ портишекъ на кухнѣ,

подхватила его, какъ коршунъ, кухарка Лукерья, и передала чрезъ хозяйку, Матрену Ивановну, въ грозныя Андрея Андреича руки.

И вотъ опять Петюнька на скамѣйкѣ... Опять его бьютъ, и опять сѣкутъ...

Прошло три года.

Приглядѣлся Петюнька къ дѣлу, принаровился къ торговлѣ, обжился и забылъ деревню. Изрѣдка развѣ вспомнитъ онъ объ отцѣ и матери въ горькую минуту полученной пощечины отъ щедрой руки дядюшки—благодѣтеля, да еще, какъ подойдетъ время посылать въ деревню на пашпортъ асигнованныхъ пять рублей, встрепенется онъ, выпроситъ у кого нибудь клокъ бѣлой бумаги и намалюетъ низкіе поклоны дрожайшимъ родителямъ и всѣмъ сродникамъ до седьмаго колѣна.

Иной разъ, въ минуту благодѣтельной милости, подаритъ ему хозяинъ на рубашку ситцу, и Петюнька цѣнитъ эту высокую, хозяйскую милость, валяется въ ногахъ дядюшки—благодѣтеля, изливая душевную благодарность за неизчерпаемый источникъ милости и подарковъ.

Въ три года онъ въѣлся, всосался въ торговую жизнь, и чѣмъ болѣе развиваются его умственныя способности, тѣмъ глубже и глубже изучаетъ онъ торговую мудрость. Онъ, можно сказать, въ той же школѣ, гдѣ краснорѣчиво прочитываются лекціи професорами и жадно выслушиваются учениками; но въ этой школѣ, онъ вмѣсто професоровъ—учителей слышитъ голоса и рѣчи другаго рода учителей: не слышитъ онъ отъ нихъ разсказовъ о герояхъ войны, артистахъ—художникахъ, мудрецахъ—философахъ; нѣтъ,—говорится и разсуждается ими о расторгуевцахъ, да проторгуевцахъ: кто ловкими оборотами по торговлѣ въ короткое

время составилъ себѣ капиталъ; кто принявшись съ грошемъ въ карманѣ за торговлю, хитростью и лукавствомъ разширился и сталъ на хорошую, крѣпкую ногу; кто получивъ отцовское наслѣдство, нажитое всѣми неправдами, но по ихъ понятіямъ, потомъ и кровью, не съумѣлъ держаться и раззорился въ-конецъ; кто не съумѣлъ воспользоваться счастливымъ случаемъ разбогатѣть безъ труда, завладѣвъ неправильно чужою собственностью, опустилъ изъ рукъ хорошее дѣло и остался, какъ говорится, на бобахъ, или трубить въ кулакъ съ голоду.

— Дуракъ онъ, дуракъ! промолвитъ въ подобномъ случаѣ Андрей Андреичъ: «и этого не съумѣлъ сдѣлать»!..

Видитъ и слышитъ всѣ насмѣшки, которыми такъ щедро награждаетъ окружающій его торговый міръ всѣ классы людей, находящіеся въ бѣдности и недостаткахъ, и его забираетъ охота быть богатымъ, нажить деньги, чрезъ которыя всѣ въ почотѣ и уваженіи. Страсть къ деньгамъ медленно, незамѣтно прокрадывается въ его душу и начинаетъ тормошить ребенка. Зоркіе глазенки его неусыпно слѣдятъ за дѣйствіями старшихъ; слухъ во всякое время направленъ въ ту сторону, гдѣ ведутъ разговоръ, и ни одно движеніе, ни одно слово не проскользнетъ мимо его ушей и глазъ понапрасну.

Иногда проскользнетъ мимо лавки Скоробогатова какой нибудь скороразбогатѣвшій торговецъ, рука приказчика укажетъ на него своему товарищу, и пойдутъ между служителями Андрея Андреича суды и пересуды.

— Вершай мазъ прохрялъ въ скворешникѣ! *)

---

*) Смотри, тутъ прошелъ въ шляпѣ. (Разговорный языкъ торговцевъ Апраксина двора.

— Кто?

— Антоновъ!.. Обтяпалъ кредиторовъ-то, теперь и трава не рости!.. Лошадей завелъ.

— Неужто?

— Ей-ей, право!

— Вотъ уха-то!..

— Не говори, голова. Домъ, говорятъ, торгуетъ: тридцать пять тысячъ сейчасъ деньги отдаетъ. Поди жь ты, голова, какое счастье!.. Со мной вмѣстѣ у Косолапова жилъ: нельзя было думать, чтобы прокъ вышелъ. Какъ отсталъ отъ хозяина, пятьсотъ рублей всего зажитыхъ было. Лавчонка, голова, на хорошомъ мѣстѣ попалась; лѣтъ въ шесть не съ большимъ въ кредитъ взошелъ, а тутъ—женился, голова; за женой никакъ тысячъ десять взялъ, еще больше разширился... А какъ влѣзъ, голова, безъ малаго въ сотенную, такъ и объявилъ: тридцать копѣекъ въ два года! Ничего, голова, росписали—вотъ и форситъ теперь!

— Что не форсить-то, коли тысячъ пятьдесятъ отмахалъ!.. Потеря-то, чай, небольшая была?

— Гдѣ, голова, потеря! Такой жогъ паратной, что ничего не подѣлаешь?.. Коли, примѣромъ сказать, у покупателя торговца не хватитъ денегъ на отобранный товаръ, такъ онъ, голова, не отпуститъ безъ денегъ позалишки, а отложитъ въ сторону. Все едино, скажетъ, голова: вы это тогда возьмете, когда остальныя доплотите. И ни зачто не отпуститъ голова!

— По эвтому, выходитъ, онъ воръ порядочный! Да поначь и нельзя иначе. Вотъ хоть бы у насъ, сколько распущено, а подикось собирать: дай Богъ, чтобы половину собрали; а нѣтъ, такъ пожалуй и этого не соберешь.

— Ну, у насъ, голова, все еще ничего; а ты бы вонъ посмотрѣлъ у Сыромятникова: тамъ, голова...

— Самъ идетъ!.. крикнетъ Тришка съ улицы, и суды съ пересудами замолкаютъ.

А Петюнька, между тѣмъ, все это слушаетъ, на все смотритъ, во все вникаетъ, все подмѣчаетъ. Каждое движеніе, каждое слово воспринимается имъ, какъ хорошая почва воспринимаетъ зерно посѣянное заботливою рукою земледѣльца.

Въ началѣ своей новой жизни онъ слышалъ отъ мальчишекъ сосѣдей, въ дружеской потаенной бесѣдѣ, какъ прикащики обкрадываютъ своихъ хозяевъ, передавая тихомолкомъ въ чужія руки хозяйскій товаръ. Онъ видѣлъ что и его хозяина слуги занимаются тѣмъ же ремесломъ, и хотѣлъ все это объяснить Андрею Андреичу, но Андрей Андреичъ былъ такъ строгъ, такъ скотски обращался съ нимъ, что въ сердчишкѣ ребенка зашевелилась частичка ненависти къ своему мучителю, частичка мщенья. Молчаніе, которое онъ наложилъ на себя, и которое клонилось ко вреду Скоробогатова—веселило ребенка. Онъ утѣшался въ скорбныя минуты мыслью, что его мучителя наказываютъ отнятіемъ собственности, и это онъ считалъ мщеніемъ за свои, тяжкія по его лѣтамъ обиды.

Но еслибы онъ и открылъ это зло, то повѣритъ ли хозяинъ ничего несмыслящему мальчишкѣ? Снизойдетъ ли онъ до того, чтобы выслушать мальчика безъ своего предварительнаго, грознаго ч т о, которое въ одинъ мигъ запугнетъ ребенка и поневолѣ заставитъ молчать или отвѣтить едва слышно робкое н и ч е г о-с ъ... Да если даже и выслушаетъ его, и повѣритъ ему, то прикащики съумѣютъ ловкою изворотливостью оправдаться передъ хозяиномъ, а его, этого жалкаго, маленькаго шпіона, подвести подъ таску и дерку!.. Таска и дерка играютъ въ жизни торговаго ученика страшную роль. Она губитъ въ ребенкѣ зачатокъ добра, зачатокъ

честности. Наказаніе за дѣло и за бездѣлье, иногда ради прихоти, розгами, тростью, пощечинами, рваньемъ за волосы, битьемъ кулаками въ спину и т. п. истязанія, существующія въ употребленіи между многими торговцами до настоящаго времени, ожесточаютъ ребенка, портятъ его физически и нравственно, и такимъ способомъ, при окружающей нечестности, неправильности жизни, воспитанный мальчикъ, въ ожиданіи того времени, когда и ему, подобно прикащикамъ, можно будетъ подвизаться на поприщѣ таскания товаровъ и денегъ, смотритъ на продѣлки другихъ, какъ на что-то правильное, подмѣчаетъ ихъ, изучаетъ ихъ и молчитъ.

Такъ было и съ Петюнькою. Но наконецъ страсть къ пріобрѣтенію собственности стала его тормошить все сильнѣй и сильнѣй, и вотъ однажды чьи-то невидимые толчки, незамѣтно для другихъ, подтолкнули его къ хозяйской выручкѣ; рука повиновалась этимъ толчкамъ, и первый мѣдный пятакъ—закладка будущаго благосостоянія—скользнулъ изъ выручки и ловко спустился въ карманъ его портишекъ.

Пріобрѣтено и мѣсто для склада монетъ. Тамъ, во дворѣ, за одною изъ поленицъ дровъ, выкапана его руками ямка, и вотъ въ эту ямку летятъ изъ хозяйской выручки и пятаки, и гроши, и двугривенные, и всякая, какая попадется, мѣдная, серебренная и даже бумажная монета.

Придетъ масляница, или недѣля пасхи, отпуститъ хозяинъ Петюньку къ качелямъ, дастъ ему на сбитень, или на что онъ тамъ хочетъ, гривенникъ; но не напьется Петюнька сбитню, не купитъ орѣховъ или пряниковъ, не размытаритъ денежку—нѣтъ, въ завѣтной ямкѣ есть мѣсто и этому гривеннику, и тѣмъ, что получается отъ щедротъ покупателя за проносъ товара, что поднимается иногда съ полу въ квартирѣ или лавкѣ, и что таскается тихомолкомъ изъ выручки.

Иногда подойдетъ онъ къ ямкѣ, раскопаетъ ее, запуститъ руку и шаритъ въ ней... Звенитъ серебро, смѣшанное съ мѣдною монетою—звукъ хорошъ, чистъ и пріятенъ... Забьется сердчишко отъ радости... Долго, долго стоитъ онъ у обѣтованнаго мѣста, любуясь на скопленное добро... Потомъ заложитъ ямку щепочкою, затретъ землю, и спокоенъ духомъ—не найдутъ!

А время идетъ да идетъ. Изъ Петюньки его переименовали въ Петрушку, изъ Петрушки въ Петра. Скоро, думаетъ, я года выживу, прикащикомъ буду, тогда заживу!

А рубли, и полтины, и всякая мелочь копится да копится, ростетъ да ростетъ. Ужъ онъ выгребъ все изъ ямки, размѣнялъ на крупныя бумажки и зашилъ ихъ въ жилетченку.

— Тамъ украдутъ, думаетъ, а здѣсь повѣрнѣе! въ полной увѣренности, что натасканныя тихомолкомъ изъ хозяйской выручки деньги есть его трудовое добро.

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНІЯ КИРЬЯКОВА.

...Наконецъ кончился срокъ выучки Петра. Сколько было радости, когда въ праздничный день хозяинъ Петра, Андрей Андреичъ, приказалъ явиться ему и объявилъ:

— Вотъ, Петръ, выжилъ ты у меня шесть лѣтъ. Не хочу брать грѣха на душу, жилъ ты хорошо, и я тобою доволенъ... Вотъ тебѣ награды пятьдесятъ рублевъ серебра... Хочешь впредь на жалованьѣ у меня оставаться—сто двадцать рублевъ въ годъ положу, не хочешь — удерживать не стану, твоя добрая воля, а за хорошимъ атестатомъ отъ меня дѣло не станетъ.

— Очень доволенъ вашими милостями. Впередъ не оставьте!

— Какъ знаешь, братъ. Удерживать я тебя не удерживаю, а коли есть желаніе, да помнишь мою хлѣбъ-соль,— оставайся.

— Желаю служить вашей милости.

— Ну и дѣло... А можетъ статься и на родинѣ побывать думаешь?

— Нѣтъ, Андрей Андреичъ, дозвольте прежде обжиться; было бы съ чѣмъ ѣхать.

— Мудро разсуждаешь, Петръ; вижу, въ тебѣ прокъ будетъ.

— Дай Богъ, Андрей Андреичъ, чтобы слова ваши сбылись.

— Отъ тебя самого зависитъ, какъ поведешь себя: буде хорошо, да на пользу хозяйскую—я тебя не оставлю.

Черезъ нѣсколько времени Петра узнать было нельзя. Это не былъ грязный, замасленный мальчишка, когда-то таскавшій рогожи и подметавшій грязь и пыль въ лавкѣ метлой. Небольшая, только что показавшаяся рыжеватая бородка охватила подбородокъ, усы взобрались на губу, лицо приняло полноту и выразительность, глаза заискрились плутоватымъ огнемъ, осанка окупечилась. Ужъ онъ не таскалъ изъ выручки гривны и пятаки, потому что рука свободно ходила въ денежный ящикъ и могла не стѣсняясь брать что задумаетъ. Посконный армякъ смѣнился сибиркою аглицкаго сукна, двухрублевые сапожонки замѣнились пятнадцатирублевыми, козловыми, портишки — штанами на нѣмецкій манеръ, грязная фуражчонка — шляпою отъ Чуркина.

Когда онъ пріѣхалъ на короткую побывку къ родителямъ, деревня не узнала его.

— Петюнька-то мой, родная моя Ермолаевна,—говорила старуха-мать такой же старухѣ-сосѣдкѣ:—купцомъ сталъ! Сподобилъ Господь намъ, на старости лѣтъ, полюбоваться на свое желанное дитятко. Дай Богъ здоровья землячку нашему! Вывелъ онъ наше дитятко въ люди.

— И, родная моя, прошамкала Ермолаевна: за вашу простоту счастье вамъ Господь милосердый послалъ!

— Истинно за простоту, родная моя.

Старый отецъ Ѳадѣй первымъ дѣломъ налегъ на Петра женитьбою:

— Работница, Петруша, въ домѣ нужна: мы стары, немощны, домъ сиротствуетъ.

— Нѣтъ, тятенька, ужъ вы мнѣ объ эвтомъ и не говорите. Работницу въ домъ по найму можно взять, а я по

этому мѣсту не женихъ!.. Вотъ вамъ на первый разъ триста рублевъ ассигнаціями, да засылать изъ города, буде что потребуется — не замедлю.

Ослѣпили стараго Ѳадѣя триста рублей.

— Господь съ тобой, Петруша! Дѣлай какъ самъ знаешь, я тебѣ не поперетчикъ.

Цѣлая деревня собралась въ избу Ѳадѣя на проводы Петра, и долго отецъ и мать стояли передъ родною избой, вперивъ заплаканные глаза вдаль дороги, по которой пара лошадокъ увозила ихъ дорогое дѣтище.

Пріѣхавъ къ хозяину, Петръ увидѣлъ въ лавкѣ перемѣны. Прикащикъ Назаръ отсталъ отъ Скоробогатова и уѣхалъ на родину, рѣшившись по старости болѣе не возвращаться въ Петербургъ. Тришка, когда-то бывшій наставникъ Петра, избаловался и за пакости, въ ущербъ хозяйскаго добра, былъ прогнанъ. Въ должности мальчишекъ было двое; къ прежнему Ванюшкѣ прибавленъ еще Сенюшка. Адріанъ хотя и былъ старшимъ прикащикомъ, но по пріѣздѣ Петра долженъ былъ уступить ему первенство и отодвинуться на тотъ же второй планъ, какъ былъ при Назарѣ.

— Я къ нему расположеніе имѣю, говорилъ Андрей Андреичъ о Петрѣ, и потому старшимъ дѣлаю. Жалованья ему четыреста рублей въ годъ положилъ; а все не за что больше, какъ за ловкость, честность и акуратность.

Петръ давно имѣлъ виды на мѣсто Назара и, еще до отъѣзда въ деревню, при всякомъ удобномъ случаѣ, наговаривалъ на него. Теперь же, когда онъ сдѣлался главнымъ, въ головѣ его забродили планы и о собственномъ хозяйствѣ. Но, думалъ онъ, хозяйское теперь всегда при мнѣ: когда задумаю, тогда и возьму; а нѣтъ ли чего нибудь посторонняго прихватить?

Торговалъ по сосѣдству съ Скоробогатовымъ нѣкто Вавиловъ, дѣла имѣлъ большія, а служащихъ расчитывалъ плохо. Болѣе всѣхъ жаловался на него прикащикъ Сергѣй.

— Прожилъ я у него, говорилъ онъ, шесть годовъ мальчикомъ и пять прикащикомъ честно и акуратно, а благодарности за свою заслугу отъ хозяина не вижу.

На этого Сергѣя взглянулъ попристальнѣе Петръ и подумалъ: кажется отъ парня прокъ будетъ! Вслѣдствіе чего сблизился съ нимъ и предложилъ:

— Все едино, Сергѣй Захарычъ, сколько ты ни трудись, сколько ни хлопочи, а отъ такого хозяина какъ твой—ничего не выживешь. Извини, что я тебѣ такъ говорю — ты хоть и не глупѣе меня и лучше это дѣло обсудить можешь, да мнѣ по дружбѣ къ тебѣ прискорбно видѣть какъ наши хозяева не умѣютъ цѣнить нашей службы!.. Я бы на твоемъ мѣстѣ взялъ да и сдернулъ бы съ хозяйскихъ плечъ лишнюю тяготу... Повѣрь, это для тебя теплѣе будетъ!

— Оно такъ-то, такъ, Петръ Ѳадѣичъ, да будетъ ли ловко?.. Чтобы самъ не догадался.

— Гдѣ догадаться! Товару у васъ навалено гибель, а хоть при счотѣ лавки и окажется недочотъ, такъ вѣдь ты не одинъ. Васъ много. Почемъ знать, что отъ тебя вышло, а не отъ другого?.. Да коли и откажетъ хозяинъ, такъ тебѣ позабравшись-то легко будетъ и свою торговлю открыть. А довѣріе другіе сдѣлаютъ; нашъ же старикъ отпуститъ, когда я ему предложу... Главное дѣло, ненужно денегъ при себѣ имѣть, а тамъ все пройдетъ шито да крыто.

— Ужъ не знаю, боюсь, дурного чего бы не вышло...

— Я тебѣ говорю, ничего не выйдетъ! Деньги ты можешь до времени за мною оставлять, дѣло-то и чистое выйдетъ. А когда стрясется что нибудь, отстанешь отъ хозяина,

тогда возьмешь деньги отъ меня и за свое хозяйство примешься. А я, самъ знаешь, не такой человѣкъ, чтобы чужимъ добромъ пользоваться!

— Это-то я знаю, что не попользуешься, да только раздумье беретъ...

— Ну, подумай. Вѣдь не сейчасъ сразу дѣлать надо; надумаешь, скажи. Я же нарочно выходить буду пораньше... Кажется ты одинъ постоянно лавку отпираешь?

— Да.

— Ну и прекрасно! Значитъ, дѣло кончено.

Но дѣло кончилось не съ разу. Недѣли двѣ обдумывалъ Сергѣй рѣшиться или нѣтъ... Съ одной стороны страхъ, чтобы не вышло чего дурного, съ другой—будущая покойная жизнь соблазняла въ пользу предложенія Петра. И вотъ, по истеченіи трехъ или четырехъ недѣль, по случаю полученной отъ хозяина головомойки, Сергѣй подошелъ незамѣтно къ Петру и шепнулъ:

— Выходи завтра пораньше, я приготовилъ.

Съ этого времени куски разныхъ матерій стали исчезать съ полокъ Вавилова и являться на полкахъ Скоробогатова. Тутъ была тройная польза: для Сергѣя, Петра и Скоробогатова. Матерія, покупаемая у фабрикантовъ, примѣрно по рублю аршинъ, ставилась Петромъ въ лавку по девяносто копѣекъ, слѣдовательно десять процентовъ выгоды хозяйскому кошелю. Деньги же получались изъ выручки Петромъ и онъ удерживалъ ихъ у себя. А между тѣмъ Андрей Андреичъ души не слышалъ въ своемъ прикащикѣ. «Онъ мнѣ лучше сына», говаривалъ купецъ сосѣдямъ: не будь меня и вовсе въ лавкѣ—дѣло сдѣлается также, какъ и при мнѣ». Сосѣди и сами видѣли, что Петръ дѣйствительно парень ловкій, и нѣкоторые старались даже переманить его къ

себѣ, обѣщая болѣе выгодное жалованье, на что Петръ постоянно отвѣчалъ: «Зачѣмъ же я буду перемѣнять стараго хозяина? Я ими чрезвычайно доволенъ!» И надо сказать, что Скоробогатый съ своей стороны не начиналъ ни одного дѣла безъ того, чтобы не посовѣтоваться съ Петромъ, и дошелъ до того, что какъ по лавкѣ, такъ и по квартирѣ Петръ былъ полный хозяинъ. Матрена Ивановна и та постоянно угождала ему, какъ родному сыну. Своею притворною честностью, простодушіемъ и низкопоклонствомъ онъ въ короткое время сдѣлалъ то, чего другой служащій можетъ быть добивался всю свою жизнь и не добившись отправлялся по обыкновенію въ нѣдра Авраама.

Сергѣй, прикащикъ Вавилова, спустивши на довольно значительную сумму товару Петру, отсталъ отъ хозяина, не дожидаясь счета лавки, и пришелъ къ Петру для расчета.

— Вотъ что я тебѣ скажу, началъ Петръ: ты вѣроятно думаешь съѣздить на родину?

— Да, побывать охота.

— Въ такомъ случаѣ ты проѣздишь два-три мѣсяца. Деньги на это время тебѣ ненужны, такъ ты поѣзжай съ Богомъ!.. Рублей двѣсти серебромъ тебѣ на проѣздъ и домашніе расходы даже много будетъ, такъ ты ихъ и возьми, а на остальныя, покамѣсть ты ѣздишь, я оборотикъ сдѣлаю... Нешто мѣшаетъ нажить триста или четыреста рублей? Половину барыша тебѣ выдамъ, а остальною въ вознагражденіе за сбереженіе самъ воспользуюсь. Вѣдь это тебѣ не обидно?..

— Нѣтъ, что за обида.

— Ну, такъ поѣзжай съ Богомъ, а пріѣдешь, тогда расчитаемся.

— Пожалуста, Петръ Ѳадѣичъ!

— Толковать еще!.. Вѣдь я же сказалъ тебѣ, что мнѣ денегъ твоихъ ненужно. Ужь будь спокоенъ, я не такой человѣкъ, кажется, знаешь!..

— Я, такъ, мѣсяца черезъ три непремѣнно буду, такъ ты ужь такъ и приготовь.

Сергѣй уѣхалъ.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что Сергѣй, возвратившись въ Петербургъ, не получилъ отъ Петра ни копѣйки.

— Теперь бы можно и свое дѣло начать, думалъ Петръ, сосчитывая деньги Сергѣя, да неловко. Пожалуй еще слава пройдетъ, что наворовалъ денегъ: лучше подожду еще годика съ три, заживу хозяйскаго жалованья побольше, тогда лучше—въ глаза тыкать не будутъ.

Наступила знаменитая въ торговомъ мірѣ недѣля пасхи. Закипѣла дѣятельность по всему темному царству. Засучились рукава прикащичьихъ сюртуковъ, загнулись полы мальчишечьихъ армяковъ, полетѣли съ полокъ товары, заходили и завертѣлись въ рукахъ карандаши и аршины, заскрипѣли перья, зашумѣла бумага, затворились для покупателей торговыя двери; засѣли за прилавками обладатели лавокъ, захлопали костяные и деревянные счеты, заглянули и въ ариѳметику: понадобилось сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, даже дроби. Пошла въ ходъ торговая счетная мудрость.

Много брюшковатыхъ и небрюшковатыхъ купцовъ, похлопывая по боковому карману, изъявляли свое удовольствіе по поводу полученныхъ избытковъ. Много толстолыхъ купчихъ съ ликующими мужьями подъ ручку, гуляя показывали встрѣчнымъ и поперечнымъ свои вновь сшитые дорогіе наряды. Много купеческихъ сынковъ въ пенстовомъ

весельи удивляли публику сверхъестественными подвигами по части пьянства и буйства. Много прикащиковъ засѣдало въ трактирахъ и погребахъ за стаканами пунша. Много въ эту знаменитую недѣлю было радости и веселья въ торговыхъ семьяхъ. Много было выпито сладкаго и горькаго, отечественнаго и заморскаго. Много было улыбающихся, ликующихъ торгашей, но не ликовалъ Андрей Андреевичъ, не колотилъ съ удовольствіемъ по брюшку своему, не гладилъ покрытые серебристой сѣдиной волоса, но одиноко сидѣлъ въ спаленкѣ и нагнувшись корпѣлъ надъ торговою премудростью. Зорко просматривалъ онъ книги торговыя, просчитывалъ счеты съ цифрами великими, сводилъ и выводилъ итоги огромные, и время отъ времени хмурился.

— Да, думалъ онъ, много въ долгахъ распущено. Врядъ ли придется и половину собрать, особенно съ затянувшихъ расчоты за прошлые годы... Да, нужно будетъ объявить!.. Что-жъ дѣлать-то? не изъ своего же кошеля, прости Господи, въ кредиторскіе карманы добавлять, когда ихъ капиталы по чужимъ рукамъ распущены... Только надо придумать, какъ бы получше все устроить, хорошенько расчоты вывести, концы съ концами свести.

На другой день пригласилъ онъ въ спаленку Петра.

— Вотъ смотри Петръ, началъ онъ, раскрывая торговыя книги и раскладывая счеты: что у насъ за дѣла! Видишь сколько распущено! Какъ ты думаешь, можно ли надѣяться собрать?

— Что я, Андрей Андреичъ, дѣлалъ отпуски, тѣ всѣ соберутся; а что до меня Назаромъ было распущено, да вы сами съ Андріаномъ отпускали, эти врядъ ли сорока копѣйками за рубль возвратятся.

— Такъ, какъ же быть-то?.. Вѣдь поэтому дѣло-то плохо?

— Да-съ! Не совсѣмъ хорошо-съ.

— Надо бы, Петръ, выпутаться изъ этого...

— Это въ вашей волѣ-съ!.. Какъ вамъ заблагоразсудится, такъ и будетъ-съ.

— Я думаю сдѣлочку предложить?

— Что-жъ... предложите-съ!

— А коли не согласятся?

— Подготовить надо-съ, тогда согласятся.

— Знаю, что подготовить, но какъ подготовишь?.. Если товаръ изъ лавки начнешь убавлять, догадаются: отпуски остановятъ и требованіемъ платежа замучаютъ... На чужое имя торговлю перевести, такъ человѣка вѣрнаго нѣтъ подъ рукой...

— Да-съ. Нонече дѣйствительно положиться не на кого... обманутъ-съ. Такъ, какъ нибудь сдѣлайте.

— Я вотъ что думаю: переписаться тебѣ къ намъ, капиталъ внести, тогда бы на тебя можно... Какъ ты думаешь?

— Какъ вамъ угодно-съ. Я съ своей стороны всегда готовъ служить вашей милости.

— Такъ ты согласенъ?.. Я тебя не обижу.

— Покорно благодарю-съ. Я за вашу хлѣбъ-соль и неоставленіе на все готовъ.

— Ну, хорошо. Такъ ты теперь отпиши на родину и денегъ пошли хоть рублей пятьдесятъ серебромъ, такъ тамъ увольненіе живо обработаютъ; здѣсь же по казенной палатѣ я самъ похлопочу. Только смотри, Петръ, это такое дѣло, ни передъ кѣмъ ни гу-гу.

— Я вѣдь понимаю-съ, Андрей Андреичъ, насчотъ эвтого будьте спокойны.

— То-то же, смотри!...

Петръ, выходя изъ спаленки, едва дышалъ отъ радости...

Неожиданное дѣло, о которомъ онъ и не помышлялъ, ошеломило его... Съ этого дня онъ жилъ однимъ ожиданіемъ: когда же это исполнится? Цѣлыя ночи проводилъ онъ безъ сна, ломая голову надъ одной и той же мыслью: что надо будетъ сдѣлать, когда торговля Андрея Андреича перейдетъ на его имя?.. Можно воспользоваться хозяйскимъ добромъ, отнять все даромъ и пустить старика на всѣ четыре стороны... или такъ сдѣлать, чтобы хозяину было необидно и мнѣ хорошо...

Скоробогатый, между тѣмъ, не дремалъ: выбиралъ сколько возможно съ своихъ должниковъ долги, покупалъ на болѣе длинные сроки платежа товаръ, превращалъ лишній лавочный и домашній скарбъ въ деньги, и вообще стремился къ тому, чтобы все было, какъ онъ замыслилъ, шито да крыто.

Матрена Ивановна видѣла хлопоты мужа, частое засѣданіе его въ спаленкѣ съ Петромъ, частыя отлучки по вечерамъ изъ дому, и, по природѣ любопытная, обратилась къ мужу за объясненіемъ.

— Не твое дѣло, Матрена, въ торговыя дѣла входить! сказалъ Скоробогатый: — мало-ль у насъ съ Петромъ дѣлъ, неужто во всякое дѣло соваться бабѣ.

— Что-жъ, Андрей Андреичъ, назойливо возразила жена: неужто я и разсудить ничего не могу? Славу Богу, не первый десятокъ съ тобою живу, а еще по сіе время никакой скрытности отъ тебя не видала!.. А нонечь какое у васъ съ парнемъ шептанье пошло: ишь какъ онъ обошелъ тебя, и я не нужна стала!.. Какія тамъ съ нимъ у васъ по поздним вечерамъ дѣла?.. Въ позднее-то время никакъ торговля не можетъ быть на умѣ, когда лавки позаперты!

— Ахъ ты дура, неужто ты думаешь, что у насъ какія

глупости есть?.. До сѣдинъ ничего не было, а при сѣдинѣ гдѣ ужъ тутъ!..

— Разсказывай тамъ, всѣ вы хороши, когда жена молода да въ силѣ, а какъ состарится, такъ и пойдете колесить по-сторонамъ.

— Полно тебѣ вздоръ городить, никакъ ты рехнулась! Не понимаешь ничего, а толкуешь... Ну, чего тебѣ надо, говори толкомъ прямо, безъ бранныхъ словъ?

— О чемъ вы шепчетесь съ Петромъ?

— О дѣлѣ.

— О какомъ дѣлѣ?

— Извѣстно о какомъ, о торговомъ.

— Смотри, Андрей Андреичъ, коли ты что скрываешь отъ меня, да нечистое—тебя Богъ накажетъ.

Скоробогатый смутился. Жена какъ будто по духу узнала, что у него дѣло нечистое. Открыться ей въ этомъ дѣлѣ, подумалъ онъ, еще пожалуй баба разболтаетъ и все дѣло испортитъ. Не говорить—опять бѣда: она въ другую сторону думаетъ. Что тутъ будешь дѣлать?.. Нѣтъ, ужъ лучше не скажу!.. рѣшилъ онъ и началъ ей разсказывать такую околесную, что она слушала, слушала и наконецъ, махнувъ рукой, сказала:

— Ну васъ тутъ и съ дѣломъ-то вашимъ! Я чтой-то и не разберу ничего, что ты тутъ мнѣ наговариваешь. Ужь коли не хочешь правды сказать, такъ нечего турусы на колесахъ разводить, я и слушать ихъ не хочу.

— Не хочешь, какъ хочешь! отвѣчалъ Андрей Андреичъ, радуясь, что успѣлъ отвести отъ себя щекотливое объясненіе.

Наконецъ пришло давно ожидаемое увольненіе Петра, и онъ взнесъ временной купеческій капиталъ. Тихо и спокойно произошла передача торговли Скоробогатова у городскаго

маклера, который и не подозрѣвалъ, что онъ, оформивъ неправильную передачу, сдѣлался орудіемъ незаконнаго дѣла. Торговый билетъ Скоробогатова или, какъ называютъ его, торговая карточка слетѣла съ своего мѣста и замѣнилась другою, и никому невдомекъ была эта перемѣна—только мальчишка Ванюшка, случайно взглянувъ на билетъ, прочиталъ по складамъ: «Петру Ѳадѣеву Кирьякову», не приминулъ сообщить о томъ товарищу своему Сенюшкѣ, который въ свою очередь, пришедши домой, передалъ это извѣстіе кухаркѣ, на что та отвѣчала:

— Лучше бы ты свое дѣло дѣлалъ, да вынесъ поскорѣе изъ кухни ведро съ помоями, чѣмъ о хозяйскомъ говорить.

Недѣли черезъ двѣ кредиторы Скоробогатова получили отъ него пригласительные билеты слѣдующаго содержанія:

«Андрей Андреичъ Скоробогатый всепокорнѣйше проситъ пожаловать въ квартиру его, сего іюля 15-го дня 18... года, въ шесть часовъ пополудни, для объясненія по дѣламъ комерціи».

Въ назначенный день, въ зальцѣ на столѣ разложены были всѣ, исключая торговыхъ книгъ, относящіяся до комерческихъ дѣлъ Скоробогатова бумаги. Тутъ были: перечень его долговъ; документы и росписки должныхъ ему лицъ (въ вѣрности платежа сомнительныхъ); книга отпуска товаровъ на кредитъ, основанный на довѣріи безъ всякихъ, обезпечивающихъ долгъ, документовъ и росписокъ. Въ этой книгѣ было записано много лицъ, уже давно умершихъ и по всѣмъ вѣроятіямъ предавшихся тлѣнію, съ довольно крупными передъ каждой фамиліею цифрами долга. Много было и такихъ, которыхъ вовсе не существовало никогда ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ, но которыхъ придумала выставить богатая на изобрѣтательность фантазія Скоробогатова.

Андрей Андреичъ, за полчаса до назначеннаго времени, предварительно отправивъ Матрену Ивановну въ гости, тревожно расхаживалъ по зальцу и мысленно задавалъ себѣ вопросъ: неужели моя собратія не согласится на мою просьбу? Эта просьба была написана надъ перечнемъ его долговъ въ такомъ родѣ: «С.-Петербургскій такой-то гильдіи купецъ Андрей Андреевъ Скоробогатый всепокорнѣйше проситъ господъ кредиторовъ взойдти съ участіемъ въ его стѣсненное положеніе по торговлѣ и росписать слѣдуемую имъ съ него долговую сумму отъ нижеписаннаго числа впредь на три года, считая за каждый полный рубль по двадцати копѣекъ, чѣмъ поддержите разстройство моихъ комерческихъ дѣлъ». Затѣмъ слѣдовали годъ, мѣсяцъ, число и собственноручная подпись просителя. Съ шести часовъ стали сбираться кредиторы и каждый, переступая порогъ зальцы, обращался къ Скоробогатову съ вопросомъ:

— Что тутъ у васъ такое?

— А вотъ-съ, посмотрите-съ, отвѣчалъ Андрей Андреичъ и указывалъ кредитору на бумаги.

Когда число явившихся кредиторовъ превысило двѣ трети всей массы, они, не ожидая остальныхъ, открыли нѣчто въ родѣ засѣданія, главную роль въ которомъ игралъ имѣющій на Скоробогатова болѣе другихъ долговыхъ обязательствъ Степанъ Ивановичъ Горшковъ. Скоробогатаго же, какъ человѣка, не имѣющаго права присутствовать при совѣщаніи кредиторовъ, попросили изъ зальцы удалиться въ сосѣднюю комнату.

— Какъ, господа, думаете,—началъ Горшковъ, обращаясь къ кредиторамъ, которые уже успѣли разсмотрѣть разложенныя на столѣ бумаги,—какъ вы думаете: двадцать копѣекъ въ три года, по моему мнѣнію, вовсе неудовлетворительно?..

Все, что онъ здѣсь разложилъ передъ нами, нисколько не можетъ насъ увѣрить, что онъ пришелъ въ такое сильное разстройство. Да и почему онъ не предупредилъ насъ объ этомъ прежде?.. Какъ хотите, господа, мое мнѣніе—что это дѣло нечистое! Онъ лжетъ, что разорился до такой степени. Надо принять строгія мѣры противъ этихъ плутней!

— Если мы будемъ принимать строгія мѣры,—возразилъ другой кредиторъ, Говорилинъ, которому Андрей Андреичъ обѣщалъ выплатить долгъ сполна, въ вознагражденіе за примирительную систему, которую онъ обѣщалъ ввести въ дѣло Скоробогатова,—то не будемъ имѣть отъ него впослѣдствіи никакой пользы. Напротивъ, при нашемъ снисхожденіи онъ можетъ впослѣдствіи вознаградить нашу потерю своею дѣятельностью, исключительно направленною на сбытъ нашихъ товаровъ!.. Впрочемъ, вы извините меня, господа: я не желаю давать вамъ совѣтовъ, тѣмъ болѣе, что каждый изъ насъ будетъ дѣлать, что укажутъ ему собственные интересы и выгоды; но я думаю, что гораздо лучше кончить миролюбиво, чѣмъ заводить дѣло, объявлять его несостоятельнымъ и содержать конкурсъ.

— Да,—вмѣшалась небольшая бородка съ просѣдью,—вамъ хорошо разсуждать и, можетъ быть, вы были бы правы, еслибы предлагаемая Скоробогатовымъ за рубль сумма не была такъ ничтожна. Получить двадцать копѣекъ за рубль, да еще въ три года, что это за расчотъ?.. Какое тутъ можетъ быть миролюбіе?.. По моему мнѣнію это можно назвать разбоемъ...

— Правда!—подтвердили пять или шесть голосовъ,—это ни на что не похоже!.. Чистый разбой!..

Между кредиторами пошелъ споръ, каждый старался

выказать себя, кричали, шумѣли, а между тѣмъ дѣло ничѣмъ не рѣшалось.

— Ну, господа,—возражалъ Говорилинъ, противъ шумящей собратіи:—мы не за тѣмъ сюда собрались, чтобъ заводить брань и безъ толку шумѣть! Выслушайте-же меня. Я не говорю, что нужно согласиться на первое предложеніе, но нужно поторговаться и вмѣстѣ съ тѣмъ разобрать сущность его разстройства. Кто изъ насъ утвердительно можетъ сказать, что онъ, желая обобрать насъ, обнаружилъ передъ нами вымышленное разстройство?... Развѣ не можетъ быть этого въ дѣйствительности?.. Да и мы сами, я думаю, не можемъ поручиться нетолько за кого нибудь, но даже за себя. Съ нами развѣ не можетъ быть этого?.. Вижу, что вы соглашаетесь со мною, и потому приглашаю васъ обсудить дѣло Скоробогатаго какъ можно хладнокровнѣе, не выходя изъ себя, безъ спору, безъ крику, какъ можно миролюбивѣе!

— Мы не прочь отъ миролюбія,—замѣтило нѣсколько человѣкъ,—но желаемъ также и съ его стороны болѣе совѣсти, чѣмъ видимъ въ настоящую минуту.

— Вотъ что, господа, сказалъ Горшковъ,—позовемъ сюда нашего общаго пріятеля и спросимъ, хочетъ онъ съ нами дѣлаться какъ слѣдуетъ, или нѣтъ? Если онъ изъявитъ согласіе на болѣе подходящую сдѣлку, то я съ своей стороны думаю помириться на шестьдесятъ копѣекъ, но только въ девять мѣсяцевъ.

— Это дѣло другаго рода, сказала бородка съ просѣдью, на это и я могу согласиться, да и другіе, я думаю, не откажутся. Какъ, господа, думаете?

— Конечно!.. Отъ чего же!.. Пожалуй!.. Идетъ на это! разносилось между кредиторами, и Горшковъ попросилъ позвать въ залцу Скоробогатова.

— Ты, почтеннѣйшій, обратился къ нему Горшковъ, дѣло заводишь нечистое. Не мѣшало бы одуматься... Вспомни-ка, братъ, на какомъ ты счету былъ у насъ!.. Мы тебя чтили какъ человѣка честнаго, а ты оказываешься вонъ какимъ!.. И на старости лѣтъ тебѣ не стыдно набивать карманы чужими деньгами?.. Неужели ты думаешь, что мы такъ глупы, повѣримъ всему, что ты разложилъ передъ нами?.. Или, можетъ, ты умирать не думаешь, грѣха не чувствуешь? Спросись у совѣсти, да и скажи намъ что нибудь подѣльнѣе.

— Что я вамъ скажу, Степанъ Иванычъ,—смиренно отвѣчалъ Скоробогатый:—неужели вы думаете, что я, на старости лѣтъ, сталъ-бы грѣшить, еслибы не разстроился?.. Вспомните, я съ вами шестнадцать лѣтъ торгую. Если вы отъ меня по тысячѣ рублей пользовались въ годъ, такъ и то много денегъ выйдетъ, а вѣдь вы не по тысячѣ наживали отъ меня. Я не хотѣлъ, чтобы вы потеряли, но что же дѣлать, когда обстоятельства такія пришли?. Я самъ не радъ этому!

— Расчитывайся товаромъ, у тебя товару много.

— Товару у меня нѣтъ, Степанъ Иванычъ.

— Какъ нѣтъ?—А въ лавкѣ?

— Лавку я сдалъ-съ.

— Какъ сдалъ? давно-ли? кому?

— Бывшему моему прикащику Петру Ѳадѣеву Кирьякову.

— Какъ сдалъ лавку?.. закричали почти что всѣ кредиторы,—на какомъ основаніи?

— Очень просто: мнѣ потребовались деньги—я и сдалъ ее.

— Такъ у тебя есть деньги, сказалъ Горшковъ: расчитывайся деньгами!

— Да, есть нѣсколько копѣекъ въ карманѣ, съ ироніей отвѣчалъ Скоробогатый.

— Куда-же ты дѣвалъ деньги?

— Расплатился съ долгами. Мало ли у меня было долговъ.

— Теперь я все понимаю! крикнулъ Горшковъ: ты Андрей больше ничего какъ мошенникъ. Такъ слушай-же: если ты хочешь произвести съ нами расчотъ, мы беремъ шесть гривенъ въ девять мѣсяцевъ, нѣтъ—мы поступимъ съ тобою иначе.

— Поступайте, какъ вамъ угодно, если нѣтъ въ васъ милости и человѣколюбія. Богъ съ вами! Ошельмуйте меня на старости лѣтъ!.. Въ долговое посадите! Объявите несостоятельнымъ! Я передъ вами весь тутъ, а долги, по двадцати копѣекъ за рубль въ три года, я иначе заплатить не могу.

— Ну, это мы увидимъ. Не отложить ли намъ собраніе до другаго раза, господа? обратился Горшковъ къ кредиторамъ. Обстоятельства разстройства Скоробогатова надо будетъ разсмотрѣть гораздо серьезнѣе. Какъ вы думаете?

— Какъ хотите, отозвался Говорилинъ, мнѣ все равно.

— Да и всѣмъ, я думаю, также! сказалъ Горшковъ, подымаясь съ мѣста.

Кредиторы разошлись, условившись собраться чрезъ недѣлю.

— На другой день, за утреннимъ чаемъ, у Андрея Андреича былъ келейный совѣтъ съ Говорилинымъ.

— Ты, Андрей Андреичъ, тѣмъ хорошъ, сказалъ Говорилинъ, что умѣешь выдерживать себя. Это ничего, что они вчера поломались, дай имъ остынуть—уломаются, возьмутъ; только стой также твердо какъ и вчера. Я на всякій случай

держу человѣка для тебя подъ рукой: если и случится что, такъ опора есть.

— Я бы, Гаврило Ѳедоровичъ, пожалуй и согласился пятнадцатью копѣйками на чистую расчитаться, наличными выдать.

— Ты не торопись, дѣло само сдвинется, лавировать будешь—хуже испортишь. Наличными успѣешь и въ то время задобрить, когда вовсе въ тупикъ встанутъ.

— А какъ объявятъ злостнымъ?

— Кому выгода тебя объявлять? На содержаніе конкурса платить небольшая пріятность. Съ тебя теперь хоть три пятака можно получить, а тогда что?.. Неужели ты этого не понимаешь? Полно, этого никогда не будетъ. Вѣдь у тебя казенныхъ нѣтъ долговъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ можно плюнуть на остальныхъ заимодавцевъ.

— Ужъ вы пожалуста, Гаврило Ѳедоровичъ, похлопочите!

— Объ этомъ говорить нечего; сказано одинъ разъ и довольно. Только вотъ какъ Петръ-то у тебя надеженъ?

— На счотъ Петра мнѣ опасаться нечего. Скорѣе бы дѣло пришлось покончить, а тамъ обратный переводъ можно будетъ сдѣлать.

— Надеженъ—такъ ладно. А ты на всякій случай, вели ему на мой долгъ векселей подписать, а твои старые пусть такъ у меня, для виду останутся.

— Очень хорошо-съ.

— Я ужо зайду къ нему за векселями, пускай приготовитъ.

Петръ удивился, когда Скоробогатый сталъ требовать отъ него документовъ на имя Говорилина.

— Съ чего вы это взяли? сказалъ онъ. Я выдамъ ему векселя, а ваши старые онъ оставитъ у себя, да и по вашимъ, и по моимъ требовать будетъ? Кажется вы знаете его. Пусть онъ окончитъ какъ слѣдуетъ ваше дѣло, тогда отчего не расчитаться; а то онъ пожалуй ничего не сдѣлаетъ, а деньги взыскивать будетъ—помните какъ съ Кривошеина. Нѣтъ, вы съ нимъ будьте осторожнѣе.

— Онъ осердится, Петя.

— Чортъ съ нимъ, пусть сердится! Онъ теперь въ нашихъ рукахъ, а какъ выпустимъ—плохо будетъ ловить такую птицу.

— Петруха правъ,—подумалъ Скоробогатый, выходя изъ лавки,—на Говорилина надѣяться нельзя.

— Эка выдумали! ворчалъ Петръ, выдай векселя... Нѣтъ, Гаврило Ѳедоровичъ, это стара штука! Вы думаете, что я не понимаю ничего. Погодите, дайте мнѣ развернуться, я вамъ покажу каковъ я есть человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ!..

Несмотря на завѣренія и обнадеживанія Говорилина, кредиторы не согласились на предлагаемую сдѣлку и, безъ зазрѣнія совѣсти, какъ отзывался Скоробогатый, объявивъ его несостоятельнымъ должникомъ, отправили на старости лѣтъ въ долговое отдѣленіе, на готовую квартиру. Петръ уже успѣлъ до этой катастрофы, для приличія, съѣхать съ прикащикомъ и мальчиками на другую квартиру, куда, послѣ ареста мужа, перешла и Матрена Ивановна. Домашнее имущество Скоробогатова было, по требованію кредиторовъ, опечатано и свалено на гніеніе въ сарай. Квартира, видѣвшая впродолженіи четверти столѣтія въ стѣнахъ своихъ представителей торговаго міра, опустѣла.

Какъ вѣрный слуга, помнящій хлѣбъ-соль и неоставленія хозяина, Кирьяковъ первымъ долгомъ поѣхалъ навѣ-

стить старика; захватилъ съ собою фунтъ чайку, два фунта расколотаго сахарку и довольно порядочнаго объема узелокъ съ всевозможными съѣдобными веществами.

— Вы, Андрей Адреичъ,—сказалъ онъ, вручая ему вышеозначенные гостинцы, — не скучайте. Богъ милостливъ! все поправится. Я съ своей стороны приложу все стараніе, чтобы скупить ваши документики. Чтожъ дѣлать, Андрей Андреичъ, не хотѣли они собаки взять миролюбиво двадцать копѣекъ—теперь возьмутъ и гривенку.

Но старикъ былъ встревоженъ. Новая квартира пугала его.

— Эхъ, Петя,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ:—я не думалъ, что они меня объявятъ. Говорилинъ обнадеживалъ, что ничего не будетъ, а вотъ видишь... Вѣдь мнѣ, Петя, присяга будетъ!.. Крестъ и евангеліе въ истинѣ словъ цѣловать долженъ буду!.. А гдѣ моя правда, Петя?.. а?..

— Дѣлать нечего, Андрей Андреичъ, не согрѣшишь — не покаешься. Богъ по милосердію своему проститъ этотъ грѣхъ. Всѣ грѣшны передъ Создателемъ небеснымъ. Что дѣлать-то?.. Не мы первые, не мы и послѣдніе!

— А книги-то, Петя?.. Вѣдь торговыя книги опечатаны!.. По книгамъ конкурсъ до всего доберется, злостнымъ выведутъ!..

— Я до этого не допущу, Андрей Андреичъ,—въ этомъ вамъ сумнѣваться нечего.

— Нѣтъ, Петя, ты ужь лучше вотъ что сдѣлай: если они собаки не согласятся на гривну,—дай двѣ гривны!.. тридцать копѣекъ дай! только не доводи, братъ, до опредѣленія несостоятельности.

— Я вамъ одно скажу, Андрей Андреичъ, не извольте безпокоиться. Я вашимъ добромъ такъ распоряжусь, какъ

не распорядился бы вашъ родной сынъ. Неужто вы думаете, что я за вашу хлѣбъ-соль васъ оставлю?.. Да я и подумать-то объ этомъ за грѣхъ почитаю!.. Нѣтъ, Андрей Андреичъ, вы не безпокойтесь. Потерпите, Богъ милостивъ!

— Такъ смотри-же, Петя, не оставь!.. не брось моего дѣла... а то смотри, Петръ, если ты воспользуешься моимъ добромъ... бросишь меня... обидишь на старости лѣтъ... тебя самого Богъ обидитъ!

Старикъ не выдержалъ и заплакалъ: онъ совсѣмъ упалъ духомъ. Тревожныя мысли сломили крѣпкую натуру, отняли энергію, силу воли и дали почувствовать, какъ глубоко онъ ошибся, думая обманомъ воспользоваться чужою собственностью. И судьба поставила его въ такое положеніе, что его собственное состояніе могло все погибнуть. Подозрѣнія забрались въ голову старика и внутренній голосъ нашептывалъ ему: «обманетъ тебя Петръ!.. обманетъ!..»

— Вѣдь вотъ, думалъ Петръ, выходя изъ долговаго и садясь на извощичьи дрожки, еще ни коня, ни возу, а старикъ ужъ догадывается, подозрѣвать начинаетъ. Чудные эти старики: гдѣ бы къ смерти ближе, а они все о деньгахъ думаютъ. Диви бы семейный былъ, дѣти были бы, а то поди!.. Что ему съ старухой много ли вѣку-то осталось прожить, такъ нѣтъ, жадности много, давай проведу товарищей; ну, вотъ и сдѣлалъ — и сиди теперь въ желѣзной клѣткѣ за каменной стѣной!. Впрочемъ и то сказать, для меня же лучше:—не будь этого, скоро ли бы я поправился, да въ силу взошелъ, а теперь—эге!.. И онъ разсмѣялся.

Въ лавкѣ Петръ засталъ посланнаго отъ Говорилина, который звалъ его къ себѣ.

— Оно лучше бы не идти, подумалъ онъ: ну, да ладно, куда ни шло—пойду.

— Что-жъ, Петръ, сказалъ Говорилинъ, ты не доставляешь мнѣ документы?

— Какіе-съ?

— Какъ какіе?.. Вѣдь ты знаешь мои отношенія съ твоимъ хозяиномъ? Знаешь, что долженъ выдать документы на должную имъ мнѣ сумму: такъ чего же еще спрашиваешь?

— Но, Гаврила Ѳедоровичъ, сдѣлка не состоялась, такъ за что же я вамъ выдамъ документы?.. Вамъ извѣстно, что Андрей Андреичъ объявлены банкротомъ и въ настоящее время находятся въ долговомъ.

— Это ничего незначитъ. Если я за что взялся — то исполню. Черезъ четыре или пять мѣсяцевъ дѣло будетъ окончено и твой хозяинъ освободится.

— А кто же, извините Гаврило Ѳедоровичъ, поручится, что дѣло хорошо окончится?.. Вы меня извините, но я съ своей стороны не могу повѣрить вамъ на слово, тѣмъ болѣе, что за всякую копѣйку долженъ отвѣчать передъ хозяиномъ.

— Но я словъ даромъ не кидаю и если ужъ мною что сказано, такъ и сдѣлаю. Въ противномъ слачаѣ я буду поступать иначе.

— Какъ вамъ угодно-съ.

— Такъ ты рѣшительно отказываешься отъ выдачи векселей?

— Рѣшительно-съ.

— Ну, смотри же, послѣ пеняй на себя! Ты думаешь, что лавка на твое имя, такъ вы и правы? Мы спросимъ и тебя: откуда взялись у тебя средства для открытія торговли?... Ты не думай, что это пройдетъ шутками.

— Я нисколько этого не думаю, но ваша претензія должна быть удовлетворена только въ то время, когда окончится дѣло. Андрей Андреичъ никогда не согласится сдѣ-

лать передъ вами подлости. Онъ даже мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, что расчитается съ вами полнымъ рублемъ.

— Прекрасно. Ты давича спрашивалъ у меня, кто поручится, что я дѣло закончу? Теперь въ свою очередь я спрошу тебя: а кто мнѣ поручится, что вы расчитаетесь со мною какъ слѣдуетъ?

— Въ этомъ не имѣйте никакого сумнѣнія, Андрей Андреичъ, расчитаемся.

— Да вѣдь это только ты говоришь на словахъ, а слова, братъ, вода... Ну, не хочешь выдать векселей—напиши росписку.

— Это все одно и тоже-съ.

— Такъ какъ же?

— Какъ вамъ угодно-съ.

— Я вижу, что ты не хочешь ни того, ни другаго, слѣдовательно мнѣ говорить съ тобой нечего. Жалко мнѣ бѣднаго Андрея Андреича; но я не виноватъ, что у него прикащикъ или страшный дуракъ, или естественный плутъ.

— Ни то, ни другое, Гаврило Ѳедоровичъ. Впрочемъ, повидайтесь съ Андреемъ Андреичемъ: можетъ быть онъ съ вами и безъ документовъ какъ нибудь сдѣлается; только я, для пользы моего хозяина и по его приказанію, ни векселей, ни росписокъ не подпишу.

Говорилинъ взбѣсился.

— Во-первыхъ, закричалъ онъ, я не мальчикъ разъѣзжать для васъ и бросать свое дѣло, а во-вторыхъ, пошелъ вонъ изъ моей лавки и помни, что это вамъ даромъ не пройдетъ!..

Прошло полтора года.

Кредиторы и слышать не хотѣли о сдѣлкѣ съ Скоробогатовымъ, а Петръ только на словахъ обнадеживалъ старика близкимъ освобожденіемъ и окончаніемъ дѣла.

Однажды Кирьяковъ, возвратившись съ торговли и усѣвшись съ Матреной Ивановной за самоваръ, обратился къ ней съ слѣдующими словами:

— Я думаю, Матрена Ивановна, посовѣтоваться съ вами, потому васъ какъ мать родную почитаю. Какъ вы мнѣ скажете?.. я хотѣлъ бы судьбу свою устроить?

— Какъ это устроить?

— Думаю, Матрена Ивановна, въ законный бракъ вступить.

— Неужто жениться хочешь?

— Да-съ, думаю.

— Въ умѣ ли ты Петръ?.. Въ эдакое время такое дѣло заводить! Хозяинъ въ острогѣ сидитъ, а у тебя свадьба на умѣ. Ты бы лучше хозяйскія нужды старался справить, а женитьба отъ тебя не уйдетъ. Да и какъ же это, расчетовъ никакихъ со старикомъ не покончилъ, да за женитьбу?.. Ужъ ты такъ и скажи, что думаешь хозяйскимъ добромъ воспользоваться...

— Что вы, Матрена Ивановна! За кого вы меня принимаете?.. Если я задумалъ жениться, такъ не для чего другаго, а ради той же хозяйской пользы.

— Хозяйской? Я этого что-то въ толкъ не возьму.

— Дѣло вотъ въ чемъ: Андрей Андреичъ, да и вы сами то и дѣло пристаете скупить его долговыя обязательства, а на что я ихъ скуплю, когда денегъ нѣтъ; да при нынѣшнихъ торгахъ нѣтъ и надеждъ скопить, а товаръ полтинной за рубль отдавать, сами изволите разсудить, не приходится... Теперь же, по волѣ Господней, тесть—капитальный человѣкъ навертывается; можно будетъ какъ у своего человѣка призанять на этотъ случай да и очистить Андрея Андреича... Вотъ дѣло какое у меня на умѣ, а вы, столько лѣтъ

живши со мною, сумнѣваетесь во мнѣ?.. Кажется я передъ вами и Андреемъ Андреичемъ безчувствительной скотиной не былъ.

— Что говорить, отвѣчала старуха, нѣсколько успокоившись:—не могу худого о тебѣ по сіе время сказать, да вишь нонече народъ-отъ, чего и не чаешь сдѣлаютъ.

— Мало ли худаго народа! Какъ не быть. Только меня и родители на это никогда не благословляли. Вамъ бы даже, можно сказать, совѣстно и говорить мнѣ такія рѣчи; конечно я не такой человѣкъ, не могу входить въ амбицію, а что не хорошо, то не хорошо.

— Всяко, Петръ Ѳадѣичъ, придетъ въ голову. Теперь, конешно, со словъ твоихъ видно, что не худое у тебя на умѣ. Ну, а сорвалось слово съ языка—прости за это.

— Богъ васъ проститъ! Я зла не помню, Матрена Ивановна, а совѣтъ-то вы мнѣ дайте.

— Что-жъ, если выгодная партія, да поправу—женись съ Богомъ.

— Такъ поэтому вамъ отдѣльную квартиру нужно будетъ пріискивать. Въ этой-то намъ вмѣстѣ тѣсненько будетъ.

Старуха взглянула довольно пристально на Петра, но онъ смотрѣлъ такъ наивно и простодушно, что она раскаялась въ своихъ подозрѣніяхъ.

— Какъ знаешь, Петръ Ѳадѣичъ, сказала она: коли тебѣ со мною тѣсно, такъ я пожалуй пріищу себѣ квартирку.

— Да ужь потрудитесь, Матрена Ивановна—что дѣлать, нужно-съ...

— Теперь—размышлялъ Петръ, на другой день, сбираясь къ Скоробогатову,—дѣло мое можно считать оконченнымъ, времени прошло довольно и старикъ не посмѣетъ заявить, что передалъ мнѣ капиталъ. Да еслибы и обнаружилъ, что-жъ

онъ этимъ выиграетъ?.. Ничего. Передача сдѣлана какъ слѣдуетъ, на законномъ основаніи, и въ маклерскую книгу занесена. Въ деньгахъ за товаръ онъ расписался, что получилъ сполна, слѣдовательно законъ на моей сторонѣ. Конечно, если онъ заведетъ дѣло, то безъ расходовъ не обойдешься, но вѣдь и то сказать, даромъ ничего не дѣлается: на то и тяжба, чтобы чиновниковъ ублаготворять.

Старика поразило неожиданное объясненіе Петра и долго онъ возставалъ противъ него, какъ бы чувствуя, что женитьба питомца устраивается имъ не на пользу хозяина; но убѣдительныя просьбы и обѣщаніе окончанія дѣла по несостоятельности заставили его согласиться.

О своемъ горѣ старикъ какъ будто ужъ забывалъ, но его сокрушала мысль, что онъ отравилъ послѣдніе дни старухи-жены. Человѣкъ она старый, подумалъ онъ, немощный; гдѣ ей таскаться по чужимъ квартирамъ: намается она съ этими переѣздами...

Но развязка тяжелыхъ мыслей старика пришла такъ неожиданно, что изумила даже ни чему не изумлявшагося Петра. За день до переѣзда на новую квартиру, Матрена Ивановна, побывавши по обыкновенію у мужа и придя домой почувствовала себя нехорошо, легла на лежанку отдохнуть и уже не вставала. Избавившись такъ неожиданно отъ своей хозяйки, Кирьяковъ отложилъ до времени свой бракъ и прекратилъ посѣщенія къ Скоробогатову. Напрасно старикъ посылалъ къ своему питомцу письма и посланныхъ: письма оставались безъ отвѣта, а посланнымъ онъ не показывался; тогда Андрей Андреичъ увѣрился въ справедливости своихъ подозрѣній, и началъ упрекать себя за неосторожное довѣріе къ питомцу, но впослѣдствіи, свыкнувшись съ мыслью, что все кончено и потеряннаго не воротишь, мах-

нулъ рѣшительно рукой и сказалъ: «За грѣхи, видно, наказываетъ меня Господь!»

Сознаніе своихъ погрѣшностей облегчило старика, но не могло смягчить приговора суда, признавшаго его несостоятельность злонамѣренною и рѣшившаго участь его ссылкою на неопредѣленное время въ одну изъ дальнихъ губерній. Кирьяковъ, узнавъ о приговорѣ, не могъ не подать хоть небольшой помощи несчастному, но онъ не превидѣлъ происшедшей въ старикѣ нравственной перемѣны: посланныя Кирьяковымъ деньги триста рублей въ тюремный замокъ, гдѣ содержался въ послѣднее время старикъ, были возвращены обратно: Скоробогатый не могъ принять частицы того, что считалъ своею собственностью. Возвращая доньги, онъ не удостоилъ своего питомца даже прощальнымъ словомъ.

Прошло пять лѣтъ отъ ссылки Скоробогатаго; забыли объ немъ знакомые и торговцы, но Кирьяковъ не могъ забыть о старикѣ.

Какъ бы ни былъ человѣкъ гадокъ, совѣсть возметъ свое. Напрасно Кирьяковъ старался заглушить ее торговою дѣятельностью, кутежемъ, молитвой. Можетъ быть, подумалъ онъ, семейная жизнь развлечетъ меня.

Для богатаго человѣка за невѣстами не въ Китай ѣхать. Передъ денежнымъ человѣкомъ онѣ выростаютъ какъ грибы. На долю Кирьякова выпалъ жребій породниться съ вдовою Маремьяновой.

Иванъ Савичъ Маремьяновъ былъ изъ числа тѣхъ подрядчиковъ, которые приходили въ Петербургъ въ лаптяхъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ покупали, или строили каменные дома и взносили купеческіе капиталы по первой гильдіи.

Какими путями они доходили до подобныхъ результатовъ— неизвѣстно, но о Маремьяновѣ знали только, что онъ взялся доставлять на одинъ изъ богатѣйшихъ въ Петербургѣ чугунно-литейный заводъ мѣдь, чугунъ, желѣзо и доставлялъ такъ удачно, что одинъ и тотъ же матерьялъ принимался два, а иногда даже и три раза. Онъ устроилъ это такимъ образомъ: подъѣдутъ, напримѣръ, къ заводу тридцать подводъ и остановятся у воротъ съ наружной стороны. На первомъ дворѣ пріемщики записывали вѣсъ, на второмъ сваливался матерьялъ и подвода выѣзжала порожняя въ противуположныя ворота; но вмѣсто того, чтобы свѣшанный и записанный пріемщиками матерьялъ сваливать, его не сваливали и подвода выѣзжала изъ завода также нагруженная, какъ и въѣзжала, и совершивъ путешествіе вокругъ завода примыкала къ концу другихъ еще не въѣхавшихъ телегъ и совершала въѣздъ въ заводъ вторично. Конечно, для заводчика это было раззорительно и дѣйствительно потомъ раззорило его, но для поставщика и пріемщика очень выгодно. Подобной операціей Маремьяновъ пріобрѣлъ порядочный капиталъ.

Проживъ по милости Бога шестьдесятъ годковъ, Иванъ Савичъ переселился въ вѣчность, гдѣ, къ его несчастію, врядъ ли существуютъ чугунно-литейные заводы, оставивъ послѣ себя жену Дарью Абрамовну, сына Капитошу и дочь въ невѣстахъ Агашу.

Дарья Абрамовна, вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ, несла тяготу лапотной жизни; она такъ-сказать, ухватившись за полу его сермяжнаго кафтана, взбиралась съ нимъ вмѣстѣ по ступенямъ той лѣстницы, которая ведетъ отъ нищеты къ изобилію, отъ бѣдности къ богатству. Иногда любила она разсказывать, какъ тридцать лѣтъ назадъ возилась съ ар-

телью мужа, приготовляя ей завтраки, обѣды, паужины и ужины. Не забывала она сколькихъ трудовъ стоила ей стирка бѣлья рабочихъ, мытье половъ, шитье и починка рубахъ и другихъ работъ, вслѣдствіе чего, можетъ быть, несмотря на перемѣну жизни, сохранила тѣ же привычки и любовь къ труду, какъ и во время лапотничества. Для нее было большой непріятностію, когда она принуждена была отказаться отъ кухни, отъ милой для нее стряпни и перебранки по части изготовляемаго кушанья съ кухаркою. Изъ лапотницы превратившись въ купчиху, она не могла измѣнить своихъ старыхъ привычекъ въ обращеніи съ подобными себѣ барынями, что было весьма непріятно ея покойному мужу.—«Съ моей бабой, говорилъ онъ, въ общество хоть не показывайся—дура-дурой»! «Но зато онъ могъ утѣшаться во время публичныхъ гуляній, когда его баба, разодѣтая въ бархатъ и дорогіе мѣха, выглядывала такой солидною, что поднимала зависть въ его товарищахъ по подрядамъ. Иные прямо объясняли ему, что дескать «славная у тебя баба, Маремьяновъ! Не обидѣлъ тебя этимъ Господь, нечего сказать»; на что онъ вмѣсто отвѣта только расчесывалъ своей пятерней бороду и показывалъ своимъ, какъ онъ ихъ называлъ, другамъ, два ряда клыкообразныхъ зубовъ.

Сынъ Маремьянова—Капитоша до четырнадцати лѣтъ былъ въ школѣ, гдѣ, изрядно изучивъ ариѳметику и чистописаніе, явился помощникомъ отцу по части письмоводства. Были, признаться, въ числѣ знакомыхъ Маремьянова такіе люди, которые совѣтовали подержать Капитошу подольше въ школѣ, но Иванъ Савичъ объяснилъ имъ прямо: «А на кой чортъ нашему брату большая грамота? Заучишь парня, у него умъ за разумъ зайдетъ. Счетецъ же или письмишко и безъ большой грамоты напишетъ. Надо больше къ своему

дѣлу парня пріучать». И онъ пріучилъ сына къ своему дѣлу, но между дѣломъ Капитоша изучилъ и бездѣлье. Черезъ два года, по окончаніи курса наукъ, онъ по части бездѣлья дошолъ, можно сказать, до совершенства: всѣхъ этихъ Дашекъ и Сашекъ, выглядывающихъ тихомолкомъ на улицу изъ-за кисейныхъ занавѣсокъ извѣстныхъ домовъ, онъ зналъ наперечетъ. Да и какъ ихъ не знать, когда у папаши конторка съ деньгами никогда не запиралась для него. Доходили иногда до Маремьянова слухи о несовсѣмъ хорошемъ поведеніи сына, но онъ съ отеческою любовью говорилъ, махнувъ рукой: «Пусть его! Не вѣкъ такимъ будетъ».

Иванъ Савичъ, кромѣ жены и дѣтей, оставилъ послѣ себя каменный домъ и духовное завѣщаніе, гдѣ, между прочимъ, было сказано: «Домъ со всѣми въ немъ и при немъ находящимся предоставляю сыну моему Капитону. Дочери моей Агаѳьѣ капиталъ,—заключающійся въ билетѣ сохранной казны на сумму двадцать тысячь рублей. Женѣ же моей Дарьѣ Абрамовнѣ имѣть о дѣтяхъ моихъ неослабное попеченіе и надзоръ, а имъ уважать ее и почитать». Копію съ этой статьи завѣщанія принесла къ Кирьякову сваха Устинья Анѳимовна, или какъ другіе звали ее—Анаѳемовна.

Устинья Анаѳемовна пользовалась славою свахи добросовѣстной. Дарья Абрамовна, отобравъ отъ нее свѣденія о Кирьяковѣ, пожелала его видѣть у себя въ домѣ или, проще сказать, назначила день, въ который женихъ можетъ посмотрѣть предлагаемую ему въ жены дѣвицу. Подобныя смотрины очень похожи на аукціонъ или на обыкновенную продажу. Напримѣръ, продаютъ лошадь, выводятъ ее на-показъ покупщику, смотрятъ ей въ зубы, слѣдятъ за бѣгомъ, понравилась—прибавь лишній рубль и твоя: можешь запивать магарычъ, какъ это дѣлаютъ барышники. Тутъ же приходитъ женихъ

въ незнакомый ему домъ, его угощаютъ (тотъ же магарычъ), выводятъ невѣсту, которая садится въ передній уголъ, покупщикъ смотритъ на ея лицо, наблюдаетъ походку и прислушивается къ рѣчамъ, если только дѣвушка смѣла и вступаетъ въ бесѣду. Понравилась — ударь по рукамъ и бери. Послѣ вѣнчанья балъ, — магарычъ со стороны покупщика. Впрочемъ, бываютъ смотрины и безъ магарыча, гдѣ нибудь на гуляньи или въ церкви, но послѣ смотринъ сваха, какъ и лошадиный барышникъ, не упуститъ своего—сорветъ магарычъ и съ той и съ другой стороны. Случается, что желающій вступить въ законный бракъ невѣстъ пятьдесятъ пересмотритъ, зароется въ товарѣ, да такъ и броситъ—останется вѣчнымъ холостякомъ. Это покупщикъ плохой.

Капитоша, по приказанію матери, собралъ справки о Кирьяковѣ и донесъ, что состояніе у него отличное, человѣкъ одинокій, о поведеніи сосѣди отзываются съ хорошей стороны, слѣдовательно пороковъ нѣтъ. Да и какой можетъ быть порокъ у человѣка, пріобрѣвшаго состоянія трудами рукъ своихъ? Сейчасъ видно, что человѣкъ хорошій. Такъ думала Дарья Абрамовна, но Капитоша о будущемъ зятѣ ничего не думалъ. Чтожъ ему и думать?—Не ему съ нимъ жить, а сестрѣ: такъ пусть она и думаетъ о немъ, что хочетъ.

Агаша, какъ и братъ ея, походивъ въ школу около трехъ лѣтъ, научилась весьма немногому; но если сыну Маремьянова, какъ думалъ старикъ, не нужна была большая грамота, то кольми паче дочери. Но у дѣвочки явилась охота къ чтенію, и книги, разумѣется романы, наполнили голову дѣвушки мечтами, въ которыхъ главную роль играла ожидаемая ею супружеская жизнь. По полученіи справокъ отъ Капитоши, мать объявила ей о сватовствѣ, и Агаша, по на-

чалу немного застыдившись, отвѣчала: «какъ хотите!» что было принято Дарьей Абрамовной за согласіе дочери и она назначила смотрины. Въ наружности Агаши не было ничего особеннаго: роста средняго, довольно полная.

Въ день смотринъ Кирьяковъ пробылъ у Маремьяновыхъ не болѣе двухъ часовъ. Во время смотринъ женихи долго не гостятъ. Невѣста понравилась ему.

Дарья Абрамовна въ объясненіи съ сыномъ сказала о женихѣ, что онъ мужчина какъ слѣдуетъ. Сынъ согласился съ этимъ. Онъ вообще не слишкомъ горячее участіе принималъ въ судьбѣ сестры и отдай ее мать хоть за чорта, онъ не сталъ бы отказываться породниться и съ тѣмъ. Агаша на спросъ матери объяснила, что женихъ ей нравится, слѣдовательно дѣло, какъ говорится, было въ шляпѣ и сваха доставила Кирьякову роспись приданаго.

Въ росписи понравились Кирьякову начало и конецъ. Въ началѣ, вслѣдъ за молитвою: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь», обозначены были иконы въ серебрянныхъ вызолоченныхъ ризахъ, съ таковыми же лампадами довольно крупнаго вѣса; сервизъ и столовое серебро; вещи, предназначенныя для украшенія будущей его жены, заключающіяся въ брильянтахъ и т. п. драгоцѣнныхъ каменьяхъ, оправленныхъ въ благородные металы, а въ концѣ красовались двадцать тысячъ рублей серебромъ деньгами. На мебель, гардеробъ и бѣлье онъ не обращалъ вниманія, какъ на вещи подвергающіяся тлѣнію.

— Это все мертвый капиталъ,—сказалъ онъ свахѣ, прочитывая промежутокъ росписи между началомъ и концомъ,— деньги затрачены, а все задарма. Такъ и сгинутъ.

— Ужъ безъ этого нельзя, Петръ Ѳадѣичъ, возразила она:—невѣста не какая нибудь. Нонече и за бѣдняка вы-

даютъ и то смотри какъ иные сряжаютъ—изъ послѣдней копѣйки тянутся.

— Это я знаю. Я это къ тому сказалъ, что денегъ много попусту затрачивается.

— Ну, ужъ батюшка, какъ женишься, экономься тамъ какъ знаешь, а тутъ тебѣ поперечить нечего. Не твой изводятъ капиталъ; бери что даютъ.

— Деньжонокъ-то не прибавятъ ли, Устинья Анаѳемовна?

— И эти еле вымаклачила. Подпко-сь Капитонъ-отъ Иванычъ какой! Пытала я торговаться. Куды! кричитъ: двадцать тысячъ ей только слѣдуетъ, а на приданое все мои деньги идутъ. Объ этомъ тебѣ нечего и думать, больше гроша не дадутъ. Развѣ, можетъ быть, у матери есть припрятанныя отъ старика деньжонки, такъ она что нибудь въ комодъ положитъ. Объ этомъ я ей намекну.

— Постарайся.

— Это ужь не теперь, а какъ дѣло сладимъ, передъ отпускомъ приданаго. Только бы были они у ней, а ужъ мое дѣло уладить. Коли есть, такъ будутъ въ твоемъ бумажникѣ, объ этомъ не безпокойся.

— Ну, коли такъ, то я и Богу помолиться не прочь. Объясни имъ, что я согласенъ; пусть назначитъ день. Дѣло не за мной.

Помолилось Богу семейство Маремьянова, вкупѣ съ Кирьяковымъ, а черезъ недѣлю назначили и обрученіе.

Въ день обрученія положено было звать гостей, а потому въ домѣ Маремьяновыхъ пошли великія хлопоты. Капитоша составилъ опись гостей, которыхъ набралось за пятьдесятъ человѣкъ. Предложили сдѣлать ужинъ.

Обрученіе совершилось въ присутствіи немногихъ лицъ, матери и брата невѣсты, дружки Кирьякова, свахи да ста-

рушки Перфильевны, дальней родственницы Дарьи Абрамовны. По окончаніи обряда, священникъ сказалъ обручившимся назидательное слово. Гости съ семи часовъ полезли какъ пчелы роями. Первые пріѣхали Завитаевы, за ними Остригаевы, а тамъ и пошли, такъ что къ десяти часамъ вечеръ, что называется, былъ въ разгарѣ. Много смѣялось, пѣлось, пилось, говорилось. Предметомъ разговора была, по большей части, предстоящая свадьба, также погода, торговля, гулянья и наряды; были впрочемъ и такіе гости, которые занялись бесѣдой объ укрощеніи плоти, спасеніи души, святыхъ отцахъ и чудесахъ, отъ явленныхъ и чудотворныхъ иконъ исходящихъ. Но несмотря на столь высокую бесѣду, они не отказывали себѣ въ лишней рюмкѣ вина и къ концу вечера, нисколько не смущаясь, пускались въ плясъ, напѣвая: «ахъ вы сѣни, мои сѣни» или «куманекъ побывай у меня, душа радость побывай у меня». Болѣе всѣхъ имѣли поползновеніе на пляску старыя вдовицы и старики вдовцы, которые не нашли себѣ занятій за ломберными столами.

У жениха съ невѣстою въ продолженіи всего вечера было только одно занятіе — цѣловаться въ угоду пьяныхъ гостей. Капитоша, напротивъ того, подхвативъ двоихъ друговъ, Бербасова и Дубасова, забрался съ ними въ отдѣльную комнату, гдѣ за столомъ, уставленнымъ бутылками съ влагою разныхъ цвѣтовъ и названій, эти три друга бесѣдовали о прошлыхъ кутежахъ и попойкахъ. Бербасовъ хвалился тѣмъ, что ловко влѣпилъ пощечину Наташкѣ, которая ужь черезъ чуръ заважничала. Дубасовъ росписывалъ яркими красками свои похожденія съ Дуняшкой, къ которой онъ такъ ловко влезъ въ душу, что она жить безъ него не можетъ, а Капитоша, нисколько не удивляясь подвигамъ дру-

зей, говорилъ имъ, что они дураки. Вы бы посмотрѣли на меня, какъ я ихъ отдѣлываю, говорилъ онъ съ жаромъ краснорѣчиваго оратора, и тутъ же разсказывалъ скандалезную исторію изъ собственной жизни съ такими терминами, которые не являются въ печати.

Кирьяковъ говорилъ съ Агашею очень мало, да и о чемъ ему было говорить? но когда являлся передъ нимъ услужливый офиціантъ съ многообразными сластями, женихъ прерывалъ молчаніе и обращался къ невѣстѣ съ просьбой взять гостинцевъ побольше, на что съ своей стороны Агаша также просила его брать побольше и сопровождала подобную просьбу такимъ взглядомъ, что Кирьяковъ бралъ столько, сколько едва ли могъ съѣсть.

Иногда Дарья Абрамовна, вслѣдствіе жалобы какой нибудь Карповны или Сидоровны на то, что ее обнесли сластями, выходила на кухню съ выговорами кухмистеру и вслѣдъ затѣмъ возвращалась къ обнесенной гостьи въ сопровожденіи офиціанта, чѣмъ и утѣшала обиженную.

Въ два часа ночи сѣли за ужинъ. Когда кончился столъ, всѣ гости потянулись цѣловаться съ обрученной четой, и Агаша, несмотря на вылитую на себя склянку духовъ, принуждена была вынюхать порядочную порцію запаха перегари.

Отъѣздъ жениха былъ сигналомъ къ общему разъѣзду, но, несмотря на то, прошло добрыхъ полтора часа до совершеннаго окончанія вечера. Одинъ изъ гостей попалъ такой, что принуждены были вытолкать его въ-зашей. И чортъ его знаетъ, чего ему еще было нужно? Напоили, что называется, мертвецки, накормили, какъ говорится, наубой, ну и шелъ бы домой. Такъ нѣтъ, давай еще вина. Дали. Давай еще. Дали и еще, только ступай съ Богомъ! Такъ нѣтъ,

сталъ всѣхъ цаловать, начиная отъ Дарьи Абрамовны до прикащика Бориса, но болѣе всѣхъ невѣсту. Нечего дѣлать, облобызались и думали, что теперь уйдетъ—не тутъ-то было. Опять давай вина, да подай закусить—безъ закуски пить не хочетъ. Дали и то, и другое. Выпилъ, закусилъ, пѣсню запѣлъ и въ присядку плясать пошелъ. Что дѣлать? Стали говорить, чтобы шелъ домой, а онъ кричитъ, что его гонятъ. Ему объясняютъ, что его не гонятъ, а просятъ; онъ же стоитъ на одномъ: гонятъ да гонятъ. Одинъ родственникъ взялъ гостя подручки и повелъ къ двери, а гость не стерпѣлъ такой тяжкой обиды—ударилъ родственника по уху; тотъ тоже не вытерпѣлъ—ударилъ гостя и пошла потѣха. Къ счастью, въ это дѣло вмѣшались офиціанты, розняли сражающихся и вывели гостя за ворота.

Свадьба, какъ и всѣ вообще купеческія свадьбы, была пышна и блестяща; въ этомъ отношеніи торговый міръ любитъ щегольнуть хлѣбосольствомъ и похвастать нарядными женами. Когда гости разъѣхались и молодые остались одни, первымъ дѣломъ Кирьякова было объясниться съ молодой.

— Вотъ, началъ онъ, усаживаясь съ нею къ столу, на которомъ стояли бутылки съ виномъ, недопитымъ гостями, присутствовавшими при раздѣваніи новобрачныхъ:—теперь вы Агафья Ивановна, моя законная супруга. Значитъ, не подъ волею родительницы и брата, а подъ моимъ мужнинымъ попеченіемъ. Я, значитъ, мужъ; а мужъ долженъ, какъ давича въ церкви діаконъ апостола читалъ, быть главою жены... Я это не къ тому говорю, чтобы, примѣрно сказать, внушить вамъ какой нинаесть страхъ. Вовсе нѣтъ, а чтобы на всякій случай дать вамъ понять, что изъ повиновенія мужнина женѣ выходить и грѣшно и совѣстно... Понимаете?

— Понимаю... едва слышно отвѣчала Агаша, потупивъ глаза и смутившись.

— Слѣдовательно, продолжалъ Кирьяковъ, вы должны знать и то, что, сдѣлавшись моею женою, дѣлаетесь хозяйкою всего моего добра. Вы должны распоряжаться прислугою, слѣдить за поведеніемъ прикащиковъ и мальчиковъ, закупать провизію и стараться вести хозяйствомъ какъ можно экономнѣе. Не транжирить по-пусту деньгами, не сорить ихъ безъ нужды; одно слово, какъ есть быть настоящей хозяйкой... Понимаете?

— Понимаю... повторила едва слышно Агаша, но въ этотъ разъ слово сорвалось съ языка какъ-то безсознательно, и въ голосѣ былъ слышенъ трепетъ, обличавшій боязнь и тревогу.

— Въ мои дѣла по торговлѣ, продолжалъ Кирьяковъ, прошу не вмѣшиваться. Съ прикащиками много не говорить, да постарайтесь слѣдить за ними, чтобы не было у нихъ шашень съ женской прислугою. Буде къ родительницѣ или знакомымъ куда задумаете сходить, спросите у меня, а самовольно съ квартиры не отлучайтесь. Да по роднѣ не разносите вѣстей, что у насъ будетъ дѣлаться въ домѣ, иначе выйдутъ непріятности между нами и легко, можетъ, дойдетъ до ссоры, а ссоры, сами я думаю знаете, домъ содомомъ и гоморомъ сдѣлаютъ. Такъ, значитъ, чтобы у насъ этого не было.

— Что это онъ мнѣ все говоритъ? спрашивала себя, во время рѣчей своего мужа, Агаша, которой еще первый разъ въ жизни приходилось выслушивать нравоученіе отъ мужчины, и когда же? Въ первый день брака. Сама не понимая вслѣдствіе чего оробѣла, она глядѣла прямо въ глаза мужа и не видала его; стѣны спальни кружились передъ ней и

ей думалось, что она, подобно стѣнамъ, кружится вмѣстѣ съ ними. Богъ вѣсть откуда явившаяся слеза повисла на рѣсницѣ. Кирьяковъ все продолжалъ наставлять въ правилахъ жизни. Наконецъ она залилась слезами.

— Это что за новости?.. Сказалъ Кирьяковъ, чтобы у меня этого не было... слышите!.. Вѣдь вы не у матушки подъ крылышкомъ. Я не нянька, а вы не дѣвчонка десятилѣтняя... Ну, полно же, говорятъ вамъ... Довольно!..

Но эти слова не произвели никакого дѣйствія. Она продолжала рыдать... Видя, что словами тутъ не возьмешь, онъ взялъ со стола бутылку съ какимъ-то виноградным виномъ, налилъ въ стаканъ и преспокойно подошелъ съ нимъ къ женѣ, сказавъ: пейте.

— Я не могу...

— Пейте, говорятъ вамъ.

— Я не пью, я не могу...

— Я вамъ приказываю!

Воля мужа дѣлалась закономъ. Безсознательно приняла она изъ рукъ его стаканъ и выпила вино, не переводя духа; потомъ, возвращая стаканъ мужу и бросая на него безсознательный взглядъ, спросила:

— Еще что будетъ угодно вамъ?

— Теперь можете раздѣваться и ложиться спать.

Агафья Ивановна, несмотря на первую грустную ночь брака, могла считать себя если не счастливою, то по крайней мѣрѣ не обижаемою мужемъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ ни одного слова, которое могло бы растревожить ее, не слыхала она отъ мужа и, исключая скупости, не видала въ немъ ничего дурного. Любилъ ли онъ ее дѣйствительно, отгадать трудно, но слѣдствіемъ брака былъ сынъ и, къ

началу третьяго года супружеской жизни, Агафья Ивановна готовилась быть матерью втораго ребенка.

По временамъ онъ запирался отъ жены, не принимая ея ласкъ. Не одна жена, но и прислуга замѣтила эти перемѣны въ Кирьяковѣ. Въ минуты хорошаго расположенія прикащики были довольны имъ и хвалили его, но переходилъ онъ въ мрачное настроеніе—и брань сыпалась на прислугу по лавкѣ, по дому, на жену, на всѣхъ.

Напрасно Агафья Ивановна старалась выпытать у мужа причину его перемѣны, онъ говорилъ ей одно: «у меня ужь такой норовъ!» Видно представлялъ онъ себѣ въ эти минуты ограбленнаго старика. Скоро сталъ онъ чувствовать, что ему не совладать съ совѣстью. Надо пить! подумалъ онъ: вино заставляетъ все забывать. И вотъ начался рядъ попоекъ; нашлись разумѣется товарищи и незамѣтно втащили Кирьякова въ кружокъ пьянства и разврата. Пошелъ въ жизни Петра загулъ и запой.

Такого рода жизнь началась послѣ рожденія втораго ребенка. Со дня свадьбы, не видавъ мужа пьянымъ, Агафья Ивановна, неожиданно увидѣла его однажды въ полумертвомъ состояніи, привезеннаго на квартиру услужливыми товарищами. Чрезъ недѣлю повторилась таже исторія, а тамъ запой пошелъ своимъ чередомъ по двѣ, а иногда и по три недѣли къ-ряду.

Расходилась рука у Кирьякова, и вотъ, вслѣдствіе жалобъ и упрековъ жены, рука эта опускается на бѣдную женщину...

— Ты его, матушка, начнетъ въ такомъ случаѣ уговаривать хозяйку кухарка:—не трошь пьянаго-то. Ишь онъ сорванецъ какой! Убьетъ, родная.

Иногда, гульнувъ чрезъ мѣру и потративъ слишкомъ

много денегъ, онъ кидался съ бранью за всякую бездѣлицу на служащихъ и жену, какъ будто они были виноваты въ его безпутной жизни. Часто случалось въ подобныя минуты жена, прося денегъ на башмаки или платье, получала суровый отказъ.

— Вамъ бы только деньги проживать, кричалъ онъ на жену, а знаете ли каково ихъ доставать? Мало еще этой дряни у тебя, рада разорить мужа!

— Это видно не на пьянство, возражала жена:—тамъ сотни летятъ, а тутъ женѣ десяти рублей жалко!

— Молчать, дура! кричалъ, взбѣсившись, Кирьяковъ.

— Чтожъ ты ругаешься-то? Постыдился бы хоть немножко! Вѣдь теперь не пьяный.

— Не выводи изъ терпѣнья! Я самъ знаю, что тебѣ нужно и что ненужно...

Подобныя сцены кончались постоянно тѣмъ, что Кирьяковъ уходилъ изъ дома и возвращался на третій или четвертый день въ безчувственномъ состояніи.

Приходила съ жалобой Агафья Ивановна къ матери и брату, но братъ не обращалъ на это вниманія, а подъ-часъ и самъ загуливалъ вмѣстѣ съ зятемъ; мать же помогала дочери только религіозной бесѣдой.

— Что будешь дѣлать, Агашенька, говорила она: видно такъ Богу угодно!.. За грѣхи Царь Небесный наказываетъ!.. А ты терпи—терпѣніе паче добродѣтели.

— Охъ, маменька, ужь я и терпѣніе-то потеряла. Вѣдь у меня дѣти! Не разорваться же мнѣ... Онъ и совѣсть-то потерялъ совсѣмъ. Пріѣдетъ пьяный съ товарищами, Сашутку съ постели стащитъ да и похваляется имъ передъ товарищами. Ишь, говоритъ, сынъ у меня... мильонная головка растетъ, а ребенокъ спать хочетъ, плачетъ... Смо-

трѣть-то мнѣ на это тошно, а станешь говорить—въ рыло лезетъ.

— Чтожъ сдѣлаешь-то? Терпи!

И терпѣла Агафья Ивановна, терпѣла и перетерпѣлась. Перестала она просиживать передъ окномъ ночи, бросила поджидать мужа. Пріѣдетъ онъ домой—ладно, не пріѣдетъ—тоже ладно. Забуянитъ—возьметъ она дѣтей и забьется куда нибудь до утра, или къ сосѣдямъ. Прежде, бывало, ей жалко было мужа—думала, что, можетъ быть, его злые люди испортили, а потомъ и жалость, и любовь къ нему потеряла вовсе и не болѣло ея сердце ни о своей жизни, ни о жизни мужа.

Несмотря на жизнь Кирьякова, торговля его не останавливалась. Во время трезвости онъ умѣлъ наверстывать потерянное въ разгулѣ и возвращать съ процентами деньги, брошенныя на пьянство - скупостью, изворотливостью и умѣньемъ держать служащихъ въ рукахъ. Надо было имѣть особый талантъ, чтобы при разгульной жизни нетолько сберечь, но и увеличить состояніе,—по кому повезетъ, говорятъ въ народѣ, такъ повезетъ. Тутъ нѣтъ разсужденій, какимъ способомъ нажиты деньги, только были бы они нажиты. «Воруй да не попадайся!» говоритъ поговорка, и люди, стремящіеся къ быстрому обогащенію, хватаются за эту поговорку.

Прошло болѣе десяти лѣтъ.

Отъ невоздержной жизни Кирьяковъ сталъ чувствовать боль въ груди, а вслѣдъ затѣмъ явилась и одышка. По-началу онъ не обращалъ на это вниманіе, но когда то и другое усилилось и начало сильно тревожить его, онъ посовѣтовался съ докторомъ. Докторъ, хотя и видѣлъ въ немъ сильно развившуюся чахотку, не хотѣлъ пугать его безпа-

дежностью и взялся за леченье, но на испорченный организмъ лекарства не имѣли дѣйствія и только немного поддерживали угасающую жизнь. Болѣзнь сдѣлала Кирьякова раздражительнѣе и злѣе; къ этому примѣшалось еще ханжество. Суровый къ семейству и прислугѣ, онъ лицемѣрилъ передъ попами, приглашалъ ихъ къ себѣ въ домъ, угощалъ, одѣлялъ деньгами и, расказывая о себѣ и своемъ состояніи, приписывалъ всѣ дѣла рукъ своихъ промыслу Божію.

— Вотъ, отецъ святой, говорилъ онъ, какъ Царь Небесный показалъ свой мудрый Промыслъ на мнѣ, грѣшномъ рабѣ его. Отрокомъ, покойные родители, царство имъ небесное, изъ деревни меня сюда привезли и къ хозяину опредѣлили; одежонки было всего рубашенка съ портишками, да плохой тулупченко, а теперь!.. И приэтомъ онъ вставалъ съ мѣста и водилъ попа или монаха по комнатамъ, показывая домашній скарбъ и въ стеклянныхъ шкафахъ серебряную и дорогую посуду,—вотъ видите, что у меня!.. Въ лавкѣ товару сколько поглядѣли бы!.. Деньги есть въ сундукѣ!.. и все Божьимъ соизволеніемъ это набралось...

— Благодарить Бога надо! подсказывалъ попъ: неимущихъ одѣлять, по бѣднымъ монастырямъ и церквамъ приношенія дѣлать, убогихъ и странныхъ въ домъ принимать...

И Кирьяковъ творилъ приношенія по церквамъ и монастырямъ, принималъ убогихъ и странныхъ въ домъ, но несмотря на это, не пріобрѣлъ любви ни духовныхъ, ни близкихъ, ни товарищей по торговлѣ. Это его раздражало и бѣсило, а болѣзнь подтачивала его жизнь. Онъ еще не былъ старъ, а спина его уже согнулась, глаза потускнѣли, лицо осунулось.

Вотъ какія сцены повторялись чуть не каждый вечеръ.

Кирьяковъ только что возвратился домой. При входѣ на

кухню, онъ замѣтилъ ведро съ помоями, которое не успѣлъ вынести мальчикъ только что возвратившійся изъ лавки.

— Это что? сказалъ онъ кухаркѣ, указывая на ведро.

— Ведро, хладнокровно отвѣчала та, хлопотавшая приготовленіемъ ужина:—ребята сейчасъ вынесутъ.

— А самой раньше вынести руки отсохли? прикрикнулъ Кирьяковъ:—экой проклятый народъ, ничего не хотятъ сдѣлать какъ слѣдуетъ?

— Что тамъ такое? крикнула жена, услыхавъ голосъ мужа изъ другой комнаты.

— Эй ты, хозяйка! отвѣчалъ Кирьяковъ:—что бы присмотрѣть! На кухнѣ дымъ коромысломъ! Забьетесь тамъ, ничего не видите.

— Да, что сдѣлалось? повторила Агафья Ивановна, входя въ кухню.

— Разговаривать еще тутъ съ тобой, проворчалъ сердито Кирьяковъ, уходя въ слѣдующую комнату.

— Что тутъ у васъ вышло? шопотомъ спросила хозяйка у кухарки.

— Увидалъ ведро, не успѣли вынести, отвѣчала кухарка. На нашего хозяина, сами знаете, не угодишь: то то не такъ, то другое.

— И ты не догадалась, замѣтила съ упрекомъ Агафья Ивановна: какъ будто его не знаешь?

— Ну, да!.. ворчала, по выходѣ хозяйки, кухарка. На этого аспида развѣ чортъ потрафитъ! Все ему не такъ, да не по немъ!.. Экое преступленіе сдѣлалось:—ведро не успѣли вынести...

Кирьяковъ между тѣмъ раздѣваясь въ спальнѣ продолжалъ кричать на жену:

— Свиньи! Заберетесь тутъ, а на кухнѣ хоть въ дерьмѣ

потони!.. Что глаза-то вылупила? Это видно вамъ не нравится!—Одышка стала душить его, и онъ закашлялся.

— Что это, Петръ Ѳадѣичъ, возразила Агафья Ивановна: хоть бы лобъ-отъ перекрестилъ!.. Не успѣлъ порогъ переступить и за ругань. На болѣзнь жалуешься, а сердце сдержать не можешь,—а еще богомольнымъ человѣкомъ считаешься.

— Молчи, да носъ-то свой лучше уткни въ кухню! Съ кухаркой управиться не можете, видно дѣловъ у васъ много. Эка артель—десять человѣкъ! Измучились бѣдные спавши, да жравши, да платье дравши!.. Мнѣ бы послѣ торговли отдохнуть дома, а тутъ тебѣ непріятности на каждомъ шагу... Экой народъ!.. Скоро-ли избавитъ меня Господь отъ этой проклятой жизни!..

Послѣдняя выходка тронула бѣдную Агафью Ивановну; на глазахъ ее выступили слезы.

— Ладно, не кричи, сказала она,—уберусь, Богъ дастъ... Слава Богу пожила съ тобой, помаялась!.. Въ христовъ день не слыхала ласковаго слова... Куды какъ пріятна была мнѣ эта жизнь... Спасибо и на томъ, что въ гробъ гонишь!..

— Плачь тамъ... Велики твои слезы... Что дурь-то бабью распустила? Тревожите только больного человѣка... Ступай, позови Сашутку, да не входи сюда: мы съ нимъ дѣломъ займемся.

Агафья Ивановна вышла.

Кирьяковъ натянулъ халатъ и валенки, разложилъ на столѣ торговыя книги и нѣсколько листовъ вексельной бумаги, сѣлъ къ столу и, ухватившись руками за грудь, закашлялъ.

Сынъ, переступивъ порогъ спальни, остановился въ ожиданіи приказанія отца.

— Садись и пиши! сказалъ отецъ, указывая на вексельную бумагу: Ивану Потапычу Смирнову, по девяти-сотъ каждый, чрезъ три мѣсяца.

— Отъ васъ тятенька? робко спросилъ мальчикъ, садясь къ столу.

— Что тебѣ за дѣло, отъ кого? Сколько разъ тебѣ было говорено не разсуждать. Экой скотъ! Твое дѣло написать что велятъ, а не спрашивать!

Мальчикъ наклонился надъ письмомъ, едва переводя дыханіе отъ страха. Онъ боялся осердить отца. Кирьяковъ, посмотрѣвъ нѣсколько времени на работу сына, пошелъ въ комнату дочери.

Дочь читала книгу. Рѣдко пользуясь случаемъ, что нибудь прочитать, хотя и были у отца въ шкапу четія-минея и другія славянской печати книги, она до того углубилась въ чтеніе, что не слыхала какъ вошелъ въ комнату отецъ. Внезапное появленіе его смутило дѣвушку; она покраснѣла и потупила глаза.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ Кирьяковъ.

— Читаю-съ... отвѣчала дѣвушка.

— Читаешь!.. А, что ты читаешь?

— Книгу-съ...

— Знаю что книгу, да какая она? сказалъ онъ съ сердцемъ:—взялъ книгу отъ дочери и поднесъ ее къ свѣчкѣ, чтобы посмотрѣть.

— Повѣсть... едва слышно отвѣчала дѣвушка, и подумала: достанется же мнѣ отъ отца!

— А кто тебѣ позволилъ? Гдѣ ты взяла ее?

— Саша у знакомаго взялъ почитать...

— Дѣльно! Набивайте голову повѣстями; хорошее дѣло будетъ!..

— Тутъ тятенька нѣтъ дурного...

— Молчать!.. Чтобы у меня этого не было. Слышишь? и онъ вышелъ отъ дочери, захвативъ книгу съ собой.

Прикащики жили въ особенной комнатѣ. Они сидѣли за картами, когда вошелъ хозяинъ. При его появленіи всѣ поскакали съ мѣстъ и вытянулись передъ нимъ въ струнку. Карты, обличители ихъ грѣховности, лежали неприбранными на столѣ.

— Отличное дѣло! сказалъ Кирьяковъ и указалъ на карты: больше и дѣлать нашимъ ребятамъ нечего, какъ въ карты дуться. Ахъ вы скоты безрогіе! Неужели не можете пріискать себѣ домашнихъ занятій, кромѣ этой дряни!.. Подлецы!

— Помилуйте-съ, Петръ Ѳадѣичъ! отозвался одинъ изъ прикащиковъ, какъ видно побойчѣе другихъ:—чѣмъ же намъ до ужина и заняться, какъ не картами?

— Ослиная твоя голова! чѣмъ заняться?.. Нѣтъ смысла книги читать? Спросили бы у меня житія святыхъ да и читали. Тамъ примѣры жизни есть, а это что?.. Похабство одно... Кирьяковъ плюнулъ и вышелъ.

— Читай, коли тебѣ есть охота—ворчали прикащики: мы успѣемъ и тогда за божественное взяться, когда въ твоихъ годахъ будемъ. Ужъ больно некстати уменъ! Давайте-ка, ребята, на новую—онъ больше къ намъ не взойдетъ.

И карты опять пошли въ ходъ.

Отъ прикащиковъ Кирьяковъ зашелъ на кухню, гдѣ жена его, при помощи кухарки и двухъ мальчиковъ, изготовляла ужинъ. Замѣтивъ небрежно брошенный мальчишкою на печку армякъ, онъ притащилъ его за волосы къ нему и, потрепавъ, далъ наставленіе какъ сберегать хозяйскую одежду. Второй мальчишка, почуявъ бѣду и не дожидаясь, когда

она разразится, схватилъ порожнее ведро и выскочилъ съ нимъ за дверь, будто за дѣломъ.

Приказавъ женѣ поскорѣе сбирать ужинъ, онъ возвратился къ сыну, который уже окончилъ писать.

— Откуда у тебя эта книга? спросилъ онъ, кладя книгу на столъ передъ сыномъ.

— Петра Онуфріевича, тятенька.

— А, зачѣмъ ты взялъ ее?

— Почитать-съ.

— Почитать!.. Какъ ты смѣлъ безъ моего спросу носить домой такія книги?

— Чтоже-съ?..

— Какъ чтоже?.. Да знаешь ли ты, что я голову размозжу тебѣ этой книгой!..

Сынъ сробѣлъ, задрожалъ, всталъ съ мѣста и опустилъ голову.

— Вѣдь это что? продолжалъ грозно Кирьяковъ, указывая на книгу,

— Повѣсть...

— Повѣсть! Такъ вы съ такихъ лѣтъ за повѣсти взялись? У васъ ужь романы въ головѣ... И еще сестрѣ носишь, чучело поганое. Годиться ли тебѣ повѣсти читать? Нешто я для этого тебя въ школѣ обучалъ и къ лавкѣ приставилъ? Спросилъ ли ты у меня объ этомъ? Ты торговцемъ долженъ быть, а не прощалыгой, которые могутъ романы читать, чушка полосатая! На,—сказалъ онъ, взявъ книгу и ткнувъ ею сына въ голову—отдай ее назадъ, да смотри, чтобы впредь у меня не брать этихъ глупостей... Слышишь?

— Слышу-съ.. пробормоталъ мальчикъ, переступая порогъ и внутренно радуясь, что такъ дешево отдѣлался.

Черезъ четверть часа семья сѣла за ужинъ, за которымъ также не обошлось безъ вспышки гнѣва Кирьякова.

Такъ шла его обыденная жизнь, а между тѣмъ, несмотря на лекарства, силы оставляли его. Волей-неволей, но онъ принужденъ былъ отказаться отъ торговли, предоставивъ распоряжаться ею малолѣтнему сыну, и сталъ только лечиться. Докторъ не давалъ ему повода думать о близкой смерти, и по возможности поддерживалъ его крѣпительными и успокоительными средствами, за что бралъ по пяти рублей за визитъ. Посѣщали больнаго немногіе, что еще болѣе раздражало его: скука, бездѣятельность отравляли его послѣдніи дни.

Однажды Агафья Ивановна, вошедши въ спальню мужа, сказала ему, что его желаетъ видѣть какой-то Захаровъ.

— Не знаю, кто это,—прошепталъ онъ:—но все равно проси.

Гостю было подъ пятьдесятъ. Добродушное лицо его сіяло здоровьемъ и довольствомъ.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? сказалъ Кирьяковъ, обращаясь къ гостю, и по возможности сдерживая кашель, который душилъ его.

— Не узналъ, Петръ Ѳадѣичъ? съ изумленіемъ сказалъ гость.

— Что-то не припоминаю... отвѣчалъ Кирьяковъ, едва слышно.

— Гдѣ припомнить—продолжалъ гость:—лѣтъ двадцать слишкомъ прошло, какъ мы не видались. Я-то постарѣлъ, а ты такъ измѣнился, что и признать нельзя. Да, много прошло времени, какъ мы знали другъ друга; я и не думалъ видѣться съ тобой, да до слуха дошло, что старый пріятель

въ постель слегъ; дай, думаю, навѣстить. Помнишь прикащика Вавилова?... Сергѣя?..

— Сергѣя?.. забормоталъ ошеломленный давно забытымъ именемъ Кирьяковъ и закашлялся.

— Да, Сергѣя Захарова.

— Не знаю... Что-то не помню...

— Не припомнишь... Меня-то не припомнишь?.. Что ты, Петръ Ѳадѣичъ! Помнишь, когда ты жилъ у Скоробогатова въ прикащикахъ, рядомъ съ тобой торговалъ, дѣла кое-какія мы съ тобой дѣлывали... Вспомнилъ?..

Кирьяковъ смутился и закашлялся сильнѣе.

— Теперь вспомнилъ, сказалъ онъ.

Захаровъ, принявъ какой-то торжественный видъ, началъ:

— Скажи ты мнѣ, теперича, вотъ ты человѣкъ больной, не ровенъ часъ, можетъ и не встанешь, такъ не думаешь ли развязать старые-то грѣхи?.. Какъ ты о томъ скажешь?..

Кирьяковъ задрожалъ, блѣдно-желтыя его щеки намигъ вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Старые грѣхи?.. началъ онъ, хватаясь за грудь. Какіе это?

— Намъ съ тобою, Петръ Ѳадѣичъ, другъ отъ друга хорониться нечего. Вотъ въ чемъ дѣло: я, благодаря Бога, имѣю хорошее хозяйство и потому о своихъ съ тобою расчетахъ говорить не буду. Но вѣдь ты не забылъ же, что за товаръ, накраденный мною у Вавилова, не заплатилъ мнѣ ни гроша, исключая двух-сотъ рублей, что далъ на дорогу, когда я поѣхалъ на родину. Видишь, я не скрываю своихъ старыхъ грѣховъ, и тебѣ не слѣдуетъ! Я не о себѣ пришелъ съ тобою говорить; но случайно, лѣтъ пять тому назадъ, я нашелъ дальняго родственника, бывшаго твоего хозяина Скоробогатова, и нашелъ его въ бѣдности. Я пріютилъ его

у себя, пріучилъ къ своей торговлѣ и онъ живетъ у меня теперь въ прикащикахъ. Человѣкъ онъ отмѣнный, правилъ хорошихъ, одинъ недостатокъ—бѣдность. Услыхавъ о твоей болѣзни, я подумалъ: ты когда-то ограбилъ Скоробогатова, а съ нимъ и родню его—пойду-ка и скажу. Вотъ ты умираешь, а грѣхи твои не покрыты. Покрой ихъ пока возможно, Петръ Ѳадѣичъ! Я прошу тебя объ этомъ ради твоего же спасенія.

Во время словъ Захарова на Кирьякова смотрѣть было страшно. Блѣдный, съ сжатыми губами, сидѣлъ онъ передъ Захаровымъ. Одни только глаза доказывали, что жизнь въ немъ еще не угасла.

— Мнѣ, Сергѣй Захарычъ, весьма страшно—началъ онъ, принуждая себя говорить громче;—что человѣкъ, котораго я, положимъ, и знавалъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, приходитъ ко мнѣ, больному человѣку, безъ всякаго приглашенія, безъ всякой нужды, и насильно хочетъ заставить меня далать то, что, по моему разумѣнью, вовсе не слѣдуетъ. Я не грабилъ Скоробогатова. Ты не могъ знать нашихъ съ нимъ расчетовъ. Товаръ, принятой мною отъ него, былъ оплаченъ. У меня были свои деньги, да сверхъ того я выдалъ ему документы, по которымъ платилъ впослѣдствіи тѣмъ лицамъ, которымъ онъ ихъ передалъ. Одному Говорилину я сколько заплатилъ! Я кормилъ, когда онъ сидѣлъ въ долговомъ, его жену и потомъ хоронилъ на свой счетъ. Знаю, что можетъ быть я скоро умру и потому говорю тебѣ по душѣ истинную правду; а до тебя дошли слухи, которые были распущены завистниками и недоброжелателями моими, а не людьми справедливыми!.. Вотъ, я тебѣ высказалъ все по чистой совѣсти; впрочемъ понимай какъ знаешь.

— Я тебя знаю, Петръ Ѳадѣичъ, возразилъ Захаровъ, и потому словамъ твоимъ не повѣрю. Но ты дай мнѣ досказать все, что я думалъ. У тебя растетъ дочь: распорядись такъ, чтобы послѣ тебя, а если ты будешь живъ самъ, то и самъ это сдѣлай, чтобы выдали ее замужъ за того, о комъ я говорю; награди его хоть половиною того, что ты отнялъ— и благое дѣло будетъ сдѣлано. Даже, какъ ты говоришь, если и не ограбилъ Скоробогатова, такъ изъ уваженія къ нему, какъ къ своему благодѣтелю, осчастливь его родственника. Вѣдь я тебѣ дѣло предлагаю сдѣлать доброе... Подумай!

— Мнѣ думать нечего! Если я и согрѣшилъ, то отдамъ за это отвѣтъ одному Богу. Я не прошу никого вмѣшиваться въ мои грѣхи, если только они есть у меня; мнѣ въ пору о себѣ да о своемъ семействѣ думать, а до постороннихъ людей мнѣ нѣтъ дѣла. Жили они до меня, проживутъ и безъ меня; а за всякаго голыша я дочь свою отдавать ненамѣренъ.

— Ну, Петръ Ѳадѣичъ, не думалъ я говорить съ тобою крѣпко, не хотѣлъ тревожить больнаго человѣка: но правда кипитъ у меня на сердцѣ, а жизнь твою я знаю всю и потому выскажу тебѣ все. Ты сказалъ, что тебѣ въ пору думать о себѣ и о семействѣ своемъ—да развѣ оно есть у тебя?

— А какъ же! Жена, сынъ, дочь.

— Это-то я знаю, что у тебя есть жена, сынъ и дочь, но твое ли это семейство?.. Какъ ты думаешь?.. Думалъ ли ты о немъ, когда бражничалъ съ безпутной компаніей по трактирамъ и непотребнымъ мѣстамъ?.. Заботился ли ты о воспитаніи дѣтей, какъ бы слѣдовало чадолюбивому отцу?.. Ты думаешь, скрывши все, что твоихъ дѣлъ никто не знаетъ?

Нѣтъ, братъ, все выйдетъ наружу, что нечисто и грязно въ твоей жизни... Ты не видалъ, подобно мнѣ, горькихъ минутъ. Ты былъ баловнемъ какого-то глупаго счастья, а нищета—наука въ жизни. Я прошелъ эту науку, но ты не видалъ ее... Помнишь, когда я воровалъ товаръ у Вавилова, кто подбилъ меня на это пакостное дѣло? Для кого я воровалъ?.. Что я этимъ пріобрѣлъ для себя?—десятокъ лѣтъ нищеты. Меня никто въ услуженіе не бралъ, я таскался безъ мѣста и слылъ подлецомъ, а все чрезъ кого?—черезъ тебя... Ты взгляни хорошенько на себя. Кто, ограбивъ до нитки хозяина — благодѣтеля, пустилъ его на поселеніе?.. Кто измучилъ свою жену и всю семью? Что они?—жертвы! Что ты?—палачъ!.. Умираешь ты, а все еще лжешь безъ совѣсти. Ты не заблуждался и въ жизни, но съ обдуманнымъ намѣреніемъ шагъ за шагомъ совершалъ преступленія.

Кирьяковъ блѣдный, какъ полотно, съ стиснутыми зубами, сидѣлъ передъ Захаровымъ. Трупомъ смотрѣлъ онъ, но этотъ трупъ былъ полонъ ненависти къ своему гостю. Съ угрожающимъ жестомъ поднялъ онъ исхудавшую руку и указалъ гостю на дверь. Говорить онъ не могъ: кашель душилъ его, злость лишила голоса; въ это время вошла его жена. Бѣдная женщина слышала весь разговоръ за дверями и каждое слово гостя раздирало ей сердце.

Захаровъ махнулъ рукой и вышелъ отъ Кирьякова. На улицѣ его обогнала кухарка Кирьяковыхъ, бѣжавшая за священникомъ. Больной пожелалъ исповѣдаться.

Вечеромъ возвратившійся съ торговли сынъ Кирьякова былъ тотчасъ же потребованъ къ отцу.

Старикъ лежалъ на постели, къ его дыханію уже примѣшивалась предсмертная хрипота. Жизнь оставляла его. Жена и дочь стояли у изголовья постели.

Приказавъ женѣ подать икону, онъ благословилъ ею сына.

— Я Саша видно не жилецъ, сказалъ онъ ему, передавая икону; подняться не могу. Слушай, что я тебѣ буду говорить: почитай мать, слушайся ее. Сестру люби, время придетъ—пристройте ее. Слышь, жена!

— Слышу... прошептала обливаясь слезами жена.

— Ты торговать не можешь—продолжалъ больной, обращаясь къ сыну,—потому что молодъ. Гдѣ тебѣ! Лавку сдайте. Когда постарше будешь, тогда дѣло найдешь себѣ. Я васъ не съ пустыми руками оставлю. Я заботился о васъ, наживалъ: помните же это и поминайте меня. Если когда и былъ сердитъ, простите—характеръ былъ такой! На похороны всѣхъ позовите, кого я зналъ—пусть помянутъ меня. Ну, ступайте теперь, я хочу отдохнуть.

Черезъ пять минутъ жена, сынъ и дочь цѣловали съ воплями охладѣвшій трупъ.

По случаю столь горестнаго событія, на другой день много явилось передъ скорбящей о потерѣ мужа Агафьей Ивановной соболѣзнователей и утѣшителей обоего пола. Въ числѣ ихъ нашлись люди, которые по добротѣ приняли на себя обязанность исполнить всевозможныя порученія, тѣмъ болѣе, что женѣ умершаго невозможно было по прежнему обычаю чѣмъ нибудь заняться, исключая рыданій и скорби надъ тѣломъ лежащаго въ гробѣ. Дальній родственникъ, Кумъ Кумовичъ, еще наканунѣ взявшій изъ ближней церкви траурные подсвѣчники и покровъ, изъявилъ готовность условиться въ цѣнѣ за предложенное, чуть ли не на триста персонъ, поминовеніе съ кухмистерами, которые еще съ утра осаждали вдову своими предложеніями, и одинъ изъ нихъ дотого простеръ свое вниманіе въ горести су-

пруги усопшаго, что считалъ нелишнимъ пролить слезы надъ покойнымъ и сказать живущей: «Зналъ я, сударыня, покойнаго. Добрѣйшей души былъ человѣкъ... Что дѣлать?.. Всѣ смертны... всѣ будемъ тамъ...» и тутъ же сталъ завѣрять о своихъ способностяхъ по части изготовленія обѣдовъ и ужиновъ, о своей честности и акуратности въ дѣлѣ исполненія заказовъ—объяснилъ лучшую сторону своего мастерства и добросовѣстности,—говорилъ много, но несмотря на скорбь о потерѣ человѣка добрѣйшей души и на жаркое краснорѣчіе кухмистера-оратора, вдова отказала ему, присовокупивъ, что хозяйственная часть похоронъ нѣжно любимаго супруга передана ею на распоряженіе родственника Кума Кумовича, что весьма озлобило чувствительнаго кухмистера, такъ что онъ, уходя отъ Кирьяковыхъ, сильно хлопнулъ дверью и пропустилъ язвительно сквозь зубы: «А чтобы васъ чортъ побралъ съ Кумомъ Кумовичемъ.» Другой дальній родственникъ — Сватъ Сватычъ изъявилъ желаніе похлопотать по кладбищу въ отношеніи вырытія могилы, изготовленія каменнаго ящика, могущаго оградить остатки усопшаго отъ воды и скораго разрушенія, приготовленія катафалка и приглашенія къ погребенію духовныхъ особъ. Кумушка Настасья Бездѣльная была такъ деликатна, что приняла на свои руки всѣ хлопоты по части постройки траурнаго платья какъ для Агафьи Ивановны съ дочерью, такъ и для небогатыхъ родственницъ, не имѣющихъ средствъ нарядиться въ трауръ на свой счетъ. Однимъ словомъ, добрые знакомые и родственники избавили совершенно отъ хлопотъ вдову усопшаго, которой оставалось только выдать имъ необходимые на расходы деньги.

— Ужь вы извините меня, пожалуйста! говорила Агафья Ивановна, передавая распорядителямъ пачки кредитныхъ

билетовъ, —я знаю, что затрудняю васъ, но что же дѣлать? Я и сама похлопотала бы, но сами знаете, какое мое положеніе...

Распорядители, откланяваясь съ деньгами, говорили:

— Почему же не услужить! Мы откажемся, другой откажется—что же послѣ этого будетъ?..

Квартира Кирьяковыхъ походила на станцію желѣзной дороги, гдѣ съ только что прибывшимъ поѣздомъ люди приходятъ, ѣдятъ, пьютъ, уходятъ, и опять приходятъ, и опять ѣдятъ и пьютъ, и опять уходятъ. Каждый, хотя нѣсколько знавшій усопшаго, считалъ обязанностью придти поклониться его праху, выпить рюмку водки или вина, закусить и уйти съ тѣмъ, чтобы вновь придти уже въ самый день погребенія, проводить усопшаго до кладбища и заѣсть его киселемъ и блинами. Въ числѣ родственниковъ и знакомыхъ подходили иногда къ гробу женщины, оглашавшія комнаты воплями и причитываніями: «Ахъ, ты мой батюшка! Лежишь-то ты и не двинешься! На кого-то оставилъ свою женушку? На кого-то бросилъ милыхъ дѣтушекъ? Оставилъ ты ихъ сиротами безпріютными»... Гости, встревоженные раздирательными криками, спрашивали у хозяйки: кто это такъ скорбитъ о покойномъ и получали въ отвѣтъ, что хозяйка подобной женщины никогда не видала; но по дальнѣйшемъ розысканіи оказывалось, что это или землячка, живущей у Кирьякова кухарки, которая съ-роду не видывала покойнаго, но зайдя къ землячкѣ случайно не преминула воспользоваться случаемъ повыть по покойникѣ, или прислуга кого нибудь изъ живущихъ въ домѣ Кирьяковыхъ.

Являлись и безчувственные пришлецы не затѣмъ, чтобы поклониться праху усопшаго и проститься съ нимъ, но посмотрѣть на усопшаго какъ на любопытную вещь. Они напримѣръ желали знать: съ открытыми глазами лежитъ усоп-

шій или съ закрытыми, оскалившись или съ замкнутыми губами, есть отъ него запахъ или нѣтъ. Потомъ смотрѣли каковъ гробъ, посредственный или пышный, въ чемъ одѣтъ усопшій, изъ какой матеріи халатъ, хорошъ ли покровъ и свой ли онъ или взятъ на прокатъ, гдѣ хоронить будутъ и когда, много ли духовенства приглашено и сколько каретъ нанято; понесутъ усопшаго или повезутъ, а если понесутъ, то кто—наемные носильщики или за скобы гроба родственники и знакомые? Чѣмъ занимался усопшій при жизни, какихъ лѣтъ умеръ, великъ ли капиталъ оставилъ и сколько человѣкъ семейства осталось послѣ него, самъ ли нажилъ капиталъ или наслѣдственное? И обо всемъ спрашивали они, до всего доискивались, и все нужно было имъ знать до мельчайшихъ подробностей. Зашелъ поклониться усопшему и такой гость, который счелъ обязанностью сказать передъ нимъ торжественную рѣчь. Говорилъ онъ о заслугахъ покойнаго отечеству, о житейской добротѣ почившаго, о его патріархальной семейной жизни, о торговой дѣятельности, принесшей много пользы обществу. Говорилъ много и хорошо, но къ несчастію оказался подъ-хмѣлькомъ и произвелъ на слушателей впечатлѣніе вовсе не такого свойства, какое думалъ произвести, и въ замѣнъ похвалъ и удивленія былъ награжденъ взрывомъ хохота, что вовсе не шло къ настоящему горестному событію.

Иногда гости выходили изъ залы, гдѣ лежалъ усопшій, въ отдаленную комнату:—тамъ стоялъ столъ покрытый бѣлою скатертью и уставленный винами и закусками; у этого стола подкрѣпляли они свои силы, слабѣющія отъ непрестаннаго соболѣзнованія и скорби по усопшемъ, и возвращались къ гробу, покорные удару судьбы, отвратить который не въ силахъ умъ человѣческій.

Два дьячка изъ ближней приходской церкви, облаченные въ траурные стихари, чередуясь другъ съ другомъ черезъ каждые три часа, голосили по правую сторону гроба предъ раскрытою на налоѣ книгою монотонно-печальнымъ голосомъ псалмы царя Давида, и нисколько не стѣсняясь заводили порой разговоръ съ присутствующими, отчего иногда чтеніе псалмовъ прерывалось на добрые четверть часа, что возбуждало порицаніе нѣкоторыхъ соприсутствующихъ. Вдова и дочь покойнаго, едва различая прибывающихъ и выбывающихъ гостей, сидѣли у гроба, неуклонно предаваясь горькой печали и скорби.

Въ назначенный для похоронъ день, въ домѣ Кирьякова поднялись съ шести часовъ утра. Покамѣсть семья и гостиночлежники одѣвались и пили кофе, Кумъ Кумовичъ, съ всегдашнею заботливостью, слѣталъ къ кухмистеру и привезъ оттуда кутью. Около восьми часовъ комнаты были полны народомъ и ждали только духовенство. Въ девять часовъ вынесли гробъ, сопровождаемый духовенствомъ и огромной массой приглашенныхъ и неприглашенныхъ лицъ; за массою народа потянулась безконечная вереница экипажей всевозможныхъ видовъ и названій. Агафью Ивановну вели подъ руки двѣ довольно знаменитыя и довольно мясистыя купчихи. Агафья Ивановна плакала, идя за гробомъ мужа, двѣ толстыя-знаменитости утѣшали ее. Дочь и сынъ шли неподалеку отъ матери рядомъ. На сто саженъ растянулась вдоль улицы погребальная процесія, и каждый встрѣчающійся съ нею, спрашивая кого хоронятъ, снималъ изъ уваженія къ памяти умершаго шапку, и получивъ отвѣтъ, который повидимому интересовалъ его, еще долго стоялъ на каменной плитѣ тротуара, провожая глазами длинную процесію. Но черезъ четверть часа эта процесія, полная

массы народа, стала походить на дирявый мѣшокъ съ мукою: тащатъ мѣшокъ, а изъ диры сыплется мука да сыплется, и къ концу пути дай Богъ носильщику принести хоть четверть мѣшка муки, который по началу онъ взвалилъ на свои плечи полнымъ. Народъ, сопровождавшій гробъ, сталъ мало-по-малу отставать; въ числѣ первыхъ было нѣсколько духовныхъ особъ, уѣхавшихъ впередъ на кладбище. Иные, отдавъ послѣдній поклонъ гробу, шли къ своимъ житейскимъ обязанностямъ; другіе, почувствовавъ усталость, садились въ экипажи; третьи заходили по пути въ трактиры и тамъ располагались за чаемъ или водкою; четвертые тащились къ назначенному кладбищу, уже совершенно потерявъ изъ виду гробъ; пятые, соскучившись тащиться и не имѣя экипажей, нанимали извощиковъ и отправлялись впередъ на кладбище. Только жена, сынъ и дочь не забывали своего долга и провожали гробъ пѣшкомъ до кладбища, да былъ еще одинъ человѣкъ, который не отставалъ отъ семьи покойнаго—это былъ Захаровъ.

Но вотъ наконецъ и кладбище. Толпа народа ожидала усопшаго у входа въ церковь. Внесли гробъ, поставили его на катафалкъ и разбрелись въ разныя стороны. Иные разсѣялись по кладбищу, иные пошли искать теплаго пріюта около чая и графина, другіе пошли глядѣть глубоко ли вырыта могила, и остались опять предъ покойникомъ жена, сынъ и дочь, да небольшая кучка людей изъ ближней родни.

Къ отпѣванію собрались почти всѣ, исключая развѣ тѣхъ, которые успѣли во время обѣдни подкрѣпиться и заблагоразсудили уѣхать съ кладбища на поминки и тамъ ожидать окончанія погребенія. Въ церкви сдѣлалось и тѣсно, и душно отъ скопившагося народа. У каждаго была въ рукѣ зажженная свѣчка; каждый перешептывался съ сосѣдомъ или со-

сѣдкою и машинально иногда, какъ заведенная машина, поднималъ руку и крестился. Не было тутъ молитвъ о прощеніи усопшему грѣховъ,—не для того собрались сюда эти люди. Каждый думалъ не объ усопшемъ, а о своихъ житейскихъ нуждахъ. А казалось, глядя на эту многочисленную толпу, на эти печально приторныя лица, что они готовы рыдать отъ скорби и печали по нѣжно любимомъ человѣкѣ. Скорбѣла одна жена, привыкшая многіе годы видѣть его передъ глазами, хотя и суроваго, и взбалмошнаго; но тутъ, передъ трупомъ прощалось злое и плакалось о потерѣ добраго. Скорбѣли также находившіе пріютъ и гостепріимство у покойнаго странники, странницы и сборщики на монастырскія и церковныя нужды,—скорбѣли они, и въ то же время думали: «что-то намъ дадутъ на поминъ души?» Болѣе всѣхъ скорбѣлъ о лежащемъ въ гробѣ, но скорбѣлъ не о потерѣ этого человѣка, а о его прошлой жизни—все тотъ же Захаровъ.

— И ничего ему теперь ненужно, думалъ онъ. А сколько было грѣха для пріобрѣтенія всего, что онъ теперь оставилъ?

А священники пѣли гробовыми голосами: «Упокой Господи душу усопшаго раба Твоего»... Дымъ отъ курящагося ладона расходился по церкви, копоть отъ нагорѣвшихъ свѣчей тянулась струйками подъ своды, паникадила и лампады разливали по церкви тусклый свѣтъ...

Въ огромныхъ комнатахъ за длинными столами, установленными приборами, сидѣли многочисленные гости, собравшіеся помянуть только что опущеннаго въ могилу покойника. Зашагали длинные официанты въ коротко-полыхъ фракахъ, съ небольшими мисками, наполненными кутьей. Все закрестилось. Пришли въ движеніе челюсти, потянулись руки гостей къ бутылкамъ и графинамъ; застучали ножи съ

вилками, закрипѣли тарелки, зазвенѣли рюмки и стаканы, замотались бороды, забѣгали официанты, захлопали пробки и пошли въ ходъ поминки по умершемъ.

Послѣ стола гости мало-по-малу разъѣхались, комнаты опустѣли и только сильно зашибившіеся хмѣлькомъ не хотѣли уходить и настоятельно требовали водки, но и они наконецъ, получивъ отказъ самаго рѣшительнаго свойства, оставили эти комнаты, гдѣ раздавались споры и горячія рѣчи мужчинъ, болтовня женщинъ, шопотъ дѣвушекъ и недовольное шипѣнье официантовъ. Все опустѣло, остались одни столы, порожнія бутылки, пыль и грязь на полу — слѣды поминовенія почивающаго въ могилѣ Петра Ѳадѣича Кирьякова.

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
00024215295